

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
Министерство национальной и территориальной политики
Республики Хакасия
Министерство образования и науки Республики Хакасия
Министерство культуры Республики Хакасия

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

Материалы

*IV Всероссийской научно-практической конференции
(Абакан, 1–2 октября 2020 г.)*

Абакан
2020

УДК [81+008]:39(571.1/.5)(063)
ББК 81.2(253)+71.083я431
С689

***Издается по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»***

*Издание сборника осуществляется при финансовой поддержке
Министерства национальной и территориальной политики
Республики Хакасия (государственный контракт № 19 от 7 апреля 2020 г.)*

Редакционная коллегия сборника:
Боргоякова Т. Г. (ответственный редактор)
Гусейнова А. В.
Каксин А. Д.
Покоякова К. А.
Султанбаева К. И.
Чертыкова М. Д.
Чугунекова А. Н.

**Сохранение и развитие языков и культур коренных народов
С689 Сибири:** материалы IV Всероссийской научно-практической кон-
ференции (Абакан, 1–2 октября 2020 г.) / отв. ред. Т. Г. Боргояко-
ва. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова, 2020. – 232 с.
ISBN 978-5-7810-2002-7

Сборник подготовлен по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири». Доклады охватывают широкий круг вопросов, связанных с проблемами функционирования языков коренных народов Сибири в контексте языкового законодательства и поликультурного пространства, лингвистического анализа их структуры и семантики в корреляции с этнокультурными особенностями мировидения, отраженными в фольклоре и литературе. Отдельный блок посвящен подходам и практикам обучения хакасскому языку в школе и дошкольных учреждениях поликультурной модели. В работе конференции приняли участие ученые и практики из научных и образовательных центров 10 субъектов РФ, а также ученые из Казахстана и Кыргызстана.

Издание предназначено для ученых, вузовских и школьных преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами сохранения, развития и изучения языков и культур коренных народов в региональном, российском и глобальном контексте.

УДК [81+008]:39(571.1/.5)(063)
ББК 81.2(253)+71.083я431

ISBN 978-5-7810-2002-7

© ФГБОУ ВО «Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние десятилетия возрастает актуальность исследований языковой политики, акцентирующих внимание на разных сторонах функционирования языков мира в динамичном социальном контексте. Все большую поддержку получает идеология ценности многообразия языков с переходом от декларативной поддержки к политике активного продвижения миноритарных и региональных языков. 2019 год по решению ООН стал Международным годом языков коренных народов. В его рамках в Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова прошла III Всероссийская научно-практическая конференция «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (21–22 мая 2019 г.). В 2020 году IV Всероссийская научно-практическая конференция с таким же названием посвящена Году хакасского языка в Республике Хакасия. Как и предыдущие конференции, она проводится в рамках постоянного научного форума ХГУ им. Н. Ф. Катанова «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», действующего с 2005 года.

Сборник состоит из докладов участников IV Всероссийской научно-практической конференции, размещенных в соответствии с делением по видам заседаний – пленарное и секционные. Все они отражают результаты полиаспектных исследований в области филологии и инновационных практик обучения языкам, литературе и фольклору коренных народов Сибири с привлечением опыта других стран и регионов РФ.

Авторы докладов представлены учеными, представителями органов власти, педагогами, аспирантами и студентами из 10 субъектов РФ (Москва, Новосибирская и Кемеровская области, Красноярский край, республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия и Якутия, Ямало-Ненецкий автономный округ), а также из университетов Казахстана и Кыргызстана.

В пленарной части конференции представлены доклады, посвященные проблемам: языков коренных народов РФ в сфере образования в сопоставлении с зарубежным опытом (Э. В. Хилханова, ИЯ РАН, Москва); актуализации национальных образов коренных народов РФ в репрезентации носителей языка, фольклора и литературы (У. М. Бахтикиреева, РУДН, Москва); концептуализации и реализации национальной идеи Н. Ф. Катанова (К. И. Султанбаева, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, Абакан); детерминант категоризации мира в языках коренных народов России (Л. А. Араева, КемГУ, Кемерово); экстралингвистических факторов фор-

мирования диалектов и говоров тувинского языка (М. В. Бавуу-Сюрюн, ЦРТТКиР, Кызыл); языковой политики в дискурсивных практиках и реализации в Республике Хакасия (Т. Г. Боргоякова, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, Абакан).

Секционные доклады посвящены репрезентации картины мира в семантической, грамматической и фонологической структуре языков народов Сибири, особенностям их социолингвистического и психолингвистического измерения и актуальным практикам обучения родным языкам в поликультурном образовательном пространстве.

Предлагаемые доклады публикуются в авторской редакции. Дискуссионные вопросы оставлены для обсуждения на конференции.

Уверена, что обмен результатами научного, нравственного и методического поиска будет способствовать укреплению единства народов Сибири и России в богатстве и разнообразии их языков и культур.

Т. Г. Боргоякова
руководитель проекта

УДК 81-2

Л. А. Араева

СУФФИКСОИДЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТА КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА В ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ

Разводятся понятия суффиксоида и полусуффикса. Выявляется категоризирующая роль суффиксоидов, входящих в состав устойчивых словосочетаний в языках коренных народов России. Описываются особенности в анализируемых языках пропозиционально связанных ассоциаций при именовании грибов, проявляющие специфику языковой картины мира конкретного народа.

Ключевые слова: языковая картина мира, суффиксоиды, полусуффиксы, коренные народы России, категоризация.

Познавая мир, человек производит новую номинацию по аналогии с уже существующими в языке наименованиями. «Аналогия пронизывает все способы словообразования, она составляет их внутренний механизм» [Ханпира, 1966, с. 158]. Основными категоризаторами в этом случае выступают словообразовательные типы, те словообразовательные модели, в рамках которых по аналогии производятся и воспроизводятся производные слова определенной темы, характерной для конкретного типа. Например, наименования мяса животного в русском языке обозначаются с использованием суффикса -ин/а/ и его вариантов: -атин/а/, -овин/а/, -ятин/а/, -ёвин/а/. Ср.: *телятина, медвежатина, свинина, курятина, осетрина, сомовина* и др.

Наряду с суффиксами и префиксами языковая категоризация мира происходит с использованием суффиксоидов и префиксоидов. Как правило, в русском языке с помощью этих формантов образуются сложные слова.

В языках коренных народов России, большая часть которых относится к тюркским языкам, гносеологическую функцию осуществляют суффиксоиды, функционирующие в устойчивых словосочетаниях, которые воспроизводятся и производятся в границах деривационных моделей.

Ср.: например, в телеутском языке.

В зависимости от размера дом называют *jaan üй* (большой дом), *кичү үй*, *кинчегеш үй* (маленький дом), *тийик үй* (высокий дом), *jaбыс үй* (низкий дом).

Наименования комнат в доме по назначению: *уқтапјитан јер* – спальня, буквально «место, где спишь»; *ойнопјитан јер* – детская, букв.

«место, где играют»; *junjtitan jer* – кухня, букв. «место, где едят»; *курзақ пыжырjitan jer* – кухня, букв. «место, где варят»; *курзақ танjitan jer* – кухня, букв. «место, где принимают пищу».

Проблема суффиксоидов была центральной в 50-е, 60-е, 70-е, 80-е, отчасти в 90-е годы XX века в русистике, а также в германистике [Степанова, 1953; Крашенинникова, 1965]. Дискуссия была относительно того, как именовать данное явление. Были предложены термины «полуаффиксы» [Степанова, 1953] и «аффиксоиды» [Шанский, 1959; Горелов, 1982]. Считалось, что это переходное явление. В частности, В. Н. Немченко относит аффиксоиды к морфемам «переходного характера» [Немченко, 1994, с. 60]. То есть считает, что, выполняя функцию суффикса либо префикса, которая заключается в создании типизированных производных единиц, они постепенно пополняют ряды суффиксов и префиксов. Представляется, что это не совсем так. В тюркских и китайском языках суффиксоиды вряд ли перейдут в разряд суффиксов. Они самостоятельно употребляются в высказываниях, но в то же время в устойчивых словосочетаниях выполняют роль суффиксов. Суффиксоидами следует именовать слова, выступающие в качестве самостоятельных в высказываниях и выполняющие роль суффиксов в устойчивых словосочетаниях и сложных словах. Полусуффиксы проявляются не в устойчивых словосочетаниях, а в сложных словах, в качестве самостоятельных слов они не выступают. В этих случаях возможен со временем переход полусуффиксов в разряд суффиксов. Ср.: *экскурсовод, садовод, бахчевод, птицевод* и др.

С помощью суффиксоидов, равно как и полусуффиксов, происходит категоризация действительности. Это один из самых продуктивных способов категоризации мира в китайском и тюркских языках. Предлагались также термины, которые оказались не востребованными. В частности, Ю. С. Сорокин предлагал данное метаязыковое явление обозначить как словоэлемент [Сорокин, 1965]. Е. А. Крашенинникова ввела не прижившийся в научной литературе термин субаффикс, отсюда, соответственно, субпрефикс и субсуффикс [Крашенинникова, 1965]. Модификатор значения других основ – такой термин предложила К. А. Левковская [Левковская, 1962]. Были и противники признания аффиксоидного способа словообразования. Например, И. С. Улуханов не признавал данный способ словообразования.

Следует отметить, что суффиксоиды исследовались лингвистами в русском, китайском, немецком языках. В XXI веке исследователи в меньшей степени, но все-таки обращаются в проблеме аффиксоидов. Как правило, употребляется при этом термин «аффиксоиды» [Гушина, 2003; Козулина, Левашов, Шагалова, 2009; Левашов, 2008; Плужникова, 2012]. Создан словарь-справочник аффиксоидов в русском языке. В 2013 г. защищена кандидатская диссертация О. В. Русаковой на тему «Аффиксоиды в деривационной системе русского языка» [Русакова, 2013]. Автор

считает, что данное явление является переходным. Принципиально новым представляется рассмотрение перехода заимствованных корней в сложных словах в аффиксоиды. Исследователем составлен краткий словарь аффиксоидов русского языка.

В тюркских языках суффиксоиды в научной литературе не описывались.

Покажем категоризацию именовании грибов с помощью суффиксоидов в языках коренных народов России.

В алтайском языке белые грибы называют *ак мешке* (*ак* – белый, *мешке* – гриб), «гриб белого цвета»; рыжик – *сары мешке* (*сары* – жёлтый, *мешке* – гриб), «гриб жёлтого цвета»; чёрный груздь в алтайском языке, как и в русском, называют по цвету – *кара мешке* (*кара* – чёрный, *мешке* – гриб), «гриб чёрного цвета». Лисичка в алтайском языке называется *айак мешке* (*айак* – чашка, *мешке* – гриб), «гриб, по форме шляпки напоминающий чашку»; маслёнок – *жылдырык мешке* (*жылдырык* – слякоть, *мешке* – гриб), «гриб, по внешнему виду напоминающий слякоть»; жёлчный гриб – *от мешке* (*от* – жёлчь, *мешке* – гриб), «гриб, по вкусу (горький) и цвету (жёлтый) напоминающий жёлчь».

В хакасском языке: белый гриб – *ах миске* (*ах* – белый, *миске* – гриб), «гриб белого цвета»; маслята – *күрең миске* (*күрең* – коричневый, *миске* – гриб), «гриб коричневого цвета»; рыжик – *сарыг миске* (*сарыг* – жёлтый, *миске* – гриб), «гриб жёлтого цвета»; белые грибы – *сүт миске* (*сүт* – молоко, *миске* – гриб), «грибы, по цвету напоминающие молоко»; лисичка – *түлгү мискези* (*түлгү* – лиса, *мискези* – гриб), «гриб, по цвету напоминающий мех лисы»; маслёнок – *іріңчі миске* (*іріңчі* – сопли, *миске* – гриб), «гриб, по внешнему виду напоминающий сопли»; опёнок – *салаа миске* (*салаа* – палец, *миске* – гриб), «гриб, по внешнему виду напоминающий палец».

В шорском языке: белый гриб – *ақ мешке* (*ақ* – белый, *мешке* – гриб), «гриб белого цвета»; подосиновик – *кызыл мешке* (*кызыл* – красный, *мешке* – гриб), «гриб красного цвета»; груздь – *терек мешке* (*терек* – тополь, *мешке* – гриб), «гриб, растущий под топопом»; подберёзовик – *қазың мешке* (*қазың* – берёза, *мешке* – гриб), «гриб, растущий под берёзой».

Таким образом, именовании грибов в языках коренных народов России представлены устойчивыми словосочетаниями, вторая часть которых оформляется суффиксоидами, обозначающими родовое наименование грибов. Первая часть этих словосочетаний обнаруживает пропозиционально организованные ассоциации, связанные с каким-либо из признаков именуемых грибов, определяющих мировосприятие конкретного народа. Например, в русском языке грибы, растущие под осиной, называют подосиновиками; в шорском эти же грибы обозначаются по цвету шляпки – красные грибы. Лисички в алтайском языке называются по форме

шляпки, напоминающей чашку. Опята в хакасском языке именуются по внешнему виду ножки гриба, похожей на палец. Белые грибы в хакасском языке называются по цвету шляпки, напоминающему цвет молока. В алтайском языке шляпка масленка по осязанию напоминает слякоть, а в хакасском – сопли. Данные ассоциации проявляют особенности восприятия именуемых грибов, обуславливающие специфику языковой картины мира коренных народов России.

Устойчивые словосочетания, образуемые с помощью суффиксоидов, характерны для языков коренных народов России. Для них это наиболее продуктивный способ словообразования, способствующий национально обусловленной категоризации мира.

Библиографический список

1. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
2. Гущина Л. Н. К вопросу об аффиксоидах // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. Гродно: Гродненский государственный медицинский университет, 2003. № 2. С. 19–24.
3. Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / отв. ред. Е. А. Левашов. СПб.: Нестор-Истори, 2009. 288 с.
4. Крашенинникова Е. А. Новое в немецкой грамматике / Словообразование (обзор зарубежных работ по немецкому словообразованию). М.: Просвещение, 1965. Вып. IV. 142 с.
5. Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка: (Грамматическая природа слова). М.: 1968. С. 74.
6. Левашов Е. А. Еще раз об аффиксоидах // Русская речь. 2008. № 3. С. 50–52.
7. Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М.: Высш. шк., 1962. 296 с.
8. Лопатин В. В. О семантической структуре словообразовательного форманта. // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978. С. 78–90.
9. Немченко В. Н. Термины «аффиксоид», «префиксоид», «суффиксоид» и их синонимы в современном языкознании // Гуманитарные термины в специальной литературе. Горький, 1990. С. 31–40.
10. Плужникова Т. И. Механизм формирования аффиксоида // IV Всероссийская научно-методическая конференция «Слово и текст в культурном сознании эпохи»: сборник научных трудов / Вологодский государственный педагогический университет. Вологда: Легия, 2012. С. 285–290.
11. Русакова О. В. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка: автореф. ... канд. филол. наук. Орел, 2013. 24 с.
12. Сорокин Ю. С. Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX века // Вопросы языкознания. М., 1961. С. 23–31.
13. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Наука, 1953. 376 с.
14. Ханпира Э. И. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 153–166.
15. Цыкин В. А. Полуаффиксация в системе китайского словообразования // Вопросы языкознания. 1979, № 5. С. 80–92.
16. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М.: Учпедгиз, 1959. 246 с.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВИВШИЕ ФОРМИРОВАНИЕ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Экстралингвистическими факторами, влияющими на состояние диалектов и говоров тувинского языка, являются исторические условия формирования как тувинского языка в целом, так и его местных разновидностей; нивелирующее влияние литературного языка на диалекты; социально-экономические и территориальные факторы; процессы глобализации.

Ключевые слова: тувинский язык, диалекты и говоры, экстралингвистические факторы, классификационный признак, самосознание, самоназвание, родоплеменные группы.

Формирование диалектной системы любого языка зависит от целого ряда экстралингвистических факторов: исторических, этнического состава населения определенных территорий, природных, социально-экономических и других. В данной статье мы ставим цель определить факторы, повлиявшие прямо или опосредованно на формирование современной диалектной системы тувинского языка, и установить причинно-следственные связи между ними, а также ответить на вопрос, каким образом исторические, геополитические, социально-экономические и другие факторы могли оказать влияние на формирование местных разновидностей языка, его диалектных черт.

В своей статье «Различные структуры диалектных систем тюркских языков и характер изоглосс общетюркского атласа» Н. А. Баскаков [1] разделяет диалектные системы тюркских языков на три типа, где каждый тип делится на две подгруппы. В I тип А входят хакасский, туркменский, горноалтайский языки, диалектные системы которых отражают хорошо сохранившиеся следы родоплеменной структуры этих народностей.

Н. А. Баскаков относит тувинский язык ко II типу Б, куда входят языки, у которых членение на диалекты основано главным образом на территориальном признаке, хотя следы родоплеменной структуры в этническом составе носителей диалектов хорошо сохранились [1, с. 6]. Далее этот тип делится на две подгруппы. Во вторую подгруппу тюркских языков, диалектные системы которых принадлежат неоднородным по своей родоплеменной принадлежности народам, входят тувинский и башкирский языки. Н. А. Баскаков считает, что, сохраняя следы родоплеменного членения, диалектные системы языков этой подгруппы характеризуются уже территориальными признаками. Особенностью тувинского языка он считает наличие дифференцирующих признаков у различных диалектов, объясняющихся неоднородным этническим составом тувинского народа (исконно-тюркские родоплеменные группы и этнические группы отороченных самодийцев, монголов и пр.). Другой особен-

ностью исследователь посчитал отсутствие отличительных признаков, характерных для диалектов, концентрирующихся вокруг городских центров в феодальную эпоху [1, с. 7].

Конкретизируя и развивая мысли Н. А. Баскакова о неоднородности этнического состава носителей тувинского языка, обусловившего формирование его диалектной системы, остановимся на таком классификационном признаке, как фарингализация.

Наличие фарингализованных гласных в фонетической системе диалектов и говоров тувинского языка является основным интегральным признаком, объединяющим под названием *тыва дыл* «тувинский язык» как язык тувинцев, проживающих в Республике Тыва, так и малочисленных этнических групп тувинцев, проживающих в Монголии и Китае.

В то же время отсутствие фарингализации является дифференциальным признаком только для тере-хольского диалекта. А спорадическое её проявление в односложных общетюркских словах у тувинцев Китая и Цэнгэла Монголии является дифференциальным признаком, отличающим их от других диалектов и говоров. Оно оценивается нами как инновационное явление, возникшее под влиянием казахского и алтайского языков. Как показали наши последние полевые исследования, фарингализация отсутствует в односложных тюркских словах в речи у тех тувинцев Цэнгэла и Китая, которые генетически принадлежат алтайской родоплеменной группе *делег*. Различение и неразличение фарингализации в родной речи у разных жителей Цагаан-Нура – явление, сохранившееся от тере-хольского и тоджинского диалектов, от которого отделились и образовали одно территориальное объединение носители нового цагааннурского диалекта. Более краткое произношение фарингализованных гласных в кобдоском и эрзинско-качикском говорах – возможное влияние монгольского языка.

Принимая во внимание гипотезу В. М. Наделяева о принадлежности артикуляционно-акустической базы (ААБ) этносу, а не языку [4, с. 59], наличие, отсутствие и спорадические проявления фарингализации, лежащие в основу классификационных признаков диалектов и говоров, можно оценивать как этнически обусловленные. Именно определенные родоплеменные группы современных тувинцев являются носителями особых фонем, являющихся интегральными и дифференциальными признаками диалектов и говоров тувинского языка. В пользу этого предположения можно привести такие доводы: 1) границы диалектов и говоров совпадают с традиционными границами мест проживания этнических групп; 2) пришлые жители данных территорий хорошо усваивают лишь грамматические, лексические диалектизмы, ритмомелодику и те фонетические соответствия, которые не обусловлены особой артикуляцией звуков; 3) меняя традиционные места проживания, освоив литературные нормы

языка в области грамматики и лексики, носители диалекта в основном сохраняют характерное диалектное произношение.

Следующий исторический фактор и временной рубеж, позволяющие говорить о дальнейшем формировании диалектных черт тувинского языка, датируется XVIII веком. С этого времени можно говорить о формировании алтайского диалекта, хотя он мог отделиться и в более ранние времена. Поскольку мы не располагаем другими источниками, то время, когда носители алтайского диалекта оказались оторванными от основного этноса, можно с оговорками признать за некоторый этап формирования его диалектных черт. О времени отделения алтайских тувинцев свидетельствуют исторические источники.

В 1758 г., после разгрома Джунгарского ханства и покорения Тувы Цинской империей, тувинские племена, кочевавшие южнее хребта Танну-Ола до верхнего течения р. Кобдо и в Баян-Олгийском аймаке, были оторваны от основных масс тувинцев, обитавших в бассейне Верхнего Енисея, так как район оз. Убсу-Нур и Кобдо был заселен дербетами, пришедшими из Джунгарии, с верховьев Иртыша. Так тувинцы, кочевавшие южнее «линии монгольских караулов» и получившие наименование «алтайские урянхайцы», оторвались от основной массы тувинцев [2, с. 305].

Важными для диалектологических исследований являются свидетельства о местах расселения тувинских племен. Так, авторы «Истории Тувы» пишут: «Тувинские племена в XVII – первой половине XVIII в. занимали более обширную территорию: южнее – до г. Кобдо – и восточнее – до оз. Хубсугул и по северной стороне Саян через Алтай и Минусинскую котловину до верховьев рек Урунгу, Черного Иртыша и г. Томска» [2, с. 303].

О территории распространения тувинского языка в конце XIX века писал известный тюрколог В. В. Радлов, побывавший в Западной Туве в 1861 г., в своём дневнике «Из Сибири»: «... общее название сойонов – туба (один из фонетических вариантов этнонима «тыва». – *Авт.*) и... живут они значительными массивами вдоль границы Сибири, начиная с истока реки Кобдо у Кемчика и в системе Улу-Кем до Косокола и восточнее Косокола до Тункинской степи и системы Селенги» [5, с. 99]

В период господства Цинской империи (1757–1912 гг.) в Туве маньчжурские власти установили свою систему административно-территориального устройства и военного управления. Она позволяла держать население в постоянной зависимости от центральной власти, под ее строгим контролем [3, с. 111].

В многоотомном труде «История Тувы» пишут об этом: «Цинские власти осуществили в Туве административно-территориальную реформу, сохранившуюся вплоть до наших дней» [2, с. 307]. Основываясь на данных сохранившейся рукописи неизвестного тувинского автора «История прежних нойонов тувинского народа», М. Х. Маннай-оол определил тер-

ритории тувинских хошунов (современное написание – кожуун): Оюн-нарского, Салчакского, Тоджинского, Хасутского, Хемчикского (Даа). К монгольским относились территории следующих хошунов: Бээзи, Маады-Чооду (Даа-ван), Шалык-Сартул (Нибазы). Каждый хошун, принадлежавший маньчжурскому императору, управлялся наследственными правителями – нойонами, утверждаемыми в должности цинскими властями [3, с. 112].

Эти свидетельства стали важным источником при определении как территорий распространения диалектов и говоров, так и их основных носителей – родоплеменных групп.

Наши сведения, собранные у информантов на всех территориях распространения тувинского языка, показывают, что современные ареалы распространения диалектов и говоров сохраняются практически неизменными. Информанты в подробностях рассказывали маршруты сезонных кочевок по родовым землям, маршруты традиционных путей сообщения с соседними родоплеменными группами, традиционные места охоты, сакральные места, где проводились обряды разных уровней, и т. д.

Эти традиции стали разрушаться в период коллективизации, перехода на оседлость, т. е. в 40–60-х годах XX века. Были построены деревни, районные центры, где, как и прежде, селились теми же группами ближе к местам традиционных кочевий. Изменились пути сообщений и их направления. Эти факторы ещё не успели оказать существенного влияния, но в купе с процессами глобализации начали разрушать диалектные черты.

Тем не менее, эти условия обеспечили однородность тувинского языка в диалектном отношении, за исключением тех местных разновидностей языка, которые были распространены в труднодоступных и административно отделенных местах.

Двадцатый век принес значительные изменения в судьбы кочевых племен Центральной Азии. Носители диалектов в основном перешли на оседлый образ жизни, изменили хозяйственный уклад. А исторически сложившиеся территории проживания этнических групп сохранялись буквально до конца XX века, пока не началась массовая миграция тувинского населения в столицу республики Кызыл и его окрестности, в города районного подчинения и в районные центры в конце XX – начале XXI века. Все эти процессы значительно повлияли на витальность диалектов и говоров тувинского языка.

Непросто решаются вопросы о признании статуса языков тех этнических групп, которые проживают за пределами территорий основного этноса (в нашем случае это языки тувинцев Монголии и Китая). Они усугубляются интенсивными контактами с генетически и типологически родственными языками.

В нашем случае решение вопроса об определении статуса бесписьменного идиома, носители которого живут изолированно небольшими

группами, обоснованно предлагается в статье Д. И. Эдельман «К проблеме ‘язык или диалект’ в условиях отсутствия письменности» [6]. Во время наших экспедиций мы говорили с носителями диалектной речи о возможности признания их идиома как отдельного языка, отличного от тувинского литературного языка, распространенного на территории Республики Тыва. Свои доводы мы обосновывали тем, что многие дети уже не владеют родным тувинским языком, что довольно часто переспрашиваем друг друга, уточняем значения слов, иногда плохо понимаем друг друга, т. е. указывали на значительную разницу между их идиомом и литературным языком. Чаще всего у носителя диалектной речи данный вопрос вызывал крайне неодобрительную реакцию, которая ярче всего выражала недовольство и недоумение. В сознании носителей всех зарубежных диалектов тувинского языка очень прочно укрепилось то понимание, что они являются по крови тувинцами. И все считают тувинский язык Танды-тыва (распространенный на территории Республики Тыва) старшим, основным, а все остальные зарубежные идиомы – его частями.

У всех тувинцев Монголии и Китая есть изречение *сөөгүвүстүң сыны болган, ханывыстың чамдыы болган төрөл чонувус* ‘букв. наш народ, который есть осколок кости нашей, часть крови нашей’, что соответствует фразеологизму в русском языке «кровь от крови, плоть от плоти (кость от кости)». Все в один голос утверждают, что они – тувинцы.

При определении статуса зарубежных идиом по отношению к литературному тувинскому языку мы обязательно принимали во внимание самоназвание их носителей. Так, тувинцы сумона Цэнгэл называют себя *Сеңгил дыгъвазы* ‘тувинцы Цэнгэла’, сумона Буянт – *Кольту дыгъвазы* ‘тувинцы Кобдо’, в центральном аймаке – *Селеңги дыгъвазы* ‘тувинцы Селенги’. Можно также услышать объяснение, что есть *Аылдай дыгъвазы* ‘тувинцы Алтая’, *Таңны дыгъвазы* ‘тувинцы Танды’; в Цагаан-Нуре – *туха, дуъха, дыгъва, барыын тайга кишиси* ‘житель (букв.: человек) западной тайги’, *Чөөн тайга киййиси* ‘житель (букв.: человек) восточной тайги’.

Тувинцы Китая проживают в живописных местах в северо-западной части Алтайского горного хребта, которая расположена близко к южной границе Горного Алтая и на востоке граничит с территорией сумона Цэнгэл Монголии. В научной литературе они известны под названиями *көкмончак, мончак* ‘тувинцы Китая, тувинцы Синьцзяня’. Сами называют себя *тыгъва, аылдай тыгъвазы* ‘тувинцы Алтая’, или *көкмончак, моьнчак*, а свой язык – *тыгъважа* или *моьнчакиша*.

Таким образом, в самоназвании носителей зарубежных диалектов тувинского языка обязательно сохраняется этноним *тыва* [дыгъва] в различных фонетических вариантах с указанием территориальной принадлежности.

Как видно из вышеизложенного материала, условия функционирования диалектов и говоров тувинского языка на территориях их распростра-

нения существенно менялись за последнее столетие. На их современное состояние значительно повлияли социально-экономические, политические преобразования в жизни народа-носителя на территории трех государств.

Библиографический список

1. Баскаков Н. А. Различные структуры диалектных систем тюркских языков и характер изоглосс общетюркского атласа // Советская тюркология. 1972. № 5. С. 3–9.
2. История Тувы: в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001. Т. I. 367 с.
3. Маннай-оол М. Х. Тувинцы: происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с.
4. Надеяев В. М. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986. С. 53–63.
5. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника / под ред. С. И. Вайнштейна; пер. с нем. К. Д. Цивинной, Б. Е. Чистовой. М.: Наука, 1989. 749 с.
6. Эдельман Д. И. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980. С. 127–147.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00426 «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири»).

© Бавуу-Сюрюн М. В., 2020

УДК 81'272

У. М. Бахтикирева

ИЗУЧЕНИЕ И ОПИСАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РФ ПОСРЕДСТВОМ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА, ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ – ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Статья посвящена осмыслению ситуации, складывающейся с языками коренных народов РФ. Рефлексия автора направлена на поиск возможных проектов по письменной фиксации онтологических метакодов национальных культур, полученных путем извлечения из фольклора, литературы коренных народов РФ, интервью с носителями исчезающих языков, и введения результатов в вузовские программы. Полученные результаты позволят обновить современные вузовские филологические дисциплины новыми данными и сохранить фрагменты языкового осмысления окружающей действительности тем или иным коренным народом. Формирование национального единства РФ, единой политической нации невозможно без осмысления особенностей мироощущения каждого малочисленного народа, закодированного в его языке. От дежурных lamentаций в отношении исчезающих уникальных культур и языков коренных народов РФ следует осуществить переход к осмыслению возможных проектов письменной фиксации их метакодов – в этом заключается основная идея данной статьи.

Ключевые слова: языки коренных народов РФ, лингвистический политкорректный дискурс (ЛПД), «новые агасферы», онтологические метакоды.

В современной научной и публицистической литературе, посвящённой осмыслению лингвистической витальности / жизнеспособности язы-

ков коренных народов РФ, достаточно статей алармического и ламентационного жанра. Немало среди них работ, в которых проводится мысль об отрицательных явлениях, вызванных потерей этнического языка («родного»). В качестве обобщающего примера приведём следующий вывод: «Утрата знания родного языка и как неизбежное следствие – национальной идентичности приводит к социальной дезадаптации, внутриличностным конфликтам и росту девиантных явлений в среде коренных малочисленных народов, в том числе молодежи (потере смысла существования, ощущению своей неудачливости в жизни, алкоголизму, суицидам, немотивированной агрессии и т. д.). При сохранении существующих тенденций в ближайшие десятилетия до половины языков коренных малочисленных северных народов могут исчезнуть, а их представители предпочтут идентифицировать себя с другими этносами, имеющими, как им представляется, более высокий статус» [3, с. 436–437].

Как и многие другие исследователи, А. Л. Арефьев справедливо полагает, что нынешнее функционирование языков подавляющего большинства малочисленных народов РФ «можно квалифицировать как **катастрофическое**». «Достаточно сказать, что языки 6 еще существующих народностей фактически являются мертвыми. Это *алюторский, камчатский, сойотский, тазский, теленгитский, чуванский*. Фактически не имеют своего языка тоджинцы-тувинцы» [3, с. 437].

Отталкиваясь от статистических данных (1991/ 1992 по 2009–2010 уч. годы), учёный отмечает, что полному исчезновению подвержены следующие языки: *орочский, керекский, якутский, энецкий, чулымский, алеутский, орокский /уйльта, негидальский, ительменский, тофаларский, удэгейский*. Вполне возможно, что за последнее десятилетие часть из этих языков вошла в состав мёртвых языков, поскольку данные по количественному владению языками варьировалось от 8 человек, владевших, например, ороцким языком, до 93 носителей – удэгейский (курсив наш. – У. Б.) [3, с. 437].

Аналогичной позиции в отношении состояния коренных языков придерживается В. М. Алпатов: «В целом же гораздо в большей опасности находятся другие, особенно малые языки России. Меры по защите большинства других языков предпринимаются в малой степени. <...> Но и то, что делается, часто оказывается неэффективным по социальным причинам. <...> По сравнению с другими государствами, образовавшими более 20 лет назад на месте СССР, в России было немного языковых войн и острых языковых конфликтов. Однако многие языковые проблемы не решаются. Особо тяжёлое положение сложилось с наиболее малочисленными языками Сибири, Дальнего Востока и Севера. Они плохо вписываются в рыночные отношения и не выживут без специальной поддержки» [2, с. 21–22].

Специального исследования, посвящённого сравнительному анализу языковых конфликтов и войн, мы не проводили. Однако навсегда врезавшаяся в наше сознание трагедия, случившаяся с удмуртским ученым Альбертом Разиным, является красноречивым свидетельством остроты, драматизма, актуальности проблем, связанных с состоянием коренных народов и их языков [12]. И уже этот совершившийся акт нивелирует вывод о небольшом количестве «языковых войн и конфликтов» в РФ.

Нет сомнений в том, что мотивационные предпочтения молодых поколений коренных народов – овладевать языками, имеющими высокий статус, обуславливают ассимиляционные процессы. И подобное явление – общая, мировая тенденция. Так, анализируя языковую ситуацию в Финляндии, учёные отмечают, что «для любого финского специалиста или интеллектуала условием получения работы является знание шведского (второго государственного), а главное – английского языка» [8, с. 287]. Однако, этот аргумент спорный, если к нему прибегать при обсуждении исчезающих языков коренных народов РФ (финский – один из государственных языков Финляндии). Зачастую этническая и языковые идентичности молодых представителей коренных народов РФ не совпадают, что является доказательством языковой ассимиляции. «В целом ассимиляция удмуртского народа идёт семимильными шагами. Удмурты, переехавшие в город, как правило, в следующем поколении не воспроизводят себя как представителей коренной национальности и становятся русскими» [2, с. 22]. Аналогичная ситуация происходит с большей частью автохтонных народов РФ.

С одной стороны, потеря «родного» языка, невладение им превращает молодые поколения коренных народов в армии *новых агасферов*, а с другой – их мотивация реализовать из среднестатистического индивида в конкретную личность требует знания мировых языков. Этот диалектический процесс лингвистической реализации молодых поколений миноритарных народов мы склонны расценивать как процесс закономерный. В истории человеческого сообщества достаточно примеров умирания языков – *свёртывания коммуникативных мощностей языковых систем*, чего не скажешь об их ревитализации. Очевидно, что языкам коренных народов РФ не грозит «лингвистическая карьера» иврита – одного из важнейших символических маркеров еврейской этнической идентичности и еврейской государственности. Перспектива языковой идеологии и политики вернакуликации в части выдвижения того или иного языка РФ, находящегося под угрозой исчезновения, так же не угрожает ни одному из языков малочисленных народов. В этой связи все наши ламентации в отношении мёртвых и умирающих языков можно сравнить с риторической практикой римского оратора Цицерона и не более того. Ведь, на самом деле, многие из нас – лингвистов, размышляют в рамках *лингвистического политкорректного дискурса* (ЛПД), обусловленного большим

количеством международных актов [11], и вербализируют примерно следующим образом: *«Нельзя допустить исчезновения редких языков: каждый язык – это богатство, особая культура и особый взгляд на мир, а опасность потерять многие из этих языков увеличилась по сравнению с советской эпохой ...»* (курсив наш. – У. Б.) [2, с. 22].

С другой стороны, здравый смысл содержится в выводах учёного М. А. Марусенко¹, исследующего языковую идеологию и политику, в т. ч. перспективы нового мирового языкового порядка, о расплывчатом характере ЛПД, страдающем «отсутствием детального анализа языковой ситуации, который должен быть пререквизитом любой языковой политики» [8, с. 123]. Как замечает исследователь, в основе лингвистического кредо многих ученых и структур, занимающихся языковой идеологией и языковой политикой, в частности – SIL International (*Летний институт лингвистики* в Далласе, США), лежат одни и те же принципы (* Все языки равны / * Все языки могут одинаково выражать все человеческое знание / * Все языки должны иметь письменную форму / * Носители имеют право на образование на своих первых языках / * Миноритарные языки имеют право на официальное признание / * Языки как элементы культурного наследия и виды, находящиеся под угрозой, должны иметь защиту / * Потеря языка – это потеря своих корней и своей культуры/).

Солидаризируемся с М. А. Марусенко: все эти принципы – *очевидности* (по Р. Барту – *доксы*). «Но как только они сталкиваются с конкретными ситуациями, они оказываются *ложными очевидностями*» [8, с. 123]. Вместе с тем, эти положения, маскируясь за добрыми намерениями, с одной стороны, фальсифицируют истинную ситуацию с миноритарными языками, а с другой – подтверждают положение автора «Системной типологии языков» [9], российского учёного-системолога «о **равном интеллектуальном совершенстве всех языковых систем мира**. Причиной же различия в языковой технике считается соотношение лишь таких факторов, которые благоприятствуют или препятствуют успешному речевому общению в наиболее типичных для данного народа случаях. К числу главных из этих параметров относятся: *величина языкового коллектива, степень его однородности, длина цепей передачи информации,*

¹ Марусенко М. А. Новый мировой языковой порядок. СПб: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 692 с.; Марусенко М. А. Языковая политика Франции. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. 624 с.; Марусенко М. А. Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2014. 288 с.; Марусенко М. А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые аспекты глобализации. М.: Издательство ВКН, 2015. 496 с.; Марусенко М. А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М.: Научно-политическая книга, 2015. 575 с.

наличие или отсутствие больших интервалов между 'сеансами' общения» (курсив наш. – У. Б.) [10, с. 78].

Равное интеллектуальное совершенство и успешное речевое общение невозможны в современных реалиях. Назвать точную величину этноязыковых коллективов коренных народов РФ, степень их однородности, учитывая историю развития нашего государства, не представляется возможным. Этому в определённой степени противостоит модель и советского и нынешнего российского государственного устройства, основанного на внутреннем административном делении и опирающегося в значительной степени на этнический фактор, несмотря на то что ни в одном субъекте РФ компактно не проживает ни один этнос. Дисперсное состояние некогда проживавших на одной территории этносов влияет на усилия, направленные на формирование единой политической нации, «которое будучи **многонародным**», в то же время могло бы представлять «**национальное единство**» [8, с. 280]. Нет сомнений в том, что «языковой вопрос является ключевым в проблеме создания *единой гражданской российской нации*, формирование которой является условием сохранения *национального единства и территориальной целостности Российской Федерации*» [8, с. 285].

В складывающихся обстоятельствах с языками коренных народов РФ и, в частности, автохтонных народов Сибири, все более актуализируется неотложная необходимость кропотливого изучения и описания языковых картин мира этих народов. Убывающая лингвистическая витальность языков находится в прямой зависимости, прежде всего, от носителей языков преклонного возраста. И в этом контексте посильной работой, как нам представляется, вполне могут быть: сбор интервью с носителями исчезающих языков, помнящих архетипы коренных малочисленных народов (астральные, природные – вегетативные, зооморфные – социальные, семейные и др.); создание на основе интервью речевых портретов «последних из могикан», своего рода *онтологии языкового бытия* конкретных носителей исчезающих языков. Особое внимание следовало бы уделить описанию ключевых архетипов, символов, мифологем. Во временном смысле подобная работа, как и работа с бумажными и электронными вариантами фольклорной и художественной литературы, освещающей те или иные фрагменты языковой картины мира коренных народов, желательна в ближайшее время. *Главная цель такого проекта* – запечатлеть национальные образы мира, в которых раскрывается локальное, но совершенно уникальное мировосприятие окружающей действительности, связанное с живанием того или иного коренного народа на конкретной территории в конкретные исторические и географические условия.

Теоретико-методологической базой могут служить труды, прежде всего, Г. Д. Гачева («Ментальности народов мира», «Национальные обра-

зы мира» и др.) [5; 6], З. А. Кучуковой [7] и др. Практическими примерами для осуществления подобного проекта может служить уже имеющаяся научная литература (диссертации и монографии), собственно национальная и /или *русифонная литература коренных народов РФ* (Ю. Рытхэу, В. Санги, Е. Айпин и мн. др.), в которой освещены фрагменты картины мира разных коренных народов¹. Но не столько переиздание уже имеющейся литературы, а её дополнение новыми знаниями, почерпнутыми, в частности, из собранных интервью с живущими ещё пока носителями языков, способными воспроизвести социальные, семейные, астральные, природные (вегетативные, зооморфные) и другие артефакты. Это и есть продуцирование новых знаний, а не просто ремейк уже опубликованного и забытого. Абстрактная категория «дух народа», как отмечают учёные, «на самом деле имеет конкретное воплощение в системе онтологических концептов с чётко обозначенным этногенетическим метакодом» [7, с. 287].

Вспоминается случай из личной практики – встреча с преподавателями и студентами одного из госуниверситетов на Кавказе. На мой вопрос: «Как звучит на этническом языке понятие "млечный путь"», – ответил только пожилой преподаватель: «След, оставленный на небе после белого коня». Молодежь молчала, но зато все они хорошо знали, как это словосочетание звучит на английском. Вопрос о том, почему одни называют одно и то же физическое явление «серебряной рекой», а другие – «дорогой птиц», третьи – «дорогой соломщика», четвертые – «солёным путем», пятые – «дорогой лыжника» и т. д., вовсе остался без ответа. Связать в сознании особенности мировосприятия со способами вживания того или иного народа в окружающую действительность оказалось сложным занятием, по-видимому, потому что мы их не научили, потому что эта проблематика не заложена в вузовских программах (?).

Преподнося «академическим жаргоном» положение об общественной, психосоциальной сущности языка, мы не имеем достаточно часов для объяснения причинно-следственных связей между разнообразием языков и их географическими, хронологическими и социологическими различиями. «Набило оскомину» повторяющееся из одной диссертации в другую гумбольдтовское: «Каждый язык имеет свой определённый способ отражения действительности, формирует у народов определённый образ мира». Пожалуй, и мы сами – лингвисты, невнятно подвергли научной рефлексии необходимое бодуэновское условие: объяснять особен-

¹ См. например: М. Ч. Кудавев «Карачаево-Балкарская этнохореография и символика» (Нальчик: Эльбрус, 2003), в которой представлены традиционные обрядовые и танцевальные культуры, символические изображения предметов растительного и животного мира, небесных светил и явлений, мифологических персонажей, а также тамги карачаево-балкарских фамилий. *Список примеров можно продолжить.*

ности языков и языковых картин мира «одновременно как в связи с историей, так и с географией, наконец, с физиологией и психологией и даже с физикой и механикой» [4, с. 342].

Невозможно ревитализировать языки, находящиеся на грани вымирания, равно как и остановить языковую ассимиляцию, процессы аккультурации, словом – транслингвальные и транскультурные процессы. Можно долго позиционировать себя в качестве апологета автохтонных языков («каждый язык – это богатство, особая культура и особый взгляд на мир»), ограничиваться цитероновскими ламентациями, но исчезающим языкам коренных народов все это не придаст витальности. Мы не сможем увеличить коммуникативную мощь этих языков, повысить их социально-функциональную значимость. Понимание *равного интеллектуального совершенства всех языковых систем коренных народов РФ* не подразумевает практического благоприятствования для развития этих языков, поскольку «функциональная нагрузка и целостность языковой системы находятся в непосредственной зависимости от социальной нагрузки» [1, с. 11–17]. Ограничение социальной нагрузки на языки коренных народов сопровождается уменьшением числа их функций (прежде всего – коммуникативной и аккумулирующей), резким уменьшением их значимости, лингвистическим проигрышем витальному языку.

ЛПД, определяющий подходы к решению многих проблем языковой политики, как отмечает М. А. Марусенко, «строится на первом *постулате о равенстве всех языков*, а на самом деле языки изначально не равны. <...> ЛПД отрицает необходимость использования *функциональных и социальных критериев* в языковой политике» [8, с. 125].

Несомненно, в ЛПД не учитываются указанные критерии, но и потеря гуманной составляющей, которая основывается на изначальном равенстве всех языков в *многонародном* социуме, может свидетельствовать о факте симптоматичного кризиса культурной ситуации в нём. «Закон Лотмана», к которому не перестают апеллировать современные учёные, актуализируется в нынешних обстоятельствах. «‘Пороговость’ современного состояния культурной ситуации, как никогда, требует активного вмешательства человеческого разума, ‘сознательного агента исторической революции’, от целенаправленных усилий которого зависит сохранение культурной многосоставности мира, в котором **нет лишних этнокультурных единиц**» (выделено нами. – У. Б.) [7, с. 8].

Коды. В современных обстоятельствах «триумфального шествия» технологий Socio Bio Info Nano Cognito (SBINC), прежде всего – когнитивных, направленных на трансформацию Homo Sapiens с целью получения человека с заданными свойствами (с целью – как его заставить что-то сделать), они становятся, как все мы наблюдаем, все более действенными. Тот или иной (микро-, макро-) социум не завоёвывается военной техникой, его подчинение находится в прямой зависимости от

нейших инструментов смыслообразования, в частности, обусловленных новыми биотехнологиями. Все более становится очевидным, что качественный технологический скачок способен поменять онтологию человека и делает вопрос сохранения человечества как вида «гамлетовским». В этом контексте ещё более драматической представляется нынешняя ситуация с исчезающими языками в РФ. И если исходить из понимания того, что позитивные изменения в любой из сторон жизни любого государства зависят от внимательного отношения к каждому народу, его составляющему, то следует позаботиться о том, чтобы онтологические метакоды «уходящих в историю» культур были прописаны на языке государственном. Образ будущего – *единая политическая нация* (отчасти пока ещё воображаемая), надо будет прописывать на государственном языке, понятном для всех народов этого государства. Вместе с тем уникальность мировосприятия каждого народа не может быть отброшена в угоду стремления к самоидентификации РФ как единой политической нации.

Перечитывая изложенное в статье, осознаём, что и мы грешим «призывами». Но вместе с тем пытаемся собирать материалы для создания факультативных дисциплин (дисциплин по выбору): «Национальные образы народов РФ», «Межкультурная коммуникация в художественном измерении», «Языковые процессы и языковая политика». Мы не разделяем видение Р. Робертсона, считающего, что «этнические и субэтнические сообщества **только** выигрывают в период новой информационной эпохи» (выделено нами – У. Б.) [7, с. 5]. Идущую вразрез с «паническим видением этнологов» позицию английского социолога и культуролога разделяем только в части того, что **«этнокультурам есть что предъявить миру»** (выделено нами. – У. Б.) [7, с. 5]. Собственно, обсудить позитивные и негативные перспективы подобных проектов, увидеть, что называется, «на месте» слабые и сильные стороны нашего видения и работы и хотелось бы на IV Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири».

Библиографический список

1. Аврорин В. А. О предмете социальной лингвистики // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 11–17.
2. Алпатов В. М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014): Доклады и сообщения ИЯ РАН, НИЦ по национально-языковым отношениям. РФ, Москва, ИЯ РАН. М.: ТЕЗАУРУС – Языки Народов Мира, 2014. 640 с.
3. Арефьев А. Л. Языки коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 488 с.
4. Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. М.: АН СССР, 1963. Т. 2. 391 с.
5. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: ЭКСМО, 2003. 544 с.
6. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М., 1988. 448 с.

7. Кучукова З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик: Издательство М. И В. Котляровых, 2005. 312 с.
8. Марусенко М. А. Новый мировой языковой порядок. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 684 с.
9. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / отв. ред. Л. Г. Зубкова. М.: Наука, 2003. 395 с.
10. Мельников Г. П. Где центр глубинной евразийской культуры? // Дельфис. 2001. № 1 (25). С. 77–81.
11. Сулейменова Э. Д. Языковые процессы и политика: монография. Алматы: Казак университеті, 2011. 117 с.
12. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2019/09/10/155194-uchenyy-iz-izhevskaja-kotoryy-podzheg-sebya-u-zdaniya-udmurtskogo-parlamenta-skonchalsya-v-bolnitse> (дата обращения: 01.03.2020).

© Бахтикиреева У. М., 2020

УДК 81.27

Т. Г. Боргоякова

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ В ДИСКУРСЕ И РЕАЛИЗАЦИИ

В докладе предложен анализ репрезентации языковой политики РХ с привлечением данных основных дискурсивных практик. Выявлена корреляция между характером регионального языкового законодательства и динамикой функционального статуса хакасского языка как языка обучения в системе общеобразовательных учреждений. Отмечены роль консолидации ресурсов субъектов языковой политики республики, актуальность тематики языковой политики в академическом дискурсе и преобладание информационно-констатирующего характера ее освещения – в медийном.

Ключевые слова: *языковая политика; хакасский язык; Республика Хакасия; билингвизм; родной язык; языковая иерархия.*

Исследования в области языковой политики включают широкий спектр вопросов использования языков в динамичном социальном контексте. Эволюция языковой политики от идеологии единого языка, нации и государства, которая привела к ассимиляции многих языков мира, к новой идеологии поддержки и защиты индивидуального и социального многоязычия получила отражение в законодательных и рекомендательных документах международного и национального уровня. Сегодня защита языков коренных народов мира рассматривается не только как забота о сохранности уникального культурного наследия человечества, но и как защитный механизм, обеспечивающий позитивное самочувствие, благополучие и идентичность коренных народов в контексте их образования, экономики и социального благополучия [10]. Актуализация нового направления языковой политики произошла и через объявление Организацией объединенных наций 2019 года Международным годом языков

коренных народов и предстоящего Международного десятилетия языков коренных народов мира.

Изучение проблем и приоритетов языковой политики носит междисциплинарный характер и происходит с участием специалистов в области социолингвистики, антропологии, политологии и социологии [1; 2; 3; 7; 10; 12 и др.]. Новые направления исследования связаны с рассмотрением языковой политики как дискурсивной деятельности во множестве вариантов типологии, контекста и жанровых особенностей [5; 8; 13].

Цель данного доклада – рассмотреть современную языковую политику РХ через анализ разных уровней дискурсивной деятельности, включая официальный, медийный и академический, в контексте положений языковой политики РХ и РФ.

Правовые основы языковой политики (ЯП) РФ сформулированы в Конституции страны, в которой представлена языковая дифференциация, включающая общегосударственный язык, государственные языки республик и другие языки народов РФ. Предложенная трехъярусная иерархия языков определяет их функционирование в системе образования. Так, статья 14 ФЗ «Об образовании в РФ» гласит, что: «а) образовательная деятельность осуществляется на государственном языке РФ; б) в ... образовательных организациях на территории республик РФ может вводиться преподавание и изучение государственных языков республик в соответствии с их законодательством; в) граждане РФ имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов РФ, а также право на изучение родного языка из числа языков народов РФ, *в том числе русского языка как родного языка*, в пределах возможностей системы образования... Свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов РФ, *в том числе русского языка как родного языка*, государственных языков республик РФ, осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей)... обучающихся». В приведенных выдержках из официального дискурса курсивом выделены дополнения, внесенные в закон в августе 2018 года. В статье 11 ФЗ «Об образовании» появилось также дополнение, обеспечивающее обучение на родных языках и их изучение, включая государственные языки республик и родных языков, через содержание ФГОС.

Официальный билингвизм, закрепленный в языковом законодательстве РХ через установление русского и хакасского языков государственными языками республики, является асимметричным – хакасский язык функционирует в ограниченном количестве социальных сфер в дополнение к русскому языку, включая, прежде всего, сферы образования, культуры и СМИ. При этом его использование является преимущественно разрешительным или добровольным, характеризующим языковое законодательство РХ как законодательство мягкого типа [4]. В то же время

официальный статус государственного языка, несомненно, предоставляет много преимуществ и содержит резервы по дальнейшему развитию республиканского правового дискурса. Перспективы актуализации и расширения законодательной или нормативной регламентации функционирования хакасского языка связаны с наличием или появлением запроса со стороны участников коммуникативного пространства и субъектов языковой политики республики. К ним относятся органы исполнительной и законодательной власти, академическое сообщество, педагоги, представители СМИ, общественные объединения деятелей искусства и культуры и др.

Анализ статистических данных, представленных в официальном и академическом дискурсе, позволяет выявить тенденции функционирования хакасского языка в системе общего образования. Так, например, в государственных общеобразовательных учреждениях РФ снижение числа учащихся, обучающихся на родном (нерусском) языке, за 2012–2018 годы составило 23 % [9, с. 25]. В РХ показатель снижения за 2011/2012 – 2015/2016 учебные годы составил 56 %. В таблице 1, приведенной ниже, указаны количественные показатели детей с обучением на родном языке в начальной школе (алтайский и хакасский языки) и также в основной школе (тувинский язык). Данные для таблицы заимствованы из [2].

Таблица 1

Обучение в школе на титульных языках республик Южной Сибири (2011/2012 – 2015/2016 уч гг.)

Языки обучения	2011/2013 уч г.	2015/2016 уч г.	Изменения
Алтайский	2 075	1 486	– 589
Тувинский	18 235	19 776	+ 1 541
Хакасский	443	249	– 194

Что касается данных по использованию хакасского языка в качестве предмета изучения в школе, то здесь количественные показатели выше и динамика является положительной на фоне минимизации возможностей обучения на родном языке, отмеченной выше. Данные для таблицы 2 также позаимствованы из упомянутой выше работы А. Л. Арефьева.

Таблица 2

Изучение титульных языков республик Южной Сибири как предмета (2011/2012 – 2015/2016 уч гг.)

Языки обучения	2011/2013 уч г.	2015/2016 уч г.	Изменения
Алтайский	10 110	9 802	- 308
Тувинский	22 154	22 109	- 45
Хакасский	4 703	5 667	+ 964*

*Приведенные данные по хакасскому языку за 2016 год характеризуют 76,4 % хакасских школьников республики [3, с. 88].

Следует отметить, что введение добровольности изучения родных и государственных языков республик привело к существенному повыше-

нию внимания и градуса обсуждения проблем языковой политики (ЯП) в средствах массовой информации. Это подтверждается статистическими данными о динамике упоминаний словосочетания *языковая политика* в период с 01.01.2017 по 31.12.2017 г. Наибольшее количество сообщений пришлось на сентябрь и октябрь (558 сообщений), представленных сопоставимыми объемами сообщений в региональном и федеральном медиaprостранстве (444 и 434, соответственно) [8].

В медийном пространстве РХ усиления внимания к вопросам ЯП в указанный период не произошло. Это, несомненно, может быть связано с тем, что принцип нововведенной добровольности изучения родных и республиканских языков был уже, как отмечено выше, закреплён в официальном дискурсе РХ. Возможно также, что это связано с постоянным диалогом и консолидацией ресурсов субъектов ЯП (управленческих, инфраструктурных и интеллектуальных) на дискуссионных площадках многолетнего научного проекта ХГУ им. Н. Ф. Катанова «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», с изданием материалов конференций и семинаров. Как правило, соорганизаторами научно-практических конференций всероссийского и международного уровней по данной проблематике, проходящих в ХГУ с 2005 года, являются республиканские министерства образования и науки, национальной и территориальной политики, культуры. Данные мероприятия становятся поводом для активного внимания со стороны СМИ республики с преобладанием информационно-констатирующей и описательной репрезентации.

Академический дискурс представлен также социолингвистическими исследованиями, посвященными функционированию хакасского языка и титульных языков Южной Сибири, которые достаточно активно проводятся с начала 2000-х годов. Научные результаты легли в основу защищенных диссертаций, опубликованных монографий и статей, внедренных курсов по социолингвистике в системе университетского образования. Кроме того, следует отметить деятельность Совета по сохранению и развитию хакасского языка при Правительстве РХ с имевшей место практикой отчетов муниципалитетов о поддержке и развитии более активного билингвизма, с обсуждением результатов социолингвистических исследований, проводимых учеными по заказу Министерства национальной и территориальной политики РХ с 2018 года, которая также является поводом для информационного освещения в СМИ.

Аналитические данные по итогам опросов жителей Республики Хакасия позволяют оценить результативность практической реализации ЯП и выработать рекомендации по ее корректировке. В 2019 году выявлен, в частности, уровень правовой культуры жителей республики в области языкового законодательства, дана оценка роли и эффективности работы субъектов ЯП. На фоне общего низкого уровня осведомленности респондентов о введенном 28 лет назад государственном статусе двух языков

(60,8 %), более информированными оказались респонденты Алтайского района (81,2 %) и Аскизского района (77,4 %) [6].

Респондентами выделены три основных субъекта ЯП, от которых в большей степени зависит будущее хакасского языка: его носители (53 %), органы власти РХ (24,7 %) и образовательные организации (10 %). Позитивная оценка деятельности органов власти по обеспечению условий для изучения второго государственного языка республики составила 54,4 %, существенно более высокими показателями по Бейскому, Усть-Абаканскому, Таштыпскому и Аскизскому районам РХ. Респонденты также отметили более высокую результативность республиканских органов власти по поддержке хакасского языка в сравнении с федеративными и муниципальными [Там же].

В то же время требует внимания исследование дискурсивной деятельности в области языковой политики с точки зрения теории и практики лингводидактики, в которой, по словам министра образования и науки Астраханской области В. А. Гутмана, пока недооценивается изменившийся статус родных языков, не разрабатываются новейшие методики обучения и часто не придаётся значения качеству учебников родного языка и учебных пособий [Цит. по 8]. В РХ данная проблема также актуальна в связи с отсутствием полной линейки современных учебных пособий для изучения хакасского языка как родного и (или) государственного языка школьниками, не владеющими им совсем или владеющими на уровне второго языка.

Таким образом, основные проблемы в повышении эффективности языковой политики РХ связаны с отсутствием ее концептуальной основы и четко обозначенных приоритетов и стратегий. В связи с этим важнейшей задачей 2020 года, объявленного Главой РХ Годом хакасского языка, является разработка Государственной программы сохранения и развития второго государственного языка РХ на пятилетний период. Актуальным остается усиление работы по обеспечению присутствия хакасского языка как государственного языка РХ в коммуникативном, образовательном, медийном и киберпространстве.

Перспективными представляются дальнейшие исследования с использованием богатого арсенала дискурсивного анализа для получения новых знаний о месте и роли имплицитных установок, акторов языковой политики регионального уровня с привлечением результатов новейших социолингвистических, этнологических и политологических трудов.

Библиографический список

1. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире / отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева // Языковое единство и языковое разнообразие в политическом государстве. Международная конференция: доклады и сообщения / Институт языкознания РАН. М.: Языки народов мира, 2018. С. 24–33.

2. Арефьев А. Л. Национальные и иностранные языки в российской системе образования / под ред. академика Г. В. Осипова. М.: Институт социально-политических исследований РАН. М., 2017.
3. Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2017. 136 с.
4. Боргоякова Т. Г. Преимущества билингвизма и проблемы билингвального образования в Республике Хакасия // Миноритарные языки в поликультурном пространстве России: материалы Всерос. науч. семинара с межд. участием, 29 июня 2011 г., г. Абакан / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан. 2011.
5. Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/914> (дата обращения: 20.04.2020 г.).
6. Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. Отчет о научно-исследовательской работе «Оценка состояния и перспективы развития хакасского и шорского языков в Республике Хакасия в 2019 году». Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2019. 122 с.
7. Головкин Е. В. Современная языковая политика и проблема сохранения языкового и культурного разнообразия в Российской Федерации // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2016. С. 9–12.
8. Мухарямов Н. М., Януш О. Б., Шакурова Г. З. О некоторых дискурсивных аспектах языковой политики в российских регионах // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4 (61). С. 56–66.
9. Мюллер Д. Тенденции развития обучения на родных языках и обучения родным языкам в Российской Федерации за последние 6 лет (2013–2018) // Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму: доклады и сообщения Международного круглого стола / отв. ред. М. Вингендер, А. Н. Биткеева, Э. В. Хилханова. Москва, 2019. С. 25–27.
10. Fitzgerald C. M. Understanding language vitality and reclamation as resilience: A framework for language endangerment and 'loss'. URL: <https://www.linguisticsociety.org/sites/default/files> (date of access: 22.11.2019).
11. Kymlicka, W., Patten, A. Language Rights and Political Theory // Annual Review of Applied Linguistics. Cambridge University Press, 2003. P. 3–21.
12. McCarty T. L. Language Planning and Policy in Native America: History, Theory, Praxis. Multilingual Matters, 2013. 304 p.
13. Wodak, R. Politics and Language: Overview / R. Wodak, R. de Cillia // Encyclopedia of Language & Linguistics. Oxford, 2006.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00426 «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири»).

© Боргоякова Т. Г., 2020

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РФ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЗАРУБЕЖНЫМ ОПЫТОМ

В тезисах представлен сравнительный анализ подходов к образованию на миноритарных языках в западноевропейских странах и в России в широком политическом контексте. В Западной Европе дифференцируются «старые» и «новые» подходы к образованию, в России отмечаются противоречивость государственной языковой политики и периферийность роли образования для сохранения миноритарных языков.

Ключевые слова: система образования, миноритарные языки, Россия, Западная Европа, школа.

Несмотря на то, что Западная Европа часто воспринимается как регион, где демократические ценности одержали победу, в том числе и в сфере сохранения миноритарных языков (далее – МЯ), более пристальный взгляд на присутствие миноритарных и региональных языков в системе образования свидетельствует о том, что наряду с новыми подходами, действительно демонстрирующими порой удивительные примеры возрождения языков (например, мэнского), сохраняются и старые подходы и идеологии, когда МЯ слабо представлены в сфере образования и этому не уделяется внимание как со стороны властей, так и самих миноритарных сообществ. Пример первого подхода мы наблюдаем в регионах с высоким уровнем (а) политической автономии и (б) регионального (или национального) самосознания: в Стране Басков, Каталонии, Галиции, кельтских регионах, саамском регионе в Финляндии [3; 6–10]. При отсутствии вышеупомянутых главных факторов позиции МЯ в образовании остаются слабыми, как, например, в случае с фризским языком в Нидерландах, или сорбским в ФРГ [7; 9].

В России – стране с сильной централизацией власти (в том числе и в образовании), слабым федерализмом и опасениями «верхов» насчет этнического сепаратизма – реальная политическая автономия уровня Страны Басков маловероятна. При этом государство пытается удержать межъязыковой баланс, учредив Фонд сохранения и изучения родных языков народов РФ, Институт родных языков и т. д. Противоречивость такого подхода отражается и в образовании: с одной стороны, из-за добровольности изучения родных языков в сочетании с обязательным ЕГЭ по русскому языку система образования выстраивается так, что нерусские языки как бы сами собой «выдавливаются» из образования как институциональной сферы. Из пяти вариантов учебного плана, предлагаемых на ступени основного общего образования, лишь в двух содер-

жится предмет «Родной язык», при этом вариант 5, который предназначен для школ с родным языком обучения, отпадает для многих национальных регионов [4]. Таким образом, единственно возможным остается вариант 4, в котором изучение государственного языка субъекта РФ возможно в объеме 3 часов, и это реализуемо лишь в условиях 6-дневной учебной недели. Поэтому многие родители и школы отказываются от изучения родного языка, если это нерусский язык [1]. С другой стороны, деятельность Фонда сохранения и изучения родных языков народов РФ и Института родных языков задумана в первую очередь как образовательная и включает разработку учебников для изучения родных языков и обучения на родных языках народов РФ и разного рода методическую поддержку преподавания родных языков народов России [5].

Автор данных тезисов относится к тем лингвистам, которые не считают, что школа может стать основным фактором сохранения МЯ в российских условиях, хотя опыт многих западноевропейских стран свидетельствует о том, что это возможно [8]. Тем не менее, роль школьного образования важна; в контурах Национальной программы по сохранению коренных языков РФ, которую предлагает разработать Институт языкознания РАН, школьное образование рассматривается как периферийный, но необходимый аспект для достижения этой цели [2].

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. Тувинский язык в правовом и функциональном изменении // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/...> (дата обращения: 06.04.2020 г.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.4.
2. Кибрик А. А. Сохранение языкового многообразия России: презентация контуров программы. URL: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2020/200317_daclp_kibrik.pdf (дата обращения: 13.04.2020).
3. Пасанен А. «Языковые гнезда» для саамов Финляндии работают и в школах, этот опыт необходимо применить в России / Информационный центр финно-угорских народов. 2011. URL: <http://finugor.ru/node/21489> (дата обращения: 20.04.2019).
4. Примерная основная образовательная программа основного общего образования. URL: <https://fgosreestr.ru> (дата обращения: 18.02.2020)
5. Садовникова Ж. В. О сохранении и развитии языков народов Российской Федерации. URL: <https://cloud.mail.ru/public/2oj3/2ipzrK3LG/Садовникова%20Ж.В.%20%20Пленарный%20доклад.pptx> (дата обращения: 13.04.2020).
6. Gardner N. The Basque language in education in Spain (2nd Edition). Leeuwarden/Ljouwert: Mercator Research Centre on Multilingualism and Language Learning. 2005. URL: https://www.euskadi.eus/contenidos/informacion/dia6/en_2027/adjuntos/publications_in_english/basque_language_in_education_in_spain_2005_en.pdf. (дата обращения: 10.09.2019).
7. Gorter D., Cenoz J. Multilingual education for European minority languages: The Basque Country and Friesland // International Review of Education. 2011. № 57. С. 651–666.
8. Smith-Christmas C., Hornsby M., Moriarty M. and Murchadha N. Ó (Eds.). New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2018.

9. Toivanen, R. Obstacles and Successes. Comparing Minority Language Activism Among the Sorbs in Germany and the Sámi in Finland // Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Comparative Studies on Equality and Diversity. Series Multilingual Education, Vol. 13. Ed. by Heiko F. Marten, Michael Riessler, Janne Saarikivi, Reetta Toivanen. Springer, 2015. P. 3–30. DOI 10. 1007/978-3-319-10455-3.
10. Van Dongera R., van der Meer C. and Sterk R. Research for CULT Committee – Minority languages and education: best practices and pitfalls, European Parliament, Policy Department for Structural and Cohesion Policies, Brussels. 2017.

© Хилханова Э. В., 2020

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 81'27

О. А. Амзаракова

АССОЦИАТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТОНИМИЧЕСКИХ ПАР *GOOD/BAD* И *ЧАХСЫ/ХОМАЙ* В АНГЛИЙСКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ

*В работе рассматривается общность и этнокультурные особенности структуры и содержания американских и хакасских ассоциативных полей антонимических прилагательных *good/bad*, *чахсы/хомай* («хороший/плохой») в контексте базового противопоставления восприятия мира и человека в нем по шкале позитива и негатива. Выявленные стратегии ассоциативной репрезентации в парадигматических и синтагматических моделях отражают этнокультурную специфику американского и хакасского языкового сознания, связанную, в том числе, с элементами соответствующего традиционного религиозного сознания.*

Ключевые слова: *этнопсихоллингвистика, языковое сознание, хакасский язык, ассоциативное поле, семантическая зона, антонимические пары.*

Одной из актуальных задач современного языкознания является сопоставительное исследование образа мира представителей различных этнических групп, которое проводится в рамках этнопсихоллингвистики. А. А. Леонтьев выделяет два варианта определения психоллингвистики: «Психоллингвистика – это наука, предметом которой является отношение между системой языка... и языковой способностью» и второе: «Предметом психоллингвистики является речевая деятельность как целое и закономерности ее комплексного моделирования» [5, с. 110].

Е. Ф. Тарасов определяет языковое сознание как «совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками», или как «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами, как совокупностью этих полей» [8, с. 26].

Что касается исследования антонимических отношений в психоллингвистике, то, как отмечается в [2, с. 72], «анализ контрастивной концептуализации образа мира предполагает введение в научный оборот данных о стратегиях и типах антонимических отношений в структуре ядра языкового сознания (ЯС) носителей разных языков, а также на базе совре-

менных ассоциативных экспериментов». Интерес к изучению оппозитивных категорий обусловлен наличием яркого национально-культурного компонента в антонимических концептах, эффективностью анализа этнокультурной специфики образов мира разных народов.

Исследуемая нами оппозиция «*хороший/плохой*» относится к базовым противопоставлениям, на основе которых происходит оценивание восприятия мира и человека в нем по шкале позитива и негатива. Кроме того, данные оппозиции входят в ядро английского и хакасского ЯС [3, с. 2].

Наше исследование построено на основе анализа универсалий и специфики языкового сознания представителей контрастных лингвокультур – американской и хакасской. Материал исследования включает ассоциативные поля антонимических прилагательных *Good/Bad* и *Чахсы/Хомай*, сформированных из реакций носителей английского и хакасского языков. Основным методом создания ассоциативных полей является свободный ассоциативный эксперимент (далее САЭ), который позволяет выявить индивидуальные особенности различных культур, а также «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос [9, с. 140].

Хакасские ассоциативные поля (далее АП) были сформированы нами по итогам проведенного САЭ с участием носителей хакасского языка, свободно владеющих родным языком, из Хакасской национальной гимназии-интерната им. Н. Ф. Катанова, села Кызлас Аскизского района и ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Количество респондентов – 100 человек в возрасте от 16 до 80 лет. В результате было получено на слово «Чахсы» 75 реакций (75 %) и 25 отказов (25 %), на слово «Хомай» 79 реакций (79 %) и 21 отказ (21 %). Для дальнейшего анализа были привлечены также АП на слова-стимулы *чахсы* и *хомай*, представленные в [3].

Американские АП антонимов *Good/Bad* представлены в [6]. Возраст испытуемых – от 16 до 65 лет. На слово-стимул «Good» получено 373 реакций (98,9 %) и 4 отказа (1,06 %), на «Bad» – 362 реакции (98,6 %) и 5 отказов (1,4 %). Анализ данных АП показал, что на слово-стимул *good* получено 18 (4,8 %) антонимических реакций *bad*, а на слово *bad* – 11 (3,03 %) реакций *good*.

В качестве основного метода анализа ассоциативных полей в работе используется метод построения «семантического гештальта» Ю. Н. Караулова. Данный метод основывается на семантической классификации реакций, входящих в ассоциативное поле конкретного стимула, и состоит из нескольких семантических зон (СЗ). Эти зоны являются характеристикой некоторого существенного признака, из совокупности их и складывается интенционал данного стимула, обобщенный образ частички мира, стоящий за данным словом [4, с. 107].

Анализ ассоциативных полей слов-стимулов *Чакхсы* и *Good* начнем с первых СЗ *Кто* и *Что*, состоящих из синтагматических ассоциаций в виде имен существительных – одушевленных в первой СЗ и неодушевленных – во второй.

Таблица 1

Семантическая зона *Кто*

АП Чакхсы «хороший»	АП Good «хороший»
Kızı 7, аңнар1, син 1	God 8, angels 4, friends 4, me 4, boy 3, people 2

Как видно из представленной таблицы, хакасские и американские СЗ отличаются по количественным показателям и по содержанию. Общность содержания заключается в превалировании реакций, связанных с человеком. Однако имеется разница в их доле, составляющей 89 % в структуре хакасского АП и 52 % в американском. В хакасском АП в СЗ «Кто» из 9 реакций 8 относятся к человеку, за исключением одной – *аңнар* «звери». Американское АП представлено также группой реакций, которая относится к небожителям, составляя 48 % – *God 8, angels 4*.

Таблица 2

Семантическая зона *Что*

АП Чакхсы «хороший»	АП Good «хороший»
Тоғыс 6, кирек 5, чуртас 5, өрiнiс 3, күн 2, нiме 2, чир 1, сарын 1, маңат чуртас 1, кинде 1, чиис 1, чахайах 1, тан 1, чоох 1, салтар 1, чарасханы 1, сағын 1, тус 1, чол 1, хыныс 1	food 9, family 5, love 4, moral 4, smiles 4, happiness 2, joy 2, kindness 2, praise 2, taste 2, truth 2

В данной таблице общность содержания выражается в номинации неодушевленных объектов, ассоциируемых с характеристикой слова-стимула «хороший». В хакасской СЗ данная группа реакций составляет 62,2 % и включает, прежде всего, работу *тоғыс* 6, дело *кирек* 5, составляющие 44 %. Затем уже жизнь *чуртас* 5, радость *өрiнiс* 3, песня *сарын* 1, любовь *хыныс* 1, цветок *чахайах* 1 и согласие *чарасханы* 1. В американской СЗ наиболее частотные ассоциаты *food* 9 еда и *family* 5 семья, составляют 33 %. Но в сумме доминируют реакции, отражающие ценностную сторону восприятия с заметным превалированием позитива: *любовь, улыбки, счастье, радость, доброта, похвала*.

Таблица 3

Семантическая зона *Какой*

АП Чакхсы «хороший»	АП Good «хороший»
Хомай 9, маңат чуртас 1, нымзах 1, истиґ 1, часкалыґ чуртас 1	Bad 18, happy 15, right 9, nice 8, great 6, kind 6, white 6, better 5, positive 5, fun 4, wonderful 4, acceptable 3, best 3, correct 3, exceptional 3, fine 3, honest 2, tasty 2, well done 2, calm 2

Следует отметить, что в данной семантической группе, представленной парадигматической моделью ассоциирования, количественно преобладают американские ассоциаты. Если в хакасском АП данная СЗ составляет 33,8 %, то в американском АП – 56,2 %, что на 22,4 % больше. Общность содержания заключается в наличии реакций – антонимов, как в хакасской СЗ («хомай 9»), так и в американской СЗ («Bad 18»). В то же время в хакасской СЗ лидирующей реакцией является синонимическая реакция *маңат*, а в американской – антоним *Bad*. Возможно, это отражает более высокий уровень полярности восприятия и парадигматической схемы ассоциирования в американском языковом сознании.

Далее представим также в таблицах содержание ассоциативных полей слов-стимулов *Хомай* и *Bad* «плохой» в разрезе трех СЗ.

Таблица 4

Семантическая зона *Кто*

АП «Хомай»	АП «Bad»
Kızı 10, айна 1, магаа 1	devil 5, me 2, people 2, person 2, a sad man 1

В данной таблице количество ассоциаций в хакасской и американской СЗ совпадают с преобладанием номинаций человека – 92 % в хакасской и 58 % в американской СЗ. Тем не менее, мы видим, что если в хакасской СЗ самая частотная реакция – *kızı* «человек», а затем только одна реакция *айна* «дьявол», то в американском варианте – сначала частотная *devil* «дьявол», потом только «я» и другие люди.

Таблица 5

Семантическая зона *Что*

АП «Хомай»	АП «Bad»
Кирек 7, чуртас 3, кун 2, агырыг 2, чобар 2, тогыс 1, ниме 1, хазна 1, чиис 1, хырг 1, чоох 1, чаа 1, харам 1	hurt 6, war 6, darkness 4, death 4, mood 4, punishment 4, sin 4

Здесь следует отметить, что в хакасской СЗ самыми частотными реакциями стали нейтральные существительные *кирек* (дело) и *чуртас* (жизнь), составляющие 42 %, по аналогии с выводами по таблице 2. У представителей американской культуры слово-стимул *bad* вызывает преимущественно негативные ассоциации. Это, прежде всего, *hurt* «боль» и *war* «война» (40 %), а также *death* и *darkness*.

Таблица 6

Семантическая зона *Какой*

АП «Хомай»	АП «Bad»
Чახсы 12, чабал 9, маңат 3, агырыг 2, хырг 1, иптгг 1, харам 1, хомай 1, угаа 1, саба 1 32	evil 18, wrong 14, good 11, dark 8, black 6, terrible 6, worse 6, mean 5, negative 5, not good 5, naughty 4, punishment 4, red 4, unhappy 4, angry 3, awful 3, destroy 3, mad 2, poor 2, sad 2, selfish 2, trouble 2, ugly 2, yucky 2, acceptable 1, bland 1

Как видно из таблицы 6, в хакасской СЗ лидирует антонимическая реакция *Чахсы* «хороший». В целом, вместе с другими семантически близкими позитивными ассоциатами, это значение выражено в 50% реакций данной СЗ. Несомненно, это может подтверждать оптимистичность традиционного мировоззрения хакасов. Как отмечают ученые, в отличие от мировых религий «религиозное сознание хакасов радость бытия находило в солнечном мире» [1, с. 71]. В американской СЗ фиксируется наиболее частотная негативная реакция в виде синонима *evil* (15%), а антонимическая ассоциативная модель (реакция *good*) составляет всего 9%.

Таким образом, анализ данных ассоциативного эксперимента показал, что антонимические пары *Good/Bad*, *Чахсы/Хомай* имеют устойчивые связи, составляющие культурную специфику американского и хакасского языкового сознания. Общность СЗ с одушевленными реакциями в АП *Чахсы/хомай* и *Good/Bad* состоит в преобладании номинации человека. В то же время в американском языковом сознании дополнительно представлены *бог, ангел и дьявол* как олицетворение добра и зла в традиционном христианском дискурсе. Оппозитивная модель хакасского ассоциирования представлена доминированием противопоставления хорошему плохому в АП *хомай*, в то время как в АП *чахсы* преобладает позитивная синонимическая связь. Обе линии отражают сохранность элементов традиционного религиозного сознания хакасов.

Библиографический список

1. Анжиганова Л. В. Традиционное мировоззрение хакасов. Опыт реконструкции. Абакан, 1997. 128 с.
2. Боргоякова Т. Г., Покоякова К. А. Антонимические отношения в ассоциативно-вербальной репрезентации носителей хакасского, русского и английского языков // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 72–87.
3. Боргоякова А. П. Образ мира в языковом сознании этноса (хакасы, русские, англичане). М.: Советский писатель, 2003. 152 с.
4. Караулов Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов (Москва, 1–3 июня 2000 г.) / ред. Е. Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания РАН и МГЛУ, 2005.
5. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: учеб. для вузов по спец. «Психология». Москва: Смысл, 1999. 287 с.
6. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) / научн. ред. Ю. А. Сорокин. М.: Gnozis, 2005. 469 с.
7. Тарасов Е. Ф. Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988.
8. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000.
9. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сборник статей. М., 1996. С. 139–162.

ХАКАССКИЙ И ТУВИНСКИЙ ЯЗЫКИ В ПРАВОСЛАВНОМ ДИСКУРСЕ

В настоящей работе исследуются особенности хакасского и тувинского языков в православном дискурсе с позиций социолингвистики. Установлено, что, несмотря на большую популярность и более длительную историю православия в Хакасии, позиции тувинского языка в религиозной сфере более сильны. По мнению авторов, различное положение хакасского и тувинского языков в религиозной сфере является отражением особенностей языковой ситуации в республиках Тыва и Хакасия.

Ключевые слова: хакасский язык, тувинский язык, православный дискурс, перевод священных текстов, Библия, Новый Завет.

Термином «дискурс» в лингвистике традиционно обозначается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими... факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [10, с. 136–137]. Более широкое толкование включает «два актуальных понимания термина «дискурс»: дискурс как дискретная единица – текст в дискурсивном окружении – и дискурс как глобальное образование, как информационное пространство конкретного социума» [6, с. 57]. Последнее определение соотносится с представлением о дискурсе с позиций социолингвистики, которое, согласно В. И. Карасику, представляет собой «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение» [7, с. 194]. Учёный рассматривает религиозный дискурс как разновидность институционального дискурса, и хотя, по мнению Л. Н. Чурилиной, «едва ли можно признать справедливость налагаемого на религиозный дискурс «социального» ограничения» [13, с. 379], в данной работе мы рассмотрим именно социолингвистический аспект функционирования хакасского и тувинского языков в религиозном (конкретно – православном) дискурсе.

Анализ использования языков в сфере религии является важной частью исследования динамики социолингвистической ситуации в регионах России. Согласно социолингвистической энциклопедии языков РФ, где представлены данные по функционированию 32 языков народов России в религиозной сфере, включая русский язык, по доле языков, носители которых исповедуют ту или иную религию, лидирует ислам (50 %), на втором месте христианство (41 %), затем следуют буддизм и шаманизм (9 %). Коренные жители Республики Хакасия относятся как к христиан-

ству (православие), так и сохраняют традиционную систему шаманизма, а в Республике Тыва доминирует буддизм [12].

Анализ результатов опросов по определению религиозной принадлежности хакасов показал, что 32,4 % респондентов исповедуют православие, а 33,1 % считают себя одновременно православными и последователями традиционного культа (шаманизм) [8, с. 187]. Таким образом, общее количество хакасов, относящих себя к православию, составляет более 65 %. В Республике Тыва православные христиане составляют лишь несколько процентов населения и представлены в основном русскими [5].

Появление первых переводов православных текстов на хакасский язык связано с именем священника Николая Катанова – выпускника Красноярской учительской семинарии и родного брата выдающегося хакасского учёного Н. Ф. Катанова. А. Н. Гладышевский отмечает, что перевод на сагайский диалект «Символа веры», который прозвучал во время массового крещения хакасов в реке Аскиз 15 июля 1876 года, был осуществлен Н. Катановым. Он возглавлял Усть-Есинский церковный приход – единственный в Хакасии, где на хакасском языке велось богослужение и преподавание в местной церковно-приходской школе. С именем Н. Катанова связано и появление первого хакасского букваря [3, с. 50–52]. После смерти отца Николая в 1892 году Усть-Есинский приход возглавил выпускник Бийского катехизаторского училища Симеон Чисмочаков, который продолжил просветительскую деятельность своего предшественника. С его именем связано появление первых печатных изданий на хакасском языке: «Беседы готовящегося к святому крещению», «Беседы об истинном Боге и истинной вере» и «Житие и страдания святого священномученика Киприана и мученицы Иустины», изданных на наречии верхне-абаканских инородцев в Томске. Книжки печатались на так называемом миссионерском алфавите, состоящем из 34 букв, составленном киргизской миссией Томской епархии. Переводы и первые публикации религиозных текстов на хакасском языке имели большое значение для последующего создания хакасской письменности на основе кириллицы [Там же, с. 54]. Согласно упомянутой выше социолингвистической энциклопедии, в 2000 году хакасский язык в православных службах, ритуалах и обрядах не использовался. Переведены были только «Жития святых», а также начата работа по переводу «Нового Завета» [12, с. 526]. Следует отметить, что в настоящее время эта работа уже завершена: полный текст «Нового Завета» на хакасском языке вышел в 2009 году, однако богослужений на хакасском языке не проводится. Тем не менее, в отдельных храмах Хакасии в ходе воскресной литургии совершается чтение Евангелия на хакасском языке, по-хакасски читаются некоторые молитвы, произносятся отдельные священнические возгласы [2, с. 84].

Ежемесячно выходит епархиальная газета «Сын сабланыстыг киртиніс» («Православная вера») на хакасском языке.

В Республику Тыва христианство пришло совсем недавно. До революции 1917 г. в этих краях официального миссионерства не было, хотя на рубеже XIX–XX вв. здесь появились русские переселенцы, среди которых было много старообрядцев [4]. Сегодня православных тувинцев немного, но, несмотря на это, тувинский язык входит в число семи языков автохтонных народов России (наряду с татарским, крымско-татарским, осетинским, удмуртским, чеченским и чувашским), на которые переведен полный текст Библии [11]. По словам Л. С. Мижит, благодаря переводу Священной Книги на тувинский язык произошло обогащение лексического состава тувинского языка: были созданы новые термины и понятия, в современный тувинский язык вернулось немало архаизмов [Там же]. Интересно отметить, что на сайте Православного миссионерского общества имени преподобного Серапиона Кожеозерского нам даже удалось обнаружить полный текст Божественной литургии святителя Иоанна Златоуста на тувинском языке [1], однако мы не имеем сведений об авторе перевода, его каноничности и об использовании в богослужениях.

Всё вышесказанное позволяет утверждать, что специфика функционирования хакасского и тувинского языков в православном дискурсе напрямую связана с различной степенью демографической и коммуникативной мощности этих языков. Так, несмотря на то, что, по выражению А. А. Иконникова-Галицкого, «православие – пока ещё самое слабоукоренённое растение на духовной почве Тувы» [5], именно на тувинский язык переведен и полный текст Библии, и Божественная литургия; кроме того, на сайте Кызыльской епархии Русской православной церкви содержатся материалы на тувинском языке [9]. Что же касается Хакасии, то, несмотря на более длительную историю использования хакасского языка в практике православия, полного перевода Библии и текста Божественной литургии на него пока нет, а на сайте Абаканской епархии Русской православной церкви практически не представлено документов на хакасском языке (за исключением номеров вышеупомянутой газеты «Сын сабланыстыг киртиніс»). Таким образом, различное положение хакасского и тувинского языков в религиозной сфере является отражением особенностей языковой ситуации в республиках Тыва и Хакасия.

Библиографический список

1. Бистиг ыдыктыг адавыс Иоанн Златоустун Бургандан келген Литургиязы. URL: <http://serapion.org/index.shtml?3-01.tyv> (дата обращения: 20.03.2020).
2. Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. Особенности перевода православных текстов на тюркские языки Южной Сибири // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90). Ч. I. С. 83–86.

3. Гладышевский А. Н. К истории христианства в Хакасии. Абакан: Типография ООО «Фирма «Март», 2004. 136 с.
4. Десницкий А. Первая тувинская Библия. URL: <http://ibt.org.ru/articles-05-11> (дата обращения: 17.03.2020).
5. Иконников-Галицкий А. А. Разноцветная вера в Туве. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/2995-raznocvetnaya-vera.html> (дата обращения: 20.03.2020).
6. Казанцева Ю. М. Ментальная база перевода религиозных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 583. С. 55–70.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. 252 с.
9. Кызыльская епархия Русской православной церкви. URL: <http://pravtuva.ru/> (дата обращения: 20.03.2020).
10. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
11. Мижит Л. С. Перевод Библии на тувинский язык: обогащение лексического состава тувинского литературного языка // Родной язык: лингвистический журнал. № 1 (4). С. 141–155.
12. Письменные языки мира. Языки Российской Федерации: социолингвистическая энциклопедия. М.: Academia, 2000. Кн. 1. 656 с.
13. Чурилина Л. Н. Современный православный дискурс: проблемы лексикографического представления // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 377–383.

© Гусейнова А. В., Лопсан А. П., 2020

УДК 81'272

Н. И. Иванова

ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК В СФЕРЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ: ДИНАМИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Республика Саха характеризуется продолжающимися процессами этнического возрождения; несмотря на индустриализацию общества, в якутском обществе все возрастнo-половые, социально-статусные группы социума испытывают необходимость в воспроизводстве национальной культуры. В сфере духовной культуры этносоциальная функция якутского языка выполняется интенсивно, в большинстве подсфер наблюдается рост использования якутского языка и субъектов якутской культуры.

Ключевые слова: якутский язык, этносоциальная функция якутского языка, воспроизводство якутской культуры.

Развитие литературной формы языка неразрывно связано с возрождением и развитием национальной культуры. Широкое использование родного языка в сфере духовной культуры может реально противостоять опасности ассимиляции национальных культурных традиций в общероссийской «массовой культуре» и отчуждению от родного языка. В данной статье поставлена задача обозначить основные тенденции и факторы развития якутского языка в сфере духовной культуры. Используются полевые материалы по теме вопроса, итоги социолингвистических опросов, проведенных в г. Якутске в 2007 и 2014 гг.

Закономерным процессом в культурной жизни постсоветского периода народа саха стало возрождение традиционной национальной культуры, в т. ч. праздничной, лучшим воплощением которой стал национальный праздник «Ысыах». Автор концепции якутский этнограф Е. Н. Романова пишет: «Ысыах до сих пор остаётся той уникальной, культурной нишей, где сохраняется этническая специфика народа: осознание этнической идентичности, национальная одежда, пища, праздничная утварь, ритуальный комплекс, музыкальная культура, фольклор, наконец, традиционное мировоззрение. Он был и пока остаётся главенствующим фактором сплочения якутского этноса, самовыражения его как нации. Ысыах – это символ якутской культуры, своеобразная миниатюра традиционной картины мира народа саха. Ысыах – единственный этнический праздник в экспозиции сибирских праздников, сохранивший свой самобытный характер и в советское время» [1]. Ежегодно масштаб праздника расширяется, проводятся: окружной «Ысыах Туймаады» (г. Якутск), республиканский «Ысыах Олонхо», молодёжные ысыахи, ысыахи на уровне улусов, сельских поселений, корпоративные ысыахи, родовые, семейные ысыахи.

Отдельным блоком ведётся работа по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса – «Олонхо», инициированная республиканской общественной организацией «Ассоциация Олонхо». Благодаря усилиям «Ассоциации Олонхо» в 23 улусах созданы ее филиалы, которые ведут плановую работу по сохранению, изучению и популяризации якутского героического эпоса. Результатом совместной плодотворной работы членов «Ассоциации Олонхо», Правительства РС (Я), ИГИ АН РС (Я), Национального комитета РС (Я) по делам ЮНЕСКО, ученых, деятелей культуры и искусства и улусов республики стало признание ЮНЕСКО в 2005 году якутского героического эпоса «Олонхо» Шедвром Устного Нематериального Культурного Наследия Человечества, что способствовало выработке нового направления в государственной политике, направленной на сохранение и возрождение древнего эпического наследия народа саха. Сегодня вполне правомерно утверждать, что деятельность по актуализации «Олонхо» в современном постиндустриальном обществе расценивается как возможность возрождения и развития культурной, в т. ч. и этноязыковой, идентичности народа саха.

Научный контекст эпохальное событие приобретает в ходе широкого исследования якутскими филологами эпоса «Олонхо». Ак. П. А. Слепцов, нацеливая гуманитарную научную общественность на дальнейшее исследование якутского литературного языка, указывает на язык фольклора. Автор совершенно справедливо отмечает, что язык «Олонхо» всё ещё не впустил исследователей в глубины своей сущности, и потому предлагает понимать его шире – как своеобразный код, зашифровку. Ни один эпи-

ческий памятник прошлого не может быть правильно понят, если читатель не владеет этим кодом [2].

Одним из последних знаменательных событий в развитии якутского и тюркского языкознания, современного якутского литературного языка стало завершение двуязычного академического Толкового словаря якутского языка в 15 томах, содержащего около 80 тысяч слов и фразеологизмов. Работа выполнялась под руководством ак. П. А. Слепцова на протяжении 46 лет и представляет собой уникальное, присущее лишь якутскому народу, мировосприятие, миросозерцание и осознание себя, как частичку этого мира. Словарь относится к нормативно-регистрающему типу, призван демонстрировать, распространять и укреплять нормы национального литературного языка, способствовать его дальнейшему развитию, являясь богатейшим духовным наследием.

В сфере духовной культуры саха, наряду с вышесказанным, наблюдаются трансформации религиозных убеждений. Якутское население, причастное к православию, получило возможность ознакомиться с текстом Библии на родном языке, двуязычие используется при религиозном служении. Тем не менее, сегодня расценивать православие как единственную и традиционную веру якутов, на наш взгляд, нет основания, поскольку отмечается тенденция возврата к традиционным религиозным верованиям, обусловленная ростом национального самосознания. Так, по результатам наших опросов якутов, сопричастных к православию в 2007 г. было не более 14,4 %, а в 2014 г. их количество снизилось до 5,8 %. Данное снижение мы объясняем миграционными потоками жителей сел в города, вследствие чего в г. Якутске в 2014 г. резко повысилось количество приверженцев традиционной религии народов Севера – с 34,4 % до 57,6 %. Также важно отметить, что в 2007 г. в г. Якутске наиболее многочисленны были ответы атеистов – 48,5 %.

Сопоставление данных, детерминированных параметрами урбанизированности, позволяет проследить закономерность (табл. 1), состоящую, во-первых, в распространении традиционной северной религии, очевидно, от сельских мигрантов и, во-вторых, в имеющейся в настоящее время в селах потребности в обеих духовных ценностях – традиционной северной и христианской православной религий.

Таблица 1

Принадлежность к религиозным убеждениям городских и сельских якутов (2014 г., %)

	г. Якутск	с. Чай
Традиционной северной	57,6	83,3
Православной	5,3	0
Католической	0,9	0
Протестантской	0,3	0
Соблюдают обряды обеих религий: христианской и традиционн. северной	26,6	16,7
Другое	9,3	0

Таким образом, сегодня северная традиционная религия, очевидно, воплощённая в массовом сознании в повседневной обрядовой культуре, проникает в город с носителями языка из сельской местности и распространяется весьма равномерно во всех возрастных группах (табл. 2).

Таблица 2

**Принадлежность к религиозным убеждениям якутов
в зависимости от возраста (Якутск, 2007, %)**

	16–25 лет	26–35 лет	36–50 лет	ст. 50 лет
Традиционной северной	51,9	62,1	61	61,7
Православной	3	12,1	3,9	4,3
Католической	0	0	2,6	2,1
Протестантской	0	0	0	2,1
Соблюдаю обряды обеих религий: христианской и традиционной северной	27,8	21,2	28,6	27,7
Другое	17,3	4,5	3,9	2,1

Приверженность к обеим религиям, в немалой степени представленная в ответах респондентов, отражает, по-видимому, интегративную стратегию самих якутов, которая проявляется сегодня и проявлялась ранее, о чём отмечает якутский исследователь И. И. Юрганова: «Якуты никогда не были апологетами канонического понимания православия и, в силу поверхностного усвоения обрядовой части религии, немногие из них могли называться истинно православными христианами. <...> Православие выступало уже не только и не столько в роли официальной религии Российской империи, оно во многом определяло нормы и ценности, на которых основывалась жизнедеятельность якутского общества. Обращение народов северо-востока Сибири и, в частности якутов, в «русскую веру», безусловно, явилось действенным механизмом интеграции» [4, с. 358–359].

Итоги нашего опроса наводят на мысль о прочности традиционного мировоззрения саха и о совмещении двух религиозных убеждений у части населения в качестве интеграционного «мостика» при включённости в городскую среду, городское сообщество. В современном якутском обществе легитимизация канонов и содержания религиозных духовных ценностей продолжается, знаменуя собой новый этап поиска и признания своей исконной религии саха как важного маркера этнокультурной идентичности.

Как отмечает российский социолог Ж. Т. Тощенко, само по себе исследование религиозности, оценка религиозной идентичности достаточно противоречивы и неоднозначны, поскольку «идентификация людей с определенной религией в любом обществе неоднозначна, в жизни она может меняться время от времени, порой даже на весьма коротком ее отрезке, под влиянием окружающей среды, общественной атмосферы,

жизненных обстоятельств, идеологического воздействия» [3]. Автор, отмечая сближение понятий о национальной и религиозной идентичности в российском сообществе, указывает, что в современных условиях в выборе религиозных убеждений наиболее важен фактор «свободного и осознанного выбора» [Там же], а не пропагандируемого на государственном уровне, а значит, преследующего определённые политические цели, переориентирование общественного сознания на создание христианских православных ценностей.

Традиционной областью развития литературной формы языка является художественная литература. В республике функционирует 504 общедоступных библиотеки, из них 2 государственные муниципальные; все активнее внедряются в библиотечном деле инновационные формы работы. Растут объём и тираж продукции на якутском языке, увеличивается выпуск национальной литературы Национальным книжным издательством «Бичик» им. С. А. Новгородова, крупнейшим в регионе. В последние годы его деятельность расширилась за счет издания учебной, детской литературы. В республике работают 10 театров, коллективы их активно гастролируют как по республике, так и по РФ. В 2018 году насчитывалось 491 учреждение культурно-досугового типа, в том числе 38 этнокультурных центров, 52 дома (центра) народного творчества. Новое позитивное явление в культурной жизни республики – якутское кино, также привлекает массового зрителя в кинотеатры и на видеохостинговом сайте «You Tube», расценивается сегодня как отражение этнокультурной потребности молодежи саха в позитивной этнической идентичности, воплощенной в креативных современных формах. В настоящее время республика занимает лидирующее место среди регионов России по количеству производимых фильмов, с 1990 г. создано примерно более 100 фильмов разных жанров в основном на якутском языке, часть из которых отмечена призами и дипломами на различных кинофестивалях и смотрах.

Таким образом, якутским языком в сфере духовной культуры этносоциальная функция выполняется интенсивно, в большинстве подсфер наблюдается рост использования якутского языка и субъектов якутской культуры с использованием якутского языка. Развитию этнической функции языка, поддержке этносохраняющих мотивов способствовали:

- развитость литературных норм якутского языка, в котором закрепились культурная самобытность народа, фольклор, традиционное мировоззрение;
- высокое этническое самосознание носителей якутского языка и их стремление к поддержанию и сохранению национальной самобытности;

- внутренняя государственная политика республики, направленная на сохранение и развитие основ якутского языка и этнической идентичности его носителей.

Библиографический список

1. Романова Е. Н. Ысыах – главный праздник якутской традиции // Якуты (Саха) / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. Н. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. М. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. М.: Наука, 2012. С. 246–247.
2. Слепцов П. А. Олонхо тылын чинчийи сорууктара, хайысхалара // Ступени и проблемы якутского языкознания. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. С. 331–337.
3. Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Toshenko.pdf>. Перепечатка с сайта Института социологии РАН <http://www.isras.ru/> (дата обращения: 21.09.2019).
4. Юрганова И. И. Православное христианство в Якутском крае // Якуты (Саха) / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. Н. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. М. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. М.: Наука, 2012. С. 358–359.

© Иванова Н. И., 2020

УДК 81'27

В. В. Идимешев

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В США

Согласно мировой практике, каких-либо существенных результатов в деле сохранения и развития миноритарных языков достигают те государства, в которых на законодательном уровне принимаются специальные меры по защите языковых прав коренных народов. В США отношение федеральных властей к языкам коренных народов всегда отличалось своей неоднозначностью. В докладе приводится анализ позитивных изменений, произошедших в США в последние десятилетия, направленных на поддержку этой категории языков при участии разных субъектов языковой политики.

Ключевые слова: языковая политика, языки коренных народов, федеральное законодательство, коренные американцы, витальность языков.

Последние десятилетия характеризуются усилением поддержки языков коренных народов мира. Подтверждением этому служит объявление ООН прошедшего, 2019 года годом языков коренных народов (Indigenous languages) и планирование Десятилетия языков коренных народов мира. Мировая практика показывает, что наиболее существенных результатов в деле сохранения и развития языков достигают те государства, в которых на законодательном уровне принимаются специальные меры по защите языковых прав коренных народов и национальных меньшинств. В пример такого государства можно привести Соединенные Штаты Америки.

Отношение к своим коренным языкам в этой стране не было столь любезным, как к языкам иммигрировавших европейцев. Многие годы

американизация наносила необратимый вред как историческому сохранению местных языков, так и самому туземному населению [4, с. 45]. «В результате, несмотря на современную политику защиты и сохранения языков коренных народов, многие из них находятся сегодня под угрозой исчезновения. Согласно третьему изданию Атласа ЮНЕСКО (2010 г.), в число языков, которым грозит исчезновение, входят 192 языка США» [2, с. 61].

Однако в последние десятилетия в этой стране произошли заметные позитивные сдвиги по законодательной поддержке языков коренных народов, выживших «вопреки столетиям жесткого и безжалостного выдавливания из жизни» и благодаря «глубочайшей привязанности коренных народов к своим языкам» [1, с. 41]. Правовые основы защиты языков коренных народов США отражены в федеральном Законе о языках коренных американцев (the Native American Languages Act (NALA)), принятом Конгрессом Соединенных Штатов в 1990 и 1991 гг. Появление NALA в определенной степени было и результатом активных усилий индейских племенных сообществ — важных субъектов языковой политики [3].

Актуальность темы данной работы обусловлена необходимостью изучения новых подходов и практик в языковой политике, направленных на сохранение и развитие миноритарных языков в качестве активных компонентов билингвизма. США представляют особый интерес в плане выявления специфики и результативности их языковой политики по отношению к языкам их коренных народов, с учетом декларируемых демократических принципов социальной политики.

Цель данной работы состоит в том, чтобы изучить основные итоги и тенденции развития федерального законодательства о языках коренных народов США с привлечением данных научного и правового дискурса на двух языках.

Языковая ситуация в США всегда отличалась многообразием и значительной подвижностью. Основные законы, принятые в отношении языка, включали: право на двуязычное образование (1968), право на равные возможности в отношении образования (1974). Закон 1968 года впервые признавал, что дети языковых меньшинств не получают полноценного обучения в школах, которые используют только один английский язык при обучении всех школьников, независимо от языковой принадлежности детей и уровня знаний английского.

Вторым по значимости после принятия NALA был федеральный закон Эстер Мартинес о сохранении языков коренных американцев (Easther Martinez Native American Languages Preservation Act), принятый в 2006 году. В его рамках стало доступно дополнительное финансирование в объеме 12 млн долларов США в 2009 г. [1, с. 40].

В 2015 в Конгрессе США был принят Закон об успехах каждого учащегося (The Every Student Succeeds Act – ESSA). Этот закон содержит поправку, которая направлена на поддержку проводимых в настоящее

время попыток по возрождению коренных американских языков. Поправка, внесенная сенатором Франкеном, была активно поддержана организацией Linguistic Society of America (LSA), работавшей совместно с группами National Humanities Alliance, ACTFL (American Council on the Teaching of Foreign Languages) и JNCL-NCLIS (the Joint National Committee for Languages and the National Council for Languages and International Studies).

В новом законе (глава 6) учреждается новая грантовая программа для школ и учебных заведений, которые реально стремятся сохранить и возродить коренные американские языки. Подобные гранты нацелены на наращивание поддержки коренным языкам, либо же на поддержку школ, где преподавание ведется на языках коренных народов США, как основных языках. К целям закона также относятся сохранение, защита и продвижение прав и свобод коренных американцев и коренных жителей Аляски для использования, применения на практике, продвижения и возрождения своих языков. К новым целевым направлениям относится поддержка усилий *Первых народов страны* (Nation's First Peoples) по возрождению их языков и культур, улучшению образовательных возможностей и успехов их студентов. Организации, имеющие право получать такое финансирование, включают любое племя, школу, университет и образовательное учреждение, планирующие «развить и продвинуть или улучшить и расширить программы поддержки коренных языков для использования их в качестве основного языка преподавания в начальных и средних школах, либо же в обеих» [5].

В период действия Конгресса 113 созыва (2012–2014 гг) два законопроекта были внесены в обе Палаты на рассмотрение: «Закон о возрождении коренных американских языков» и «Закон о достижениях при языковом погружении» (The Native American Languages Reauthorization Act and the Native Language Immersion Student Achievement Act). Оба проекта получили поддержку обеих партий, но не были вынесены на голосование до окончания срока работы Конгресса.

Законопроект по возрождению коренных языков в Америке (The Ester Martinez Native American Languages Preservation Act) был принят Палатой Представителей 9 декабря 2019 и был подписан президентом Трампом 20 декабря 2019 [5].

Этот закон продлевает вплоть до февраля 2022 легитимность двух грантовых программ, которые поддерживают сохранение и возрождение родных языков в племенных сообществах: грант по программе сохранения и возрождения родных американских языков и грант по программе инициативы Esther Martinez (EMI), обеспечивающих возможность племенным сообществам оценивать, планировать, развивать и выполнять проекты, которые обеспечат выживание и продолжение жизнеспособности родных языков. Закон также увеличивает максимально возможную

длительность действия всех грантов Esther Martinez с 3 лет до 5 и уменьшает требуемое минимальное количество участников финансируемых языковых гнезд с 10 до 5 лет и количество учащихся в школах по сохранению родных языков с 15 до 10. Эти программы – ключевой источник финансирования для возрождения родных языков в племенных сообществах [5].

Таким образом, федеральное языковое законодательство США продолжает развиваться в результате сотрудничества ее основных субъектов, представленных органами государственной власти, активистами племенных сообществ и общественными организациями. Основные цели вновь принимаемых законов направлены на поддержку усилий по возрождению языков коренных американцев через учреждение новых грантовых программ с акцентом на обучение на родных языках и внедрением методов погружения, продление сроков действия программ и уменьшение требований к количеству обучающихся для школ и учебных заведений, которые реально стремятся сохранить и возродить языки коренных американцев.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Языки коренных народов США: терминологические и законодательные аспекты // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 6. С. 36–42.
2. Боргоякова Т. Г. Языковое законодательство и витальность языков коренных народов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018): доклады и сообщения / отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М.: Языки Народов Мира, 2018. 752 с.
3. McCarty T. L. Language Planning and Policy in Native America: History, Theory, Praxis. Multilingual Matters, 2013. 304 p.
4. Miller A. Lost in legislation: Addressing The Role Of State Language Policy In the struggle for Native American language preservation // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 16–17 мая 2019 г.).
5. The Esther Martinez Native American Languages Preservation Act. 2020 URL: <https://www.linguisticsociety.org/content/native-american-language-revitalization-legislation> (дата обращения: 20.03.2020).
6. Warhol L. Native American Language Policy in the United States // Heritage Briefs Collection. Center for Applied Linguistics. 2011. URL: <http://www.cal.org/heritage/pdfs/briefs/native-american-language-policy>. (дата обращения: 20.03.2020).

© Идимешев В. В., 2020

КОЙБАЛЬСКИЙ ГОВОР ХАКАССКОГО ЯЗЫКА: К ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В работе приводится общий взгляд на койбальский говор хакасского языка, в современных генетических классификациях определяемый как часть тюркского континуума. В то же время известно, что на территории, где ныне распространен хакасский язык, в древности бытовал койбальский язык – представитель южной ветви самодийской языковой группы. В связи с этим устанавливается схема (модель) взаимодействия языков, в результате реализации которой появился койбальский говор хакасского языка.

Ключевые слова: языковое развитие, взаимодействие языков, строй языка, койбальский говор хакасского языка.

Особое отношение к этой языковой идиоме у лингвистов-исследователей хакасского языка выработалось достаточно давно и связано оно, прежде всего, с историей возникновения койбальского говора. Если кратко: он появился в результате полной ассимиляции языком тюркского типа одного из небольших самодийских языков Южной Сибири (в период XIII–XVIII вв.). Теперь уже является общепризнанным фактом, что в древности самодийские языки имели широкое распространение на территории Присаянья. Следы былого обитания здесь самодийцев, оставшиеся, к примеру, в виде многочисленных гидронимов, убедительно это доказывают. Но есть и более значительный «след», оставшийся после того, как самодийцы перестали быть актерами в этом регионе: это койбальский говор хакасского языка.

Рассмотрим его появление с позиций теории развития языков и их взаимодействия. Ряд выдающихся тюркологов в свое время внесли значимый вклад в разработку этих вопросов [Тенишев, 1971; Черемисина, 2002, с. 220–244; Убрятова, 2011]. В частности, согласно теории М. И. Черемисиной, различаются четыре основных пути (и результата) развития языков на исторической сцене: скрещивание, ассимиляция, языковые союзы и культурное взаимодействие. Исследуемый говор, по всей видимости, явился результатом полной ассимиляции небольшой обособленной группы самодийцев после прихода на эту территорию тюрков.

Ассимиляционные процессы затрагивают, прежде всего, лексику и фонетику языка. На первых этапах новый язык усваивается в своей базовой лексике, затем этот круг расширяется, и постепенно народ переходит на новую лексическую и фонетическую систему. При этом от старого лексикона может и остаться некоторое количество слов, однако и они меняются в своём произношении. Так, по предварительным данным в койбальском говоре до сих пор фиксируется около 50 слов, не совпадающих с вариантами хакасского литературного языка. В частности, к числу слов, предположительно – исконно койбальских, относятся: **ай** ‘полевой лук’, **алда** ‘соболь’, **ка** ‘лось’,

кичек ‘кукла’, **мацных** ‘вышитый карман’, **марго** ‘крупный (о новорожденном теленке, ягненке)’, **орбан** ‘колебательное движение, колебание’ [ХРС, 2006, с. 38–311]. Безусловно, вопрос о специфической лексике койбальского говора нуждается в дополнительных изысканиях (а данный список – в уточнении и расширении).

Библиографический список

1. Тенишев Э. Р. К понятию «общетюркское состояние» // Советская тюркология. 1971. № 2. С. 13–16.
2. Убрятова Е. И. Взаимодействие языков на материале взаимоотношений якутского и эвенкийского языков [1956] // Избранные труды: Исследования по тюркским языкам / Институт филологии СО РАН. Новосибирск, 2011. С. 21–28.
3. ХРС – Хакасско-русский словарь (около 22 тыс. слов) / Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
4. Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2002. 254 с.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-012-00258 «Миноритарные этносы Южной Сибири: семиотико-когнитивное, лингвистическое и социолингвистическое измерение».

© Каксин А. Д., 2020

УДК 81'27

А. В. Колмогорова, М. К. Мжельских

МЕСТО КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМЫХ СМЫСЛОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ТУВИНЦЕВ-БИЛИНГВОВ

Статья посвящена определению места культурно-значимых смыслов в языковом сознании билингов, характеристике психолингвистических параметров единиц, передающих данные смыслы. Главным образом речь пойдет о тувинцах – коренном народе Сибири, проживающем в основном в Республике Тыва. Помимо родного языка, большинство тувинцев используют русский язык в своей повседневной жизни.

Ключевые слова: билингвизм, тувинцы, языковое сознание, психолингвистические параметры слова, культурно-значимые смыслы, эксперимент.

Влияние психолингвистических параметров слова на когнитивные процессы, происходящие в мозге человека, уже долгое время находится в фокусе внимания исследователей [6, с. 435].

В статье [4, с. 330] со ссылкой на труд австралийского ученого Макса Колтхарта (Max Coltheart) [5], автора базы данных (The MRC database), в которой 150837 слов описаны по 26 лингвистическим и психолингвистическим признакам, встречается определение психолингвистического параметра слова. Данное определение получило перевод на русский язык в работе А. В. Колмогоровой [2, с. 83]: «характеристики [слова], которые устанавливаются путем измерений, проводимых в ходе когнитивных экспериментов (субъективных рейтингов, экспериментальных заданий) с

носителями языка, которым слово предъявляется в устной или письменной форме».

Г. Х. Петцольд и Л. Спейша (G. H. Paetzold, L. Specia) пишут, что к числу таких параметров, например, относятся: возраст усвоения (Age of Acquisition) – возраст, в котором человек, предположительно, узнал слово; знакомство со словом (Familiarity) – частота, с которой человек видел, слышал или употреблял слово ежедневно; конкретность (Concreteness) – степень соотношения объекта со словом, которое его обозначает; представимость (Imagery) – интенсивность, с которой слово вызывает образ, который оно обозначает [Paetzold, Specia, 2016, с. 436].

В отечественной науке психолингвистические параметры слов представлены в базе данных «Библиотека стимулов», разработанной Ю. С. Акининой на основе опроса, проведенного среди неврологически здоровых носителей русского языка [1]. В данной библиотеке представлено 1071 слово. Каждое охарактеризовано по десяти нормативным параметрам: устойчивость номинации, знакомство с концептом, субъективная и объективная сложность, возраст усвоения, представимость, сходство образа с рисунком, частотность, длина в слогах, длина в фонемах.

В рамках проводимого исследования по выявлению отличий в психолингвистических параметрах слов русского языка в языковом сознании тувинцев-билингвов, мы обратили внимание на выявление места культурно-значимых для тувинцев смыслов в их языковом сознании.

Для этого мы разработали анкету, в которую вошли 59 наиболее культурно-значимых для тувинцев стимулов (51 из работы Ч. С. Цыбеновой [3], извлеченные методом сплошной выборки), а также 8 слов русского языка, имеющих определенную культурную значимость для тувинцев.

В число данных лексем вошли: *папа, мама, брат, сестра, бабушка, огонь, время, лама, свобода, перевал, лиственница, монгол, работа, милосердие, семья, як, шаман, луна, черемуха, мясо, хурээ, очаг, родина, небо, уважение, черный, отара, хоомей, три, русский, тувинец, конь, белый, желтый, аржаан, тайга, чалама, буддизм, жизнь, девять, красный, религия, восток, оваа, пять, артыш, охота, зеленый, юрта, голубой, хуреш, род, кадак, горы, семь, юг, обряд, запад, табун.*

Каждое слово-стимул сопровождалось четырьмя вопросами, которые касались следующих параметров: возраст усвоения, представимость объекта, сходство образа с рисунком, субъективная сложность рисунка. «Возраст усвоения» обозначает возраст, в котором респондент, по его мнению, выучил данное слово. Параметр «представимость» передает то, насколько легко представить объект, обозначенный данной лексемой. «Сходство образа с рисунком» – означает, насколько рисунок соответствует тому представлению об объекте, которое возникает в сознании ин-

форманта после прочтения слова. Параметр «субъективная сложность» обозначает то, насколько сложен рисунок по количеству деталей.

Ответы на данные вопросы оценивались по пятибалльной, а также субъективной (параметр «возраст усвоения») шкалам.

В эксперименте приняли участие 37 информантов – тувинцев-билингвов, в возрасте 18–48 лет, проживающих на территории Республики Тыва, а именно в г. Кызыл. Респонденты имели различный уровень образования – от основного общего до высшего. Родным языком информантов был тувинский, а русский они начали изучать в детстве. При этом большинство респондентов дома используют тувинский язык, тогда как русский язык является языком профессиональной коммуникации. Большинство респондентов отметили, что не испытывают трудностей при общении на втором языке (русском).

После проведения опроса мы проанализировали параметры каждого слова.

Согласно шкале параметра «Возраст усвоения», большинство культурно-значимых смыслов усваивается информантами довольно поздно. Однако можно выделить группы слов, которые усваиваются рано (1–4 года) – цифры, цвета, а также термины родства. Заметим, что в более осознанном возрасте (7 лет и позже) респонденты-тувинцы усваивают слова, непосредственно связанные с их культурой и религией, например, *буддизм, шаман, оваа, хуреш, отара* и *обряд*.

Что касается параметра представимости, наиболее легко тувинцы могут представить образы, обозначающие конкретные объекты окружающего мира (небо, артыш, луна, мясо, кадак, горы), термины родства (мама), цифры (три, пять, семь) и цвета (зеленый, желтый). Средними по сложности оказались абстрактные понятия: *чалама, буддизм, жизнь, религия, восток, оваа*. Полученные данные демонстрируют, что в общем у тувинцев не возникает особых трудностей с представлением образа, обозначенного словом, передающим культурно-значимый смысл.

При сопоставлении возникшего в сознании образа с предоставленным рисунком наибольшее сходство, согласно ответам респондентов, возникает между рисунками и такими словами-стимулами, как *белый, религия, восток, оваа, время, лама, мясо, уважение*. Наименьшее сходство тувинцы увидели между рисунками и словами: *аржаан, зеленый, лиственница, як, хурээ, черный, юрта, голубой, табун*.

Данные по шкале последнего параметра показали, что самыми простыми оказались те рисунки, что предъявлялись к словам *белый, девять, пять, зеленый, луна, желтый, черный, три, голубой, семь*. Самыми сложными же оказались изображения, сопровождающие такие слова, как *хурээ, уважение, кадак, юг, табун*.

Библиографический список

1. Акинина Ю. С., Грабовская М. А., Вечкаева А. [и др.]. Библиотека психолингвистических стимулов: новые данные для русского и татарского языков // Седьмая Международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. М.: Институт психологии РАН. 2016. С. 93–95.
2. Колмогорова А. В. Объективные и субъективные параметры слова в норме и успешность его продуцирования в речи пациентов-афатиков // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnye-i-subektivnye-parametry-slova-v-norme-i-uspeshnost-ego-produtsirovaniya-v-rechi-patsientov-afatikov> (дата обращения: 03.02.2020).
3. Цыбенова Ч. С. Ассоциативный эксперимент в контексте исследования языковой ситуации: на примере Республики Тыва // Вопросы психолингвистики. 2013. Вып. 17. С. 180–193.
4. Ehara Y. Language-Independent Prediction of Psycholinguistic Properties of Words // Proceedings of the the 8th International Joint Conference on Natural Language Processing (Volume 2: Short Papers). Taipei, Taiwan. 2017. P. 330–336.
5. Coltheart M. The MRC psycholinguistic database // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1981. 33(4). P. 497–505.
6. Paetzold G. H., Specia L. Inferring Psycholinguistic Properties of Words // Proceedings of the 2016 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. San Diego, California. 2016. P. 435–440. DOI: 10.18653/v1/N16-1050.

© Колмогорова А. В., Мжельских М. К., 2020

УДК 81'27

М. В. Куцаева

ЯЗЫКОВАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАРИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

В статье представлены предварительные результаты социолингвистического исследования, проведённого автором в марийской диаспоре Московского региона. Одним из аспектов было изучение языковой лояльности респондентов. Языковая лояльность исследовалась по ряду параметров: набор языков, которым владеет респондент; язык, который респондент считает родным; престиж и статус марийского и других языков по оценке респондентов.

Ключевые слова: внутренняя диаспора, языковая лояльность, марийский язык, этнический язык, родной язык, владение языком.

Марийцы – автохтонное финно-угорское население Среднего Поволжья [12, с. 229].

В Российской Федерации, согласно данным переписи 2010 года, насчитывается 547 605 марийцев, из них 290 863 человек проживают в Республике Марий Эл и составляют 41,8 % от населения республики. Остальные марийцы (46,9 % от всего марийского населения РФ) проживают как компактно (в Башкортостане, Татарстане, Удмуртии, Кировской, Свердловской, Нижегородской областях, Пермском крае), так и дисперс-

но во многих регионах страны, в том числе и в Московском [5]. Таким образом, марийцы отличаются сильной диаспоризацией¹ и занимают второе место среди всех финно-угорских народов РФ (после мордвы) по количеству проживающих за пределами своей исторической родины [11, с. 746].

Проживание вдали от малой родины, в условиях диаспоры, безусловно, влияет на языковую лояльность респондентов, на престиж и статус этнического языка. Языковая лояльность представляет собой «совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, которая определяет степень их приверженности к данному языку» [13, с. 261], и является способностью носителей языка противостоять давлению со стороны более мощных языков и сохранять использование своего языка [14, с. 294]. Известно, что языки приходят в упадок при отсутствии положительных установок [15, с. 81].

Цель настоящего исследования – выявление и описание функционирования марийского языка в условиях диаспоры. Одним из аспектов работы является изучение языковой лояльности респондентов.

Методы

В данном исследовании языковая лояльность изучалась по ряду параметров: язык, который респондент считает родным (табл. 2); набор языков, которым владеет респондент (табл. 3); престиж и статус марийского и других языков по оценке респондентов (табл. 4).

Материалом исследования послужили анкетные данные, полученные в результате опроса представителей марийской диаспоры, проживающих на территории Москвы и Московской области². На данный момент выборка составила 50 респондентов, в большинстве своем они являются уроженцами Республики Марий Эл (РМЭ) и мест компактного проживания марийского этноса (табл. 1).

Таблица 1

Место рождения респондента	Число представителей в выборке	Процент от общего числа респондентов
РМЭ – один из районов распространения лугового марийского языка	26	52 %
РМЭ – Горномарийский район	8	16 %
Башкортостан	6	12 %
Свердловская область	3	6 %

¹ Диаспора – совокупность лиц определенной этнической принадлежности, проживающих за пределами основного традиционного места расселения этого народа, объединенных общим этническим самосознанием и, как правило, сохраняющих свой этнический язык в качестве одного из средств общения [13, с. 57]

² По данным переписи 2010 года, численность марийцев в Москве и Московской области составила 4 655 человек [5].

Кировская область	4	8 %
Татарстан	2	4 %
Районы дисперсного проживания марийского этноса	1	2 %

В ходе обследования использовался комплекс следующих методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных.

Результаты и обсуждение

Языковая лояльность проявляется, в частности, в признании родным своего этнического языка [13, с. 261]. Существует ряд значений понятия «родной язык»: «материнский язык» [4, с. 74], «функционально первый язык» [3, с. 17], [1, с. 36], «этнический язык» [13, с. 187] (подробнее о формировании понятия «родной язык» см. [2], [16]).

В выборке были получены следующие ответы на вопрос о том, какой язык респондент считает родным (табл. 2).

Таблица 2

Родной язык	Число респондентов в выборке, признавших язык родным	Процент от общего числа респондентов в выборке
Марийский	38	76 %
Русский	6	12 %
Марийский и русский	6	12 %

Большинство респондентов в выборке (76 %) признало родным марийский язык. Стоит отметить, однако, что 18 % респондентов в данной категории сделали это с оговоркой. Например: *«Ну вообще марийский. Но если говорить о том, на каком языке я думаю, то все-таки это русский. А в переписи будет однозначно марийский, потому все-таки я считаю, что я прямо коренная марийка, да и по лицу сразу видно, что я коренная марийка!»* (Д. Я., 28). Кроме того, 10 % указали, что для них родным является «горномарийский язык» (уроженцы Горномарийского района РМЭ)¹.

Равнозначное число респондентов (по 12 % соответственно) считают родным «русский язык» или «русский и марийский языки»: *«Это сложный вопрос. Ну... мой родной язык – это русский и марийский»* (Д. Ш., 30).

Кроме того, респондентам в выборке был задан вопрос о том, какими языками они владеют. Полученные ответы представлены в таблице 3.

¹ Согласно статье 1 гл. 1 Закона Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл» (от 21 октября 1995 года) государственными языками Республики Марий Эл установлены марийский (горный, луговой) и русский языки [7].

Таблица 3

Набор языков, которым владеет респондент	Число респондентов в выборке	Процент от общего числа респондентов
Русский, марийский, иностранный язык	22	44 %
Русский и марийский	17	34 %
Русский, марийский и язык народов РФ	3	6 %
Русский и иностранный язык	3	6 %
Русский	2	4 %
Русский, горномарийский, луговомарийский	2	4 %
Русский, марийский, иностранный, язык народов РФ	1	2 %

Большинство респондентов указали на владение марийским языком в том числе (90% в выборке). Однако степень владения марийским языком у респондентов разная: «*Марийский. Второй у меня русский. И татарский немножко понимаю*» (В. Ш., 69), «*Ну, русским, естественно. Марийским – на уровне бытовом могу объясняться. Английский со словарем*» (А. Б., 47).

Среди респондентов, которые владеют этническим языком, были и те, кто указал на владение двумя литературными нормами марийского языка – луговомарийским и горномарийским (4 % в выборке)¹.

10 % респондентов в выборке не владеют этническим языком. С одной стороны, это некоторые представители городской среды РМЭ, с другой стороны, уроженцы мест компактного проживания марийского этноса: «*Русским только, потому что я училась в русской школе, у нас марийского языка не было. А те, кто из деревень, у них там был самый первый язык, который они изучали, – марийский. Они проходили и про существительные, и про прилагательные марийские. А я нет. Для меня все это – ново и неизвестно. Ну, а родной язык, я считаю, как бы в душе – марийский*» (С. Б., 53).

Наконец, в ходе исследования респондентам был задан вопрос о том, какие языки, по их мнению, необходимы или понадобятся в будущем им или их детям (результаты представлены в таблице 4).

Таблица 4

Набор языков	Число указавших респондентов	Процент от общего числа респондентов в выборке
Русский и английский	15	30 %
Русский и марийский	13	26 %

¹ Подробнее см. [6; 8; 9; 10].

Русский, марийский и китайский	12	24 %
Русский, английский и китайский	6	12 %
Русский, марийский, английский, язык народов РФ	2	4 %
Русский, марийский, английский и китайский	2	4 %

Более половины респондентов в выборке (58 %) упомянули в этом наборе языков марийский, наряду с русским («*Ну, конечно, это русский – обязательно*» (И. Е., 53), английским («*Английский моим внукам важен очень*» (Г. И., 61) и китайским («*Английский, китайский, русский. Ну и конечно, незаменим тот язык, на котором с детства разговариваем. Как минимум – четыре*» (А. П., 29).

В чем же, по словам респондентов, заключается «незаменимость» марийского языка? Это прежде всего «язык родителей», «язык бабушки и дедушки», «наши корни».

Респонденты подчеркнули важность марийского не только лично для себя, но и для своих детей: «*Русский, понятное дело, будет основным. А в целях истории для ребенка, естественно, я приложу такие усилия, чтобы в голове были какие-то знания, чтобы ребенок понимал, что папа, например, не отсюда, а откуда-то еще. Чтобы была заинтересованность, что я не просто, а вот – такой уникальный*» (М. С., 31). «*Я не принципиальный националист, как это еще говорят. Родные языки – это правильно ... знать там или не знать. Но нужно уважать! А пользоваться тем языком, который пользуется спросом, так что ли выразиться*» (А. М., 44). «*Сейчас дети владеют русским. Для жизни, конечно, им нужно бы знать родной марийский. Потому что если взять наш мозг, то это биокомпьютер, программы составлялись там на марийском языке, и программы записаны там, созданы на марийском языке. И если человек хочет себя перепрограммировать, то это нужно делать на марийском языке*» (Э. М., 47).

Открытым, однако, остается вопрос относительно степени владения марийским языком детьми тех респондентов в выборке, которые указали на значимость марийского языка: «*А так, лично мое мнение, знать свой исключительно родной язык, от каких родителей по происхождению. Марийский. Почему бы марийскую речь не понимать, даже если и не говорить!*» (В. П., 60).

Оставшиеся 42 % респондентов в выборке считают, что марийский не понадобится им или их детям в будущем: «*Потому что я считаю, что он им не нужен. Для чего голову забивать ребенку этим непонятным языком, который ему вообще в жизни не пригодится? Мой муж счита-*

ет, что он будет изучать с ними, ну посмотрим!» (О. М., 27). *«Те, кто в Москве, им английский очень необходим. Ну и другие языки тоже не помешают никогда. А марийский язык в Москве особо не нужен, потому что здесь жизнь такая, что все быстро, все – это деловое общение, поэтому, конечно же, международные языки. Ну и русский, безусловно»* (И. С., 31).

Выводы

Таким образом, по предварительным результатам социолингвистического обследования, в марийской диаспоре Московского региона выявлен достаточно высокий уровень языковой лояльности среди респондентов в выборке. 76 % опрошенных признали родным марийский язык, 12 % – марийский наряду с русским. Большинство респондентов указали на владение марийским языком в том числе (90 % в выборке), однако степень владения языком у респондентов не верифицировалась, поскольку это не входило в задачи исследования. Однако лишь 58 % опрошенных считают, что марийский понадобится в будущем им или их детям. При этом респонденты, указавшие на важность марийского языка для последующих поколений, как правило, отмечали необходимость скорее «уважать марийский язык» и «понимать его, даже если и не говорить».

Библиографический список

1. Агаев А. Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М.: Изд-во Наука, 1968. С. 124–138
2. Беликов В. И. Надежность советских этнодемографических данных // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект, сборник статей / сост.: А. И. Кузнецова, О. В. Раевская, С. С. Скорвид. М., 1997. С. 12–43.
3. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 337 с.
4. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. М.: Гуманитарная академия, 2004. 388 с.
5. Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom9.htm (дата обращения: 20.03.2020).
6. Грачева Ф. Т. Марийский горный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х томах. Т. II. М.: Наука, 2001. С. 266–274.
7. Закон Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл» // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 2 / Автор-составитель С. М. Червоная, под ред. М. Н. Губогло. М., 1996. С. 184–195
8. Коведяева Е. В., Николаева И. А. Марийский луговосточный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х томах. Т. II. М.: Наука, 2001. С. 274–283.
9. Коведяева Е. И. Горномарийский вариант литературного марийского языка // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 164–173.
10. Кондрашкина Е. А. Марийские языки // Большая Российская энциклопедия. Т. 19. Москва, ОАО «Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2012. С. 125–126.
11. Кондрашкина Е. А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 746–752.
12. Петров В. Н. Марийцы // Народы России: энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 229–231.

13. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
14. Сулейменова Э. Д., Смагулова Ж. С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане / под общ. ред. Э. Д. Сулейменовой. Алматы: Казак университет, 2005. 344 с.
15. Crystal David. Language death, – Repr. Cambridge: Canbridge univ. press, 2000. X, 198 с.
16. Moskvitcheva, S. Prototypical Notions of Minority Languages in the Soviet Union and Russia: «Native Language» (rodnoj âzyk) and «National Language» (nacional'nij âzyk) // Moskvitcheva, S. & Viaut A. (eds.). Minority Languages from Western Europe and Russia. Comparative Approaches and Categorical Configurations. Cham: Springer (Serie Language Policy), 2019. С. 49–69.

© Куцаева М. В., 2020

УДК 811.512.153

А. С. Кызласов

О ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИТОГАХ ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ХакНИИЯЛИ В 2019 ГОДУ

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме – описанию современного состояния качинского и кызыльского диалектов хакасского языка. Сделан анализ условий проживания носителей этих диалектов. Выявлены причины того, что искомые диалекты находятся под угрозой исчезновения. На основе анкетирования выявлено отношение самих носителей диалектов к перспективам их сохранения. В заключительной части статьи анализируются причины сужения языковой функциональности, а также устанавливается, на какой ступени процесса исчезновения находятся качинский и кызыльский диалекты хакасского языка.

Ключевые слова: языковая ситуация, диалекты, функционирование языка, лексические особенности, хакасский язык.

Летом 2019 года состоялась диалектологическая экспедиция сотрудников сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в Ширинский и Орджоникидзевский районы Хакасии, где компактно проживают качинцы и кызыльцы. В ходе экспедиции решались следующие задачи: фиксация языковых материалов и проведение анкетирования по выяснению языковой ситуации в местах компактного проживания носителей вышеуказанных диалектов.

Социолингвистическое анкетирование по выявлению языковой ситуации проводилось в основном путем опроса, фиксация языковых материалов – путем записи разговорной речи на электронные носители в непринужденной беседе, при связном рассказе о каких-либо событиях, при рассказывании биографии, а также произведений устного народного творчества.

Во время экспедиции были опрошены информанты – носители кызыльского диалекта, в 14-ти селах Ширинского и Орджоникидзевского районов Республики Хакасия. Проведено социолингвистическое анкетирование. Собраны ценные материалы в виде устных текстов на качин-

ском и кызыльском диалектах, повествующих об исторических событиях дореволюционного и послереволюционного периода: рассказы о шаманах, хайджи, переселенцах, событиях гражданской войны в Хакасии, раскулачивании, ссылках, репрессиях, Великой Отечественной войне и др. Записаны фольклорные произведения: песни, тахпахи, легенды, былички.

Исследование проводилось в населенных пунктах, в которых проживает коренное население: в аале Малый Кобежиков, д. Трошкино, д. Топаново, д. Марчелгаш, д. Малый Спириин, с. Целинное, с. Фыркал, д. Кагаево, с. Устинкино, с. Черное Озеро, д. Белый Балахчин, с. Новомарьясово, д. Горюново, д. Конгарово. Почти все носители диалектов отмечают необходимость знания и изучения родного языка как основы сохранения традиционного культурного наследия хакасов.

В ходе проведенной экспедиции научными сотрудниками сектора языка Хакасского НИИЯЛИ было опрошено более 60 информантов, владеющих качинским и кызыльским диалектами хакасского языка, в возрасте от 32 до 90 лет. Самые пожилые информанты зафиксированы в с. Новомарьясово Орджоникидзевского района (Ботина Мария Андреевна, 1929 г. р.), в с. Черное озеро Ширинского района (Янгулова Пелагея Андреевна, 1928 г. р., Кагаева Мария Романовна, 1935 г. р.), в аале Малый Кобежиков (Хызыл аал) Ширинского района (Чустеев Иван Георгиевич, 1939 г. р.), в аале Трошкин Ширинского района (Трошкина Галина Федоровна, 1932 г. р., Трошкин Юрий Игнатьевич, 1938 г. р.), в аале Малый Спириин (Арыштаева Вера Иосифовна, 1935 г. р.), в аале Топанов Ширинского района (Кичеева Варвара Михайловна, 1931 г. р., Кокова Любовь Яковлевна, 1935 г. р.), в д. Кагаево Орджоникидзевского района (Тайдонова Мария Степановна, 1932 г. р.), в с. Устинкино (Ачисова Кристина Григорьевна, 1934 г. р.).

От них записана разговорная речь на качинском и кызыльском диалектах хакасского языка: рассказы о быте семьи, воспоминания о родственниках, об истории рода и т. д. В Орджоникидзевском районе было записано много рассказов о хайджи – сказителях хакасских героических эпосов. В настоящее время в исследуемых районах не осталось живых носителей этого жанра хакасского фольклора. Экспедиция 2019 г. в северные районы Хакасии показала, что на сегодняшний день здесь проживают люди, бывшие очевидцами исполнения *алыптыг нымахов*. В Ширинском районе нам удалось записать несколько охотничьих историй и сказок, а также некоторые рецепты от простудных заболеваний от жителя аала Малый Кобежиков (Хызыл аал) Чустеева Александра Тимофеевича, 1948 г. р., бывалого охотника и таежника. Он также рассказал интересные сведения о ранних отношениях между качинцами и кызыльцами, называя представителей кызыльского диалекта термином *эмооллар*. В этом же аале мы зафиксировали рассказы о жизни деревенских жителей в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Как

сообщалось выше, собранный языковой материал в настоящее время обрабатывается при помощи различных лингвистических методов.

Сфера функционирования качинского диалекта в настоящее время значительно сузилась. Уже очевидно, что с уходом старшего поколения на качинском диалекте будет некому говорить, так как дети и внуки стариков уже не общаются на своем диалекте. В школах населенных пунктов, где проживают в основном хакасы, хакасский язык еще преподают. В общении с носителями диалекта создается ощущение того, что он может сохраниться только в отдельных семьях, где родители озабочены тем, чтобы дети знали родной язык.

В остальных семьях, с представителями которых мы общались, дети в основном еще знают свой диалект и разговаривают, но внуки уже не знают родной язык. Поэтому перспектива сохранения качинского диалекта на бытовом уровне проблематична [1, с. 336].

Таковы предварительные итоги экспедиционных полевых исследований по качинскому диалекту хакасского языка.

Функционирование кызыльского диалекта в настоящее время также сужается. Нам довелось побывать в школе с. Белый Балахчин, где еще учат хакасскому языку. В остальных населенных пунктах, где мы побывали, хакасский язык дети не изучают. Такое положение вещей создает ощущение того, что никаких шансов для сохранения кызыльского диалекта не остается.

В селе Черное Озеро возраст носителей кызыльского диалекта составляет в среднем 70–80 лет, в остальных населенных пунктах возраст информаторов ниже – 50–60 лет. Представители этих поколений в большинстве своем говорят на родном языке (с незначительным вкраплением заимствованных из русского языка слов и выражений). Но и они вследствие того, что повседневное общение с окружающими осуществляется на русском языке, постепенно утрачивают оригинальный лексикон. Иногда с трудом вспоминают название какого-нибудь зверька или растения. С течением времени эти кызыльские названия могут быть утрачены.

В ходе проведения экспедиционных работ выявилось устойчивое противоречие между тем, что люди говорят в отношении своего этнического диалекта, и реальной практикой использования этого диалекта. Большинство носителей кызыльского и качинского диалектов сегодня позитивно относятся к своему этническому диалекту, родители выражают желание, чтобы их дети говорили на языке предков. В то же время языком, на котором родители говорят сегодня со своими детьми даже в моноэтнических семьях, за редким исключением, оказывается русский. Если знание этнического языка рассматривается как желательное, знание русского языка считается обязательным. И именно это знание родители стараются дать своим детям, чтобы облегчить им учебу в школе [2].

Данные опроса 2008–2009 годов (18 лет и старше) дали такие результаты. Среди кызыльцев старше 7 лет не изучали язык в школе 76,1 %,

только в начальных классах – 13,6 %, до 9 класса – 7,9 %, до 11 класса – 2,4 % [3, с. 75].

Представим сравнительные данные со сведениями, полученными сотрудниками сектора языка ХакНИИЯЛИ в 2013 г. Тогда уровень владения родным языком выразился в следующих цифрах: 83,3 % респондентов свободно разговаривают на родном языке (представители первой и второй групп); 16,7 % говорят на родном диалекте, но не могут писать и читать.

Таблица 1

Сводные данные ответов носителей кызыльского диалекта об уровне владения родным языком за 2013 и 2019 гг.

Знаете ли Вы хакасский язык?	2013 %	2019 %
Свободно говорю, пишу и читаю	83,3	40,0
Говорю, но не могу писать, читать	16,7	25,0
Понимаю разговорную речь, но не говорю	0	25,0
Не говорю и не понимаю	0	10,0

В 2013 г. на вопрос: «Знают ли ваши дети хакасский язык?», – респонденты ответили следующим образом: свободно говорят, пишут и читают – 8,3 % детей; говорят, но не могут писать и читать – 25,0 %; понимают разговорную речь, но не говорят – 41,7 %; не говорят и не понимают – 8,3 % детей [4, с. 369].

Таблица 2

Сводные данные ответов детей об уровне владения родным языком за 2013 и 2019 гг.

Знают ли Ваши дети хакасский язык?	2013 г.	2019 г. %
Свободно говорят, пишут и читают	8,3	10,0
Говорят, но не могут писать, читать	25,0	15,0
Понимают разговорную речь, но не говорят	41,7	40,0
Не говорят и не понимают	8,3	35,0

По данным 2013 г. большинство из опрошенных (41,7 %) при общении дома используют хакасский язык; 33,3 % используют оба языка. Оставшаяся группа (25 %) – те, кто дома разговаривают только на русском языке. На вопрос: «На каком языке вы говорите в кругу своих родных, друзей, соседей?», – респонденты ответили таким образом: только на хакасском языке – 8,3 %, на хакасском и русском языках – 50,0 %, только на русском языке – 41,7 %. В семьях, где один из родителей хакас, а другой – русский, хакасский язык также не используется. На вопрос: «На каком языке вы говорите на работе с коллегами?», – респонденты ответили таким образом: на хакасском и русском языках – 16,7 %, только на русском языке – 41,7 %. В общественных местах 16,7 % кызыльцев говорят на русском и хакасском языках, только на русском языке общаются 83,3 % опрошенных [5, с. 332].

Как показывают процентные данные, в местах проживания кызыльцев значительно снизилось функционирование родного языка как в быту, так и в общественных местах.

Таким образом, научная экспедиция сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, проведенная в 2019 г. в Ширинском и Орджоникидзевском районах, выявила критическое положение кызыльского и качинского диалектов хакасского языка. Исследование показало: уровень владения хакасским языком у носителей качинского диалекта, по сравнению с данными 2013 года, в среднем понизился на 30 %, у носителей кызыльского диалекта – на 40 %. На вопрос: «Почему Вы не общаетесь на хакасском языке?», – мы получали ответ: «Не с кем». В молодых семьях хакасский язык практически не используется как язык общения. За весь период экспедиции во всех населенных пунктах Ширинского и Орджоникидзевского районов нам удалось выявить только семь молодых семей, где разговаривают на хакасском языке.

В целом, в настоящий момент пожилые кызыльцы и качинцы говорят на родном диалекте, люди среднего возраста используют свой родной язык при общении все меньше, дети школьного возраста в основном говорят на русском языке. На шкале из 5-ти граф – по мере роста опасности исчезновения – кызыльский и качинский диалекты хакасского языка находятся на третьей позиции: пожилые говорят на своем наречии, молодые забывают родной язык, но постепенно [6, с. 118–119].

Собранные исследователями материалы могут быть использованы для написания очерков о диалектизмах в хакасском литературном языке и для определения региональной языковой политики на современном этапе.

Библиографический список

1. Кызласов А. С., Каскаракова З. Е., Белоглазов П. Е. О современном состоянии качинского диалекта хакасского языка // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 335–337.
2. Казакевич О. А. Функционирование языков коренных малочисленных народов на территории Ямало-Ненецкого АО, Туруханского р-на Красноярского края и Эвенкийского АО. URL: www.lingsib.iea.ras.ru (дата обращения: 02.03.2020).
3. Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. 252 с.
4. Кызласов А. С., Каскаракова З. Е. О языковой ситуации в кызыльском диалекте хакасского языка // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6. С. 369–370.
5. Кызласов А. С., Каскаракова З. Е., Белоглазов П. Е. О современном состоянии кызыльского диалекта хакасского языка // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 5 (60). С. 329–333.
6. Каксин А. Д. Хакасы: культурные традиции и их трансформация (конец XX – начало XXI вв.). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. 152 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «СЕМЬЯ» В ТУВИНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье представлены результаты психолингвистического эксперимента на примере ассоциативного поля 'өг-бүлө' и 'family' «семья» в тувинском и американском языковом сознании. Выявлено преобладание положительных оценок образа семьи в обоих ассоциативных полях (АП) – 57,4 % в АП өг-бүлө и 52,8 % в АП family. В американском АП более выраженной оказалась доля негативных реакций респондентов, характеризующих восприятие семьи представителями данной лингвокультуры.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативное поле, ассоциативный эксперимент, аксиология, образ семьи, тувинский язык.

Одним из эффективных способов исследования языкового сознания и его этнокультурной специфики признается ассоциативный эксперимент, поскольку он не только позволяет изучить «различные связи между словами и механизмами вербальной памяти», но и «является инструментом овнешнения образов сознания носителей разных языков» [2, с. 104].

В качестве основных слов-стимулов для выявления особенностей ассоциативного образа семьи в двух лингвокультурах были выбраны: өг-бүлө, а также английский эквивалент *family* «семья».

Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) был проведен в 2016–2019 гг. в Тувинском государственном университете (г. Кызыл, Республика Тыва). Для анализа американского ассоциативного поля (АП) *family* используются данные САЭ, проведённого К. А. Покояковой в 2009–2013 гг. с участием 250 американских респондентов («АР») [1].

Все полученные на каждый стимул реакции ранжировались по степени частотности и позволили сконструировать АП каждого стимула, являющееся отражением фрагмента языкового сознания данных этнических групп. Семья является базовой ценностью, что подтверждается устойчивой семантической группой реакций с положительно окрашенным оттенком значения в двух рассматриваемых АП (57,4 % в АП өг-бүлө и 52,8 % в АП *family*): *ынакшыл/love* (любовь) (32, 55), *аас-кежик/happiness* (счастье) (44, 1), *найыралдыг* (дружная) 24, *эргим* (дорогая) 9, *хөглүг* (веселая) 5, *чараш* (красивая) 4, *чылыг* (теплая) 4, *эп-найыралдыг* (дружная) 3, *аас-кежиктиг* (счастливая) 7, *бүзүрелдиг* (верная) 5, *important* (важная) 6, *supportive* (поддерживающая) 2, *loving* (любящая) 4, *close* (близкая) 4; *caring* (заботливая) 3, *happy* (счастливая) 3 и др.

Около 7 % всех реакций в АП *family* занимают реакции с негативной коннотацией: *dysfunctional* (неблагополучная) 3, *annoying* (раздражающая) 2, *unreliable* (ненадежная) 1, *bothersome* (надоедливая) 1, *irritating* (раздражающая) 1 и др.

Таким образом, анализ тувинского и американского АП *семья* выявил преобладание реакций позитивного восприятия образа семьи (57,4 % и 52,8 %, соответственно), которые ассоциируются с универсальными представлениями о любви, счастье, дружбе и т. д. Отрицательные ассоциации в оценке семьи обнаружены только в ответах американских респондентов.

Библиографический список

1. Покаякова К. А. Этнокультурный и гендерный аспекты репрезентации бинарной оппозиции *мужчина/женщина* в языковом сознании носителей хакасского, русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сиб. федер. ун-т. Красноярск, 2017. 43 с.
2. Уфимцева Н. В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. М., 2003. № 1. С. 102–111.

© Лопсан А. П., 2020

УДК 81-23

Т. Н. Сагалакова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Статья посвящена анализу языковой ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе в контексте языкового законодательства и функционирования языков коренных малочисленных народов округа в основных социальных сферах региона. Выявлены проблемы и возможные условия сохранения и развития родных языков коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа.

Ключевые слова: *миноритарные языки, языковая политика, коренные народы Ямало-Ненецкого автономного округа, ненецкий язык, хантыйский язык, селькупский язык.*

В настоящее время глобализация затрагивает все сферы функционирования миноритарных языков. В условиях конкуренции с доминирующими языками необходимость защиты миноритарных языков регламентируется нормами языкового законодательства как части международного права по защите прав этнических меньшинств [3, с. 37].

По мнению исследователей, освоение Севера повлияло на уклад жизни и систему ценностей представителей коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа (далее ЯНАО). Сохране-

ние и возрождение языков и традиций «являются наиболее важными проблемами для развития и в целом выживания коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа» [1].

На территории ЯНАО, кроме государственного языка Российской Федерации (далее РФ), функционируют языки коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС). К ним относятся: ненецкий, хантыйский, селькупский языки [8]. Доля представителей КМНС составляет 7,4 % от всего населения округа, около 56 % владеют родным языком [4].

Основным документом ЯНАО, регулирующим, в том числе, и языковое законодательство региона, является Устав Ямало-Ненецкого автономного округа. В статье 74 п. 3 Устава прописаны положения, которые касаются языковых прав граждан [10].

Организация системы образования на родных языках является одним из ключевых условий сохранения миноритарных языков. В округе действует закон «Об образовании в Ямало-Ненецком автономном округе» от 27 июня 2013 года. В статье 4, посвященной языку (языкам) обучения, говорится о том, что в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС организуется изучение родных языков [9]. В 2018 году доля школьников из числа КМНС составляла около 14 % [7]. В ЯНАО изучение родного языка (ненецкого, хантыйского, селькупского) как предмета организовано для 58 % от общего числа обучающихся коренных народов [6]. Как показывает опыт других субъектов РФ, без наличия качественного и современного учебно-методического обеспечения занятий интерес к изучению языка коренного этноса может быть подорван [2, с. 34]. В ЯНАО работа в данном направлении ведется Департаментом образования. Так, например, создаются учебные пособия на ненецком, хантыйском, селькупском языках и проводится апробация электронных версий учебных пособий нового поколения по изучению родных языков [6].

Региональный закон «О культуре в Ямало-Ненецком автономном округе» от 27 апреля 2011 года распространяется в сфере сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации, проживающих на территории автономного округа. Отдельной статьи, регламентирующей языковые права граждан, там нет [5].

В регионе действует закон «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» от 24 марта 2010 года [8]. В нем прописаны языковые права граждан в средствах массовой информации, говорится об использовании родных языков в наименованиях географических объектов, дорожных и иных указателей. Идет речь и о программах по сохранению, изучению, развитию и использованию родных языков.

Несмотря на благоприятную базу для успешного развития коммуникативных функций миноритарных языков ЯНАО, рекомендательные формулировки в законах носят ограниченный характер.

Следует отметить, что в регионе ежегодно проводятся мероприятия, направленные на сохранение и развитие родных языков: научно-практические конференции, дискуссионные площадки, круглые столы, конкурсы, фестивали и др.

Таким образом, ненецкий, хантыйский и селькупский языки имеют официальный статус языков коренных народов ЯНАО, закрепленный на законодательном уровне. Это позитивный аспект политической и психологической поддержки и признания ценности родных языков коренных народов автономного округа. Хочется добавить, что это также дает возможности для большего внимания к проблемам сохранности родных языков и более активного внедрения инновационных технологий обучения родным языкам с учетом реальных процессов языкового сдвига. К важным перспективам позитивного развития языковой ситуации в регионе относятся также вопросы финансирования со стороны органов власти, благожелательного отношения большинства, а главное – заинтересованности со стороны самих носителей миноритарных языков.

Библиографический список

1. Амиржанова А. Ш., Куратова Т. А. Проблема сохранения национальной культуры малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа // Международный журнал экспериментального образования. 2019. № 4. С. 7–12. URL: <https://exeducation.ru/ru/article/view?id=11885> (дата обращения: 03.04.2020).
2. Боргоякова Т. Г. Субъекты языковой политики и языкового планирования в Республике Хакасия: эффективность взаимодействия // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири / Сибирьде чуртапчатхан чоннарныц культуразын паза тиллерин хайраллири паза тилдері: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 24–25 мая 2018 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2018. 348 с.
3. Боргоякова Т. Г. Развитие билингвизма в Республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. 1. С. 36–39.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 26.03.2020)
5. О культуре в Ямало-Ненецком автономном округе (с изменениями на 23 декабря 2019 года): Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 27 апреля 2011 года № 38-ЗАО. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423845184> (дата обращения: 24.03.2020).
6. О мерах по сохранению языков коренных народов Севера. URL: <https://do.yanao.ru/presscenter/lectures/366/> (дата обращения: 24.03.2020).

7. О реализации народной программы КМНС в системе образования Ямала. URL: <http://www.yamaledu.org/news/18332-o-realizacii-narodnoy-programmy-kmns-v-sisteme-obrazovaniya-yamala.html> (дата обращения: 03.04.2020).
8. О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа: Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 1 января 2001 года № 48-ЗАО. URL: <http://docs.cntd.ru/document/895250007> (дата обращения: 24.03.2020).
9. Об образовании в Ямало-Ненецком автономном округе (с изменениями на 26 февраля 2020 года): Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 27 июня 2013 года № 55-ЗАО. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423906199> (дата обращения: 29.03.2020).
10. Устав (Основной Закон) Ямало-Ненецкого автономного округа: принят Государственной Думой Ямало-Ненецкого автономного округа 28 декабря 1998 года. URL: <https://www.yanao.ru/activity/950/> (дата обращения: 22.03.2020).

© Сагалакова Т. Н., 2020

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

УДК 811.512.153

Р. П. Абдина

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПРОДУКТОВ И БЛЮД ИЗ ЗЕРНА И МУКИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена лексико-семантическому описанию блюд и продуктов из зерна и муки в хакасском языке. Наименования, обозначающие этот пласт лексики, имеют параллели в других тюркских языках, как в лексическом, так и в семантическом обозначении. Большинство терминов образовано морфологическим способом при помощи аффиксов, образующих имена существительные со значением объекта действия. Многие термины приведены с примерами использования из хакасской художественной литературы.

Ключевые слова: лексика, семантика, традиционная кухня, мучные изделия, хакасский язык.

Традиционная пища любого этноса является одним из самых важных и древних компонентов его существования. Как отмечает С. А. Арутюнов, «Пища – это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты» [1, с. 10]. В лексике о питании находят отражение основные формы хозяйствования этноса и проявляются его многовековые традиции. В данной работе мы рассмотрим лексико-семантическое описание продуктов и блюд из зерна и муки в хакасском языке.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, во-первых, пласт лексики, обозначающий продукты питания, является одним из мало освещенных проблем в рамках хакасского и сравнительного тюркского языкознания; во-вторых, бытовая лексика, являясь самым подвижным пластом языка, в силу определенных исторических процессов многими своими элементами архаизируется или полностью выходит из употребления. Выявление и изучение таких слов дает ценный материал для реконструкции семантического развития лексики тюркских языков и других смежных дисциплин.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в хакасском языкознании наименования продуктов и блюд из зерна и муки подвергаются лексико-семантическому описанию в сравнении с другими языками. Некоторые названия традиционных блюд и продуктов пред-

ставлены в работах А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова (1898), К. М. Патачакова (1982), В. Я. Бутанаева (1996) и др. Труды этих ученых в большей степени носят этнографический характер, тогда как специальных лингвистических исследований этой тематической группы лексики в хакасском языке не проводилось.

Целью статьи является лингвистический анализ лексики, обозначающей названия продуктов и блюд из муки и круп в хакасском языке, включающий ее систематизацию и выявление характерных когнитивных и словообразовательных моделей с привлечением материалов из других тюркских и монгольских языков.

Тюркские народы в рационе питания издавна использовали продукты растительного происхождения. Хакасы тоже занимались выращиванием зерновых культур, мололи зерновые злаки для питания, обозначая их соответствующими лексическими единицами. Обобщенное понятие крупы в хакасском языке передается словом *чарба*. Отдельные злаки номинированы синонимами или единичными словами: *арба*, *ас*, *кӧче* «ячмень», *арыс* «рожь», *пугдай* «пшеница», *сула* «овёс».

Конкретное название круп обозначается составными терминами, в составе которых присутствует название злака. Например: *Опан, кӧмес яблах салып, кӧче чарбазынаң тиккен үгрени угаа хынып іскен, чагбан даа полза* [9]. Термин '*чарба*' образован аффиксальным способом при помощи словообразующего аффикса *-ба*, образующего существительные со значением результата, от глагольной основы *чар-* 'колоть, расщеплять'.

Из злаковых культур готовят популярное традиционное блюдо хакасов *талган* – обжаренный и мелко смолотый ячмень (или пшеница), употребляемый с молоком, черемухой, маслом. По семантике и морфологическому составу термин *талган* является производным от глагольной основы *тала-* 'разбиваться, разрушаться', к которой добавляется аффикс *-ган*, перешедший в связи с изменениями в неотделимую часть слова.

Понятие муки в хакасском языке передается словом *ун*. Ср.: крх-уйг., чаг., аз., гаг., турк., кирг., узб., и др. – *ун* 'мука'. Исследователи выводят слово *ун* из глагольной основы *унта-* 'крошить, измельчать'. Ср.: хака. *унат-* 'измельчать, дробить, разбивать, крошить, колоть' [11]. Семантическая общность глаголов *чар-*, *тала-* и *унта-*, связанная с процессом дробления, послужила когнитивной основой для создания на их базе разных слов с помощью приращения аффикса или, наоборот, избавления от него. Полученная смысловая дифференциация актуализируется степенью измельчения исходного материала в получаемом продукте.

Обобщенное обозначение любой закваски или дрожжей представлено в хакасском языке словом *ачытхы* 'закваска, дрожжи'. Это слово в различных фонетических вариантах встречается в других тюркских языках. Ср.: каз., калп. *ашыткы*, уйг. *ечитку* 'закваска, дрожжи'; кабар.-балк. *ачытхы*, *ачытхыч*, тув. *ажыткы* 'закваска (для теста), дрожжи'.

Данное слово в хакасском языке образовано от глагольной основы *ачыг-* ‘ставить киснуть’ при помощи словообразующего аффикса *-хы*, который образует существительные со значением способа изготовления.

Нередко в качестве закваски использовали айран. Закваску айрана называли словом *кӧӧрече/кӧӧречи* – ‘закваска айрана’. Данное слово произошло от глагольной основы *кӧӧре-* ‘бродить, подниматься’ и аф *-чи*, который образует существительные, обозначающие предмет как результат действия.

Основным мучным изделием в хакасской кухне является хлеб *ипек/ипек*. В сагайском диалекте хакасского языка словом *иппек* обозначается ржаной хлеб. Данное слово употребляется во многих тюркских языках: кум. *этмек, экмек*, карач.-балк. *етмек*, алт. *отпок.*, турк. *епмек*, аз. диал. *эптэк, эпбэх*. В древнетюркском словаре также приводится форма *епмек*. По мнению исследователей, данные варианты слов являются производными от глагольной основы *ет-* ‘делать’ и аффикса *-мек/-пек*, образующего существительные со значением объекта действия [8, с 470]. Ср.: хака: *ит-* ‘делать’.

Синонимом к слову *ипек* в хакасском языке иногда выступает слово *халас*. Например: *Халас идер кизи кирек, – теен пабазы, – халас идери улуг чухул* [4]. В качинском диалекте этим словом еще обозначается калач. Данное слово заимствовано из русского языка, подтверждение находим и в этнографической литературе: «...Из хлебной пищи наряду с печеным хлебом широко была распространена выпечка различных лепешек (лепеска), калачей (халас), блинов (плине), оладий (оладий), ватрушек, булочек (пулка) и пирогов, заимствованных их русской народной кухни. Все эти мучные изделия получили в хакасском языке русские наименования, как пулка, халас, плине, пирок и т. д.» [7, с 50]. На сегодняшний день эти слова активно используются в хакасском языке. Слово *калач* имеет аналоги в других тюркских языках: башк. *калас* ‘калач’; чув. *кулач* ‘калач, белый хлеб’; кум. *къалач* ‘сдобный круглый хлеб’. Собственно калач в хакасском языке обозначается составным термином *йттиг халас* ‘калач’ (букв.: дырявый хлеб). Например: *Түүс торсых тура түскен; пызылахтар, йттиг халастар, соох иттер айланмас чирзер парарга тимде чатчатханнар* [4].

Слова *халас* и *ипек* являются компонентами составных терминов и употребляются с уточняющими словами, для определения:

злака изготовления: *арыс ипек* ‘ржаной хлеб’; *пугдай ипек* ‘пшеничный хлеб’. Например: *Хайзы-пирси палыхчылар пазырны хармахха пугдай ипектиң алай ба макарон тилимнерин ілдіріп алабас тутчалар* [2];

цвета (сорта) муки: *ах ипек* – белый хлеб, *хара ипек* – черный хлеб, например: *Иир азыралы. Азыраллары оларның – хара ипеккең чагбан чей* [6];

состояния (свежесть/черствость) хлеба: *хуруг халас* ‘черствый хлеб, сухари’, *наа халас* ‘свежий хлеб’, *ізіг інек* ‘свежеиспеченный (горячий) хлеб’. Например: *Пір чирде тын хабынгабыс, хуруг халастар тайнанып* [3];

по составляющим ингредиентам: *өріңмеліг халас / өремечек халас* – шаньги (букв.: хлеб со сметаной); например: *Сарима капустаа пиллеенораан хыйманы, хаарган итті паза хурундуны, өремечек халастарны салгалаан* [10].

Представим наименования других мучных блюд.

Көдіртпек – булочка. Этот термин является производным от глагольной основы *көдір-* ‘увеличивать что-л, поднимать’ и аффикса *-пек*, образующего существительные со значением результата от глагольной основы.

Көмечек – калач из пресного теста. В различных фонетических вариантах это слово встречается и в современных тюркских языках: башк. *күмэс* ‘пресный хлеб из высокосортовой белой муки’, ккалп. *көмеш*, кирг. *көмэч*, узб. *кумач* ‘лепешка, испеченная в горячей золе’, др. тюрк., *комас* ‘лепешка, выпекаемая в золе’, удм. *комеч* ‘сдобный колобок из овсяной муки’.

Көптірген – коржик, лепёшка, испеченная в золе. Например, *Чис алгайга толдыра чарба, арба сузыбыс, хоох хапчыхха толдыра көптіргестер сугыбыс* [5]. В слове *көптірген* исторически можно выделить аффикс *-ген*, который в настоящее время морфологически не отделен от основы.

Поорсах/порсых, борусак – хлебные изделия в виде пончика, жаренные на жиру, сале, или масле. Ср.: башк. *бауырхак*, ног. *бауырсак*, ккалп. *бауырсак*, казах. *бавырсак*, азерб. *багырсак*, турк. *баырсак*, кирг. *боорсотс*, узб. *бузирсок*, алт. *борсок* уйг. *боғурсак*, тув. *борцук* ‘мучное изделие в виде шариков, жаренных в масле’.

Чалбах – лепешки из дрожжевого теста жаренные на жиру или масле в сковороде. Данное изделие, как и название, широко распространено в тюркских языках: узб. *чалпак* ‘тонко раскатанные, жаренные в масле лепешки’, кирг. *челтек* ‘большая тонкая лепешка, испеченная в жире’, уйг. *чэлпэк* ‘сдобная лепешка, зажаренная в масле’, калм. *цэлвек* ‘круглая лепешка’; башк. *сэлпэк* ‘лепешка, испеченная на масле’, ккалп. *шелтек* ‘тонкая хлебная лепешка’, кум. *чәпелек* ‘лепешка’.

Сатырма – блюдо из муки, замешанной на молоке или воде с добавлением взбитого яйца, мелкими крупинками жарится на масле или сметане. Например, *Онис аны сметен потхызы паза сатырама тимнирине үгрет салган* [4].

Саламат – каша из муки или талгана. Например, *Ол Арокнаң піске чіңең ниме салыбох тирген: айахтарга тогырамчы иттіг үгүре урылган, табактарга хайахтыг саламат салылган* [9].

Таким образом, около десяти наименований мучных блюд могут быть включены в основу традиционной хакасской кухни. Множественность их обозначений представлена 23 терминами, включая разновидности хлеба. Основу наименования блюд и продуктов из круп и муки со-

ставляют однословные лексемы, представляющие 60 % данной тематической группы. В основе мотивации наименований продуктов из муки и круп лежат различные когнитивные модели категоризации. К ведущим относятся следующие признаки: форма, знак для изготовления, цвет (сорт) муки, состояние (свежесть/черствость) хлеба, составляющие ингредиенты, указание на предназначение для определенного процесса.

Условные сокращения:

аз. – азербайджанский язык
алт. – алтайский язык
башк. – башкирский язык
бур. – бурятский язык
гаг. – гагаузский язык
диал. – диалект
др.-тюрк. – древнетюркский язык
кабар.-бал. – кабардино-балкарский язык
каз. – казахский язык
калм. – калмыцкий язык
кирг. – киргизский язык
ккалп. – каракалпакский язык
крх.-уйг. – караханидско-уйгурский язык
кум. – кумыкский язык
монг. – монгольский язык
ног. – ногайский язык
тат. – татарский язык
тоф. – тофаларский язык
тув. – тувинский язык
турк. – туркменский язык
удм. – удмурдский язык
узб. – узбекский язык
уйг. – уйгурский язык
чаг. – чагатайский язык
чув. – чувашский язык
шор. – шорский язык
як. – якутский язык

Библиографический список

1. Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 10–17.
2. Балпыжаков Т. Н. Кем судга чуртапча. Абакан: Хакаское книжное издательство, 1994. 21 с.
3. Бураков Ф. Т. Тигір оды. Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного издательства, 1977. 137 с.
4. Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. В далеком аале: роман на хакасском и русском языках. Абакан: Хакаское книжное издательство, 2010. 492 с.
5. Доможаков Н. Г. Кізілерге кізіденер. Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного издательства, 1960. 96 с.

6. Кобяков В. А. Айдо. Абакан, Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1987. 237 с.
7. Патачаков К. М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1982. 87 с.
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. 800 с.
9. Тиников Н. Е. Тiрiг кiзi ѓлбечен. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1982. 239 с.
10. Туран М. Чуртас чолларынча (Дороги жизни): сборник рассказов. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1984. 152 с
11. Хакасско-русский словарь (Хакас-орыс сѓбтiк) / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

© Абдина Р. П., 2020

УДК 811:81-25

Ф. Э. Абдуллаева, Го Лихун

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ СЛОВ «МУЖ» И «ЖЕНА» КАК ТЕРМИНОВ НЕКРОВНОГО РОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПАРЕМИЙ РУССКОГО, КИТАЙСКОГО И ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКОВ)

Работа представляет фрагмент серии исследований, посвященных анализу пропозиционно-фреймовой структуры концептов «муж» и «жена» трёх языков. Когнитивный потенциал пословиц огромен, в них отражен познавательный опыт человека, то есть знания о стереотипных ситуациях, хранящиеся в сознании в виде фреймов, значения отдельных компонентов которых сводятся в единую, комплексную ситуацию.

Ключевые слова: *фрейм, субфрейм, термины родства, пропозиционно-фреймовый анализ, телеутский язык, китайский язык, паремия.*

Одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики является *фрейм*. Фрейм – когнитивная структура знания об устойчивой, типичной, повторяющейся ситуации, иерархически организованной в виде взаимодействующих друг с другом компонентов – субфреймов и их слотов. *Субфреймами* принято считать уровни во фреймовой структуре, отражающие единые, устойчивые признаки, *слоты* выступают формой репрезентации того или иного когнитивного признака. Применение фреймового анализа позволяет «раскрыть» категориальную организацию знаний и представлений о тематически единой ситуации, структуре, хранящихся в сознании носителей трёх языков.

Цель данного исследования – смоделировать фреймовую структуру бинарной модели «муж – жена» на материале пословиц. Для достижения цели в работе решаются следующие **задачи**: изучить основные понятия когнитивной лингвистики; путём целенаправленной выборки отобрать пословицы, характеризующие мужа и жену в трёх языках; представить

фреймовую структуру данных концептов; выявить универсальные и национально специфичные компоненты в структуре знаний.

Материалом исследования послужили 580 русских, 610 китайских и 140 телеутских пословиц.

Сопоставительный анализ пословичного фонда позволяет сделать следующие **выводы**: 1) выделяются субфреймы «Физиологические характеристики» (слоты 'пол', 'возраст', 'внешность', состоящие из вариативных терминалов), «Морально-нравственные качества» (слоты 'интеллектуальная сфера', 'эмоциональные характеристики', 'поведение', 'нравственные качества') и «Социальный статус\роль» (слоты 'семья', 'дом', 'труд'); 2) субфрейм «морально-нравственные качества» фреймов «муж» и «жена» делится на слоты 'положительные качества' (терминалы 'заботливость', 'стойкость', 'почтительность' у фрейма «муж», 'покорность', 'доброта', 'трудолюбие', 'мудрость' у фрейма «жена») и 'отрицательные качества' (терминалы 'безответственность', 'агрессивность' – «муж», 'болтливость', 'ворчливость', 'порочность' – «жена»); 3) к вариативным терминалам относится 'физическое наказание' (русск. «Чем больше жену бьёшь, тем щи наваристей»; кит. «不喝真时酒, 不骂西时妻\ Не пить с утра (время с 03:00 до 05:00), не ругать вечером (с 17:00 до 19:00) жену»); 4) в трёх языках фрейм «жена» более тесно коррелирует с фреймами «женщина», «мать», «дети\ребенок», «невеста», «невестка», «свекровь»; меньше с фреймами «свёкор», «вдова», «любовница»; 5) в исследуемых языках наибольшее количество пословиц содержат идею, отражающую бинарную модель «муж – жена» как две неотъемлемые составляющие (русск. «Муж без жены – что конь без узды», телеут. «Қайда эри, анда қаты \ Где муж, там и жена», кит. «一个好汉三个帮, 接个婆娘手一双\ Один в поле не воин, рука об руку с женой – уже пара»).

Таким образом, пословицы дают нам представление о мировосприятии, раскрывают особенности языковой картины мира трёх народов.

Библиографический список

1. Араева Л. А. [и др.]. Языковая картина мира телеутов. Кемерово: КемГУ, 2018. 280 с.
2. Даль В. И. 1000 русских пословиц и поговорок. М.: «Рипол-Классик», 2017. 270 с.
3. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40000 образных выражений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.
4. Фанлай Е. Русско-китайский словарь пословиц и поговорок. Пекин: 商务印书馆 2005. 375 с.
5. 吴邦成 中华成语典故通/ 吴邦成主编 – 合肥 黄山书社 2002. 472 页
6. 吴邦成 中华成语典故通/ 吴邦成主编 – 合肥 黄山书社 2003. 944 页
7. 吴邦成 中华成语典故通/ 吴邦成主编 – 合肥 黄山书社 2002. 1407 页

© Абдуллаева Ф. Э., Лихун Го, 2020

О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В ЛЕКСИКЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА И ЦЭНГЭЛЬСКОГО ГОВОРА ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье даются некоторые сведения по лексикону цэнгэльских тувинцев, компактно проживающих в сомоне Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Северо-Западной Монголии, где государственным языком является монгольский. Приведен краткий сравнительный анализ некоторых параллелей в лексике хакасского языка, цэнгэльского говора и тувинского литературного языка.

Ключевые слова: цэнгэльский говор тувинского языка, хакасский язык, лексические параллели, монголизмы, сравнительно-сопоставительное языкознание.

В настоящее время в Монголии проживают около 15 монголо-язычных этнических групп. Помимо их, имеются тюрко-язычные национальные меньшинства и этнические группы – казахи и тувинцы (урянхайцы), которые составляют немногим более 7 % от общего числа жителей Монголии [1, с. 45].

Местами компактного проживания этнических тувинцев являются, прежде всего, сомоны Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака, Буянт Кобдоского аймака и Цагааннуур Хубсугульского аймака. Пока нет точных данных об их численности: сведения об этом, появляющиеся на страницах газет, журналов и в некоторых научных работах, разноречивы.

Государственный язык Монголии – монгольский: граждане пользуются им во всех сферах жизни. Что касается родного языка иноязычных граждан Монголии, например тувинского, то он, прежде всего, служит средством общения в семье. Тувинцы на своем родном языке разговаривают в кругу своей семьи, а также в общении с родственниками и соплеменниками. Родной язык изучается в школе наряду с государственным. Вместе с тем, необходимо отметить достаточно сильное влияние монгольского языка на тувинский язык [2, с. 4].

В настоящее время определен статус речи тувинцев Цэнгэла как говора одного из зарубежных диалектов тувинского языка [3, с. 127].

Нашей основной задачей является сравнительный анализ некоторых лексических параллелей в хакасском языке и в цэнгэльском говоре тувинского языка. Мы попытались также обобщить результаты сравнения, касающиеся доли монголизмов в лексике хакасского, тувинского языков и в цэнгэльском говоре.

Названия возраста человека, родственных связей и пола:

Хак. **час** II. возраст, годы, лета [4, с. 951]. Слово **час** в цэнгэльском говоре означает ‘лета, годы, возраст (человека)’ и соответствует слову *хар* в тувинском литературном языке и диалектах Тувы. В большинстве тюркских языков соответствующее слово имеет то же значение: ср. древ-

нетюркское *jaš* [5, с. 245], казахское *жас* [6, с. 118], узбекское *йош* [7, с. 31] и т. д.

Хак. **кинче** II поздний; *кинче пала* – ‘поздний ребенок’ (ребенок, родившийся от женщины в пожилом возрасте) [4, с. 166]. В тувинском языке: *хенче* ‘рожденный осенью’ (о молодняке мелкого скота) [8, с. 474]. В цэнгэльском говоре данное слово имеет более широкое значение: им обозначают детёнышей всех видов скота, родившихся поздней осенью, а также поздних детей человека. В тувинском языке поздних детей обозначают словом *хеймер* ‘последыш // последний, самый младший’ (о детях) [8, с. 472].

Хак. **абахай** 1) ‘красивый, милостивый; красавица’ 2) *фольк*. ‘жена, супруга’ ~ цг. **авгай** ‘женщина; жена’ ~ тув. **агай** ‘княгиня, жена нойона’; хак. **ага** 1) ‘дед, бабушка’ (по отцу); 2) ‘дядя’ (старший родственник) ~ цг. **ага** ~ тув. **акы** 1) ‘старший брат’; 2) ‘дядя’ (обращение к старшим мужчинам); хак. **иней** ~ цг. **эней** ~ тув. **кырган-ава** ‘бабушка’; хак. **харындас** ~ цг. **харындас** 1) ‘брат’; 2) ‘братский’; хак. **сёёк ист.** ~ цг. **сөөк** ‘сеок’ (группа людей, связанных кровным родством); ‘род; племя’. На материале хакасского языка содержание базовых терминов кровного родства описано М. Д. Чертыковой [9, с. 162–166].

Названия частей тела человека: хак. **пулчурхай** ‘железы’ (лимфатические) ~ цг. **булчургай** ~ тув. **бес** ‘железы’; хак. **кёміске** ~ цг. **көмүске** ~ тув. **кирбик** ‘бровь, брови’.

Названия предметов личного пользования: хак. **мылтых I** ~ цг. **мылдық** ~ тув. **боо** ‘ружьё // ружейный’; хак. *кыз., кач.* **сиренке** ~ цг. **серенке** ~ тув. **от, серенги** ‘спички // спичечный’; хак. **тайах** ~ цг. **таяк** ~ тув. **даянгыш** 1) ‘палка, трость, посох; костыль’; 2) перен. ‘опора’; хак. **тамкы** ~ цг. **тамкы** ~ тув. **таакпы** ‘табак // табачный’; хак. **тамкы-тумкы** собир. ~ цг. **тамкы-тумку** ~ тув. **таакпы-тукпу** ‘табак (разный)’; хак. **төзек** ~ цг. **дөжек** 1) ‘постель’; 2) ‘кровать’ ~ тув. **дөжек** ‘постель, подстилка, тюфяк’; хак. **чилім** ~ цг. **челим** ~ тув. **хырба** ‘клей’; хак. **топчы** ~ цг. **довшу** ~ тув. **өөк** ‘пуговица’.

Лексика животноводства: хак. **төлөгө** ~ цг. **төлеге** ~ тув. **тогду** ‘двухгодовалая овца, ярка’; хак. **хуча** ‘баран’ ~ цг. **кужа** ~ тув. **кошкар** ‘баран-производитель’; хак. **аргамах** ‘породистый конь’ ~ цг. **аргымак** ‘самый быстрый скакун’ ~ тув. данное слово не встречается; хак. **изер ат этн.** ‘верховая лошадь’ (которую родители невесты дарят родителям жениха) ~ цг. **эзерады** ‘верховая лошадь’; хак. **аспан** ~ цг. **аспан** 1) ‘полукастрированный баран, бык, жеребец’; 2) ‘поздно кастрированный самец домашних животных’; 3) ‘евнух’.

Названия приспособлений и снаряжения для домашних животных:

хак. **нохта** ~ цг. **нокта** ~ тув. **чулар** ‘недоуздок’; хак. **кок III** ~ цг. **көк** ‘кожаная тесьма, сырмятный ремень, дратва’ (используется для

сшивания сбруи, решётки юрты, обуви, берестяной и деревянной посуды).

Названия продуктов питания: хак. **аарчы** ‘арчы (кисловатый, творожистый осадок, остающийся после перегонки вина из айрана)’ ~ цг. **ааршы** ~ тув. **курут** ‘вид сушеного творога, изготавливаемого из молочного продукта после перегонки’; хак. **пуруш** ~ цг. **буруш** ‘перец’; хак. **хыйма** ‘кыйма’ (колбаса – национальный пищевой продукт, приготовленный из рубленого мяса и сала) ~ цг. **хыйма** 1) ‘прямая кишка’; 2) ‘начинённая мясом и сваренная прямая кишка’ ~ тув. **кургулдай** ‘прямая кишка’; хак. **торда** *кыз.* ‘осадок масла’ ~ цг. **дорда** ~ тув. **чөп** ‘туща (супа)’; хак. **соғум** ~ цг. **согум** ~ тув. **чиш** 1) ‘скот, предназначенный для убоя, убойный скот’; хак. **сысханды** ~ цг. **сыскынды** ‘шкварки’.

Названия насекомых: хак. **күл сеек** ~ цг. **күл-сээк** ‘мошка, мошкара’; хак. **сеек** ~ цг. **сээк** ‘муха’. В литературном языке нормой для обозначения мухи является слово *сээк*. Однако в большинстве диалектов, в том числе центральном, муху называют *ымыраа*, что часто является предметом спора носителей тувинского языка.

Другие названия (несгруппированные): хак. **саг. ченіс** ~ цг. **жеңис** ~ тув. **чиңгис** ‘мох’; хак. **миндір** ~ кач. **мүндүр** ~ цг. **мөндүр** ~ тув. **долу** ‘град’; хак. **изен-минді фольк.** ‘здравствуй’ ~ цг. **эсен-менди** ‘жив-здоров, благополучно; здоровый’; хак. **пүлтек** ~ цг. **бүлдек** ‘неровный прошитый шов’; хак. **сас II** ~ цг. **сас** 1) ‘болото, трясина’; 2) ‘луг, лужайка // луговой’; хак. **көдірім** ~ цг. **көдүрүм** ‘вес, живой вес’; хак. **азымахчы** ~ цг. **азымакчы** ~ тув. **эжелекчи** ‘захватчик’; хак. **инеліс** от *инелрге* ~ цг. **энелеш** ‘страдание; мучение, тоска’; хак. **собир. кирек-чарах** ~ цг. **керек-чарак** ‘разные дела, хлопоты’; хак. **матха // патха** ~ цг. **патка** ~ тув. **кузум** ‘осадок никотина’; хак. **айаг** ~ цг. **айаг** ~ тув. **кээргел** ‘жалость к кому-л., пощада’; хак. **обал** 1) ‘грех’; 2) ‘несчастье, беда’ ~ цг. **овал** ‘беда’; хак. **вопр. част. па** ~ цг. **ба** ~ тув. **бе** ‘ли’; хак. **ин II** ~ цг. **ин** ~ тув. **доора дурту, калбаа** ‘ширина (ткани)’; хак. **тике** ~ цг. **деге** ~ тув. **аргар** ‘архар’ (самец горного козла).

Прилагательные: хак. **арам** ~ цг. **арам** ‘редкий’ ~ тув. **арам-безерек** ‘ни то ни сё’; хак. **иртечел** ~ цг. **эртежел** ~ тув. **эртежи** ‘рано встающий; ранний’; хак. **ныхта кізі** ~ цг. **ныхта кижі** ‘плотный коренастый человек’; хак. **пүткүл** ~ цг. **бүткүл** ‘цельный’; хак. **таластыг** ~ цг. **таластыг** ~ тув. **маргыштыг** ‘спорный’; хак. **тығым** ~ цг. **тығым** 1. ‘плотный, туго набитый’; 2. ‘плотно, туго, набито’; хак. **чолбын кач.** ~ цг. **чолбуң** ~ тув. **тояанчы** ‘бродяжный, блудный (о скоте); любитель болтаться, скитаться, гостить (о людях)’.

В целом, как показывает наше предварительное исследование, основные лексемы базовых групп имеют соответствия в хакасском, тувин-

ском языках и цэнгэльском говоре (соотносимые слова не имеют больших семантических отличий). По происхождению основы указанных слов, в подавляющем большинстве, являются общетюркскими. Анализ вышеприведенных названий показывает также, что частично состав этой лексики является результатом взаимодействия тюркских и монгольских языков. В частности, в хакасском языке и цэнгэльском говоре имеются такие слова как *абахай ~ авгай* < монг. *авгай*, *пулчурхай ~ булчургай* < монг. *булчирхай*, *изен-минди ~ эсен-менди* < монг. *эсэнмэнд*, *мүндүр ~ мөндүр* < монг. *мөндөр*, *чолбын ~ чолбуң* < монг. *золбин*. Таким образом, в хакасском языке и цэнгэльском говоре имеется определенное количество монголизмов.

К словам, имеющим общетюркское происхождение, относятся: *иней ~ эней*, *час ~ чаи*, *төзек ~ дөжек*, *көдирім ~ көдүрүм*, *хуча ~ кужа*, *пуруш ~ буруш*, *тыгым ~ тыгым*, *согум ~ согум* и многие другие. Они восходят к периоду этноязыковой общности, единого уклада жизни. В дальнейшем, в процессе исторического развития, у каждого народа появились свои особенности в ведении хозяйства, и они были отражены в языке (что видно наглядно в рассмотренных нами примерах).

Библиографический список

1. Грайворонский В. В. Современное аратство Монголии. Социальные проблемы переходного периода 1980–1995 гг. / Институт востоковедения РАН. М., 1997. 184 с.
2. Бадарч Б. Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка (в сравнительно-сопоставительном аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 25 с.
3. Монгуш Д. А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983. С. 127–145.
4. Хакасско-русский словарь / Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории; под общей ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
5. Древнетюркский словарь / Институт языкознания АН СССР. Л.: Наука, 1969. 676 с.
6. Русско-казахский словарь. Т. II: П–Я. Алма-Ата: Издательство АН Казахской ССР, 1946. 395 с.
7. Узбекско-русский словарь / под ред. С. Ф. Акабирова [и др.]. М.: ГИС, 1959. 840 с.
8. Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
9. Чертыкова М. Д. Базовые термины кровного родства в хакасском языке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 7. Том 1. С. 161–168.

Список сокращений:

вопр. – вопросительный
 кач. – качинский диалект хакасского языка
 кыз. – кызыльский диалект хакасского языка
 саг. – сагайский диалект хакасского языка
 собир. – собирательное
 тув. – тувинский язык

фольк. – фольклор
хак. – хакасский язык
цг. – цэнгэльские тувинцы
част. – частица
этн. – этнография

© Баярсайхан Бадарч, 2020

УДК 811:81-25

О. А. Булгакова

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗООФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕЛЕУТСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются фразеологизмы, в состав которых входят лексические компоненты с названиями животных, в русском и телеутском языках. Целью данной статьи является раскрытие особенностей восприятия и функционирования зоофразеологизмов и зоолексем в русском и телеутском языках как необходимых составляющих языковой картины мира данных народов.

Ключевые слова: зоофразеологизмы, зоолексемы, коннотация, языковая картина мира, межкультурная коммуникация.

Проблемы изучения языковой картины мира актуальны для современной лингвистики.

Устойчивые выражения с зоонимическим компонентом составляют значительную часть фразеологического фонда русского и телеутского языков и образовались в результате длительных наблюдений человека за поведением и внешним видом животных.

Для того, чтобы сравнить восприятие зоолексем носителями русского и телеутского языков, мы провели свободный ассоциативный эксперимент. В анкетировании приняли участие русские (75 человек) и телеутские (55 человек) носители языка. Материалом для исследования послужили 15 зоонимических наименований: собака, кошка, крыса, корова, свинья, баран, овца, петух, курица, лиса, волк, медведь, сова, сорока, ворона.

Результаты анализа полученных анкет показали, что функционирование зоолексем имеет отличия, обусловленные спецификой языковых картин мира данных народов, а незнание особенностей восприятия и употребления данных фразеологизмов может привести к непониманию и затруднить диалог в межкультурной коммуникации.

Проведённый анализ подтверждает сделанный нами ранее вывод о том, что фразеологизмы с компонентом-зоонимом ярко выражают ментальность народа [1, с. 161]. Люди анализировали поведение животных, их повадки и переносили эти свойства на человека, сравнивали поведение животных с поведением людей, при этом респонденты чаще были склонны отмечать отрицательные черты, чем положительные.

Как показал сопоставительный анализ, не все образы животных несут одинаковую эмоциональную нагрузку в зоофразеологизмах рассматриваемых языков. Сходства ассоциаций объясняются общими выводами из наблюдений за поведками животных, а различия – особенностями жизни каждого народа.

Коннотативный смысл зоолексем анализируемых языков часто совпадает, например: лиса – хитрость; баран – упрямство; свинья – грязная, толстая; медведь – неуклюжесть. Специфическими смыслами обладают те зоофразеологизмы, в которых отражаются специфические особенности мировосприятия народа, связанные с его историческим прошлым и культурными традициями. Так, в русской лингвокультуре номен «корова» имеет негативную смысловую окраску, ассоциируется чаще всего с полной женщиной, что подтверждают такие ответы информантов, как «толстая и жирная» (*разъелась как дойная корова* – расплнела), а также может обозначать человека неуклюжего (*как корова на льду*), медлительно (*ворочаться как корова*), болтливого, не умеющего хранить тайну (*как у коровы хвост*). Совершенно иная ситуация в телеутском языке, для телеутов корова (*үй*) – это кормилица, это то, на чём держится дом. По сути, корова – это член семьи, что отражается в фразеологизме: *Үй жүрегимме кирқалған* – «корова в сердце вошла» (*как член семьи*).

В русском языке компонент «собака» в фразеологизмах чаще используется в отрицательном, насмешливом, шутовском смысле – *как собака нерезанных* (в значении «много»); *собачий холод* (жуткий мороз); *как собака голоден* (сравнение с вечно голодной бездомной собакой); *как собака* (очень сильно, до крайности устал, голоден, замёрз); *вешать собаку на шею* (обвинять); *вот, где собака зарыта* (причина); *каждая собака* (всякий, каждый, любой); *ни одна собака* (абсолютно никто); *нужен как собаке пятая нога* (бесполезность); *собаку съел* (профессионал в своем деле); *как собака на сене* (ассоциация с предельно жадным человеком). Однако собака для русского народа – это и верный, преданный друг, что отразилось в фразеологизме *собачья преданность* (*верность*), имеющем значение «преданность человека другому человеку, делу, стране».

В телеутском языке номен «собака» имеет негативную коннотацию. Например, фразеологизм *ийттиң киндеги айағы – собачья задняя нога* употребляется, когда человек (его действия, его работа, он сам) лишний. Подобное значение имеет и фразеологизм *ийттиң төртінчи айағы – собаки четвертая нога* (*не столь важная*). Исторически собака в понимании телеутов олицетворяет никчемность, бесполезность. Не зная менталитета телеутского народа, русский человек не сможет понять смысл данного фразеологизма, так как в русском языке есть похожий фразеологизм: *собачья пятая нога*. Собака в понимании русского народа олицетворяет верность, и у нее нет ничего лишнего, поэтому пятой ноги у нее никогда не будет. Спутниками кочевников собаки не были, эта роль при-

надлежала коням, кочевой народ ценил своего верного коня. Конь являлся для телеутов священным животным, спутником жизни. Фразеологизм *ийттиң жадыжи – собачья жизнь* употребляется в телеутском языке в том же значении, как и в русском, и служит для обозначения тяжёлой жизни. Фразеологизм *ийт чылап тиштеңжит – кусает как собака* используется для обозначения человека, который говорит обидные вещи, задевает чувства слушающего. Фразеологизм *живут как кошка с собакой* и аналогичный вариант телеутского языка *Јатјалар ийт- қызынка чылап* используются для обозначения людей, постоянно ссорящихся.

Сова, в понимании русского человека, олицетворяет мудрость, а для телеутов сова – воплощение глупости: *ойлу қуш – глупая птица*. Фразеологизм *алу қуштила кеби – вид дурной (как сова, дурная)* используется для обозначения глупого человека.

Черная птица, то есть ворона, по преданию многих народов, является предвестником беды. Так, фразеологизм *қара қуш азраған – черная птица пригрела (кормила)* употребляется телеутами тогда, когда говорят, что человек – обладатель нехороших качеств, т. е. кто-то сильно ошибся в человеке. Он предал друга, его черная птица кормила. В русском языке номен «ворона» используется для обозначения человека-выскочки: *ворона в перьях павлиньих*; человека, непохожего на других: *белая ворона*; невнимательного человека: *ворон считает*; отошедшего от своей среды: *ни павой ни вороной*.

С негативными человеческими качествами ассоциируется у обоих народов и другая птица – сорока. Во фразеологизме *саңысқан жыраға – прогонять сороку – саңысқан (сорока)* имеет значение «лень», поэтому значение фразеологизма – кто-то кому-то прогоняет лень. Похожий фразеологизм *саңысқан жыраған – гонять сороку* имеет другое значение. Так говорят о человеке, который просто гоняет сороку, то есть выполняет бесполезную работу. Фразеологизм *саңысқан кижі – человек-сорока* используется для обозначения сплетника. Подобное значение имеет и фразеологизм *саңысқан чылап шайратјит – трещит как сорока (сплетничает)*. Во фразеологизмах русского языка сорока ассоциируется с болтливым человеком, сплетником (*сорока на хвосте принесла*) или вороватым человеком (*сорока-воровка*), но не ассоциируется с ленивым человеком.

Для обозначения ловкого, хитрого, изворотливого человека в русском языке используется сравнение с гусём, отсюда фразеологизм *гусь лапчатый*, а в телеутском языке – сравнение с дождевым червём, отсюда фразеологизм *чолышқан чылап қуйбырба – не изворачивайся как дождевой червяк*.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что фразеологизмы с компонентом-зоонимом ярко выражают ментальность народа. Животные являются мерилем многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных, что и отразилось во фразеологизмах. При использовании

названий животных во фразеологизмах народ чаще был склонен отмечать отрицательные черты, чем положительные.

Библиографический список

1. Булгакова О. А., Красноборова О. А. Зоофразеологизмы и зоолексемы как экспликаторы языковой картины мира русского и китайского языков// Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 160–166.

© Булгакова О. А., 2020

УДК 811.511.142

А. Д. Каксин

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛЕНИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

*Работа является частью исследования средств репрезентации образа человека в языках коренных народов Сибири. Показано, какие лексические средства используются в хантыйском языке для описания ленивого человека, ситуаций '(человеку) лень' и '(он) ленился'. Предлагается материал для расширения словарной статьи с заглавной единицей *šuk / šök / sok* 'лень'.*

Ключевые слова: образ человека, лень, языковая репрезентация, лексические средства, хантыйский язык.

Лень представляется неотъемлемой чертой человека, в том смысле, что любой человек периодически, или временами, бывает ей подвержен. Не бывает людей ленивых постоянно, и фраза *Он очень ленивый!* означает, что человек, о котором так говорят, ленив только в определённый период времени. Или, как часто бывает, этой фразой характеризуют человека просто медлительного, не склонного резко, сходу браться за дело. Эти и другие ситуации выражаются в хантыйском языке словами, в основе которых лежит один и тот же корень – *šuk / šök / sok* 'лень'. К примеру, в словаре В. Штейница соответствующие слова и обороты приводятся в одном ряду:

Ni. Š *šuk*, Kaz. *šök*, O *sok*... лень; ... *rupatti šuk* работать лень.

Ni. Š *šukəŋ*, Kaz. *šökəŋ*, O *sokəŋ*... лентяй [Steinitz, 1966–1994, с. 255–256].

Лень, таким образом, представляется двояко: как особое состояние человека (иногда продолжительное, но преходящее) и как нежелание действовать именно в указанный период времени. В первом случае в хантыйском языке чаще всего употребляется определение *šukəŋ / šökəŋ / sokəŋ* 'лентяй, ленивый': *Šökəŋ ɥojat isa goɥur kəŋšaɭ* 'Ленивый человек всегда ищет повод (ничего не делать)'; *Vön juɥan ɥüvat mänti ɥojata šökəŋ piɭ tör turas veɣaɭ* 'Человеку, который поплывет по большой реке, ленивый попутчик только помешает'; *Łiv šit šökəŋ miɾ: ši ɥüv joɥum vönta änt jäŋɥat* 'Они ленивые люди: до этого дальнего бора не ходят'.

С участием лексемы *šuk / šök / sok* употребительны предикативные конструкции, указывающие на определённое, короткое состояние лени: *Täm täjum mil χüv evaft ší uł: šök χutaš ješa jontumtti lüvti* ‘Эта ношенная шапка давно уже лежит: лень как-то немного ее подшить’; *Χälevt, šök ki änt pitl, votn il pavtum vönši ara pi'atfev ki* ‘Завтра, если лень не будет, ветром сваленную сосну хорошо бы распилить нам’.

В этом, втором, случае чаще других встречается тот вариант названной конструкции, в котором предикатив *šuk / šök / sok* занимает конечную позицию; имеется также позиция субъекта искомого состояния (лицо-число субъекта может быть выражено соответствующим лично-притяжательным суффиксом): *Tämχätl mänem náa pałti χutaš šök* ‘Сегодня мне хлеб печь что-то лень’; *Ma in töt'ati puškanem vevtama esał, pa jilup ut vantti jaŋχti šök* ‘Ружьё, которое сейчас ношу, плохо стреляет, а сходить новое (ружьё) подобрать – лень’; *I liv vełum χüñłal mäti pa šök!* ‘Им и собственную выловленную рыбу сдать лень!’; *Livel šit šök äntöm vös – ší arat χor versat!* ‘Им как-то не лень было – столько лодок сделали!’

Представляет интерес употребление слова *šuk / šök / sok* в конструкциях предикативного склонения, в которых оно выступает в функции послелога и принимает значение ‘вопреки (чьей-то) лени’: *Χätl mäř vantasum šökñ, vełum χülen plaškouta ší mälen* ‘Рыбу, которую с таким трудом, преодолевая *лень*, выловишь в течение дня, сдаешь на плашкоут’; Я, ин ай апалэлн партум, илянтум *шэжн*, хулта мантал вэл [Сенгепов, 1994, с. 19] = *Ja, in aj apaleln partum, il'amtum šökñ, χulta mäntal völ* ‘Ну, раз младшим братом послан, против *лени* (нежелания), надо идти’.

Таким образом, в хантыйском языке для полной репрезентации человеческой лени небольшое число лексем с семантикой ‘лень; ленивый (человек)’ восполняется широкой вариативностью синтаксиса.

Библиографический список

1. Сенгепов А. М. Касум ики пурат. Рассказы старого ханты. СПб.: «Просвещение», 1994. 175 с.: ил.
2. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1994. 2019 S.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00080 «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)».

© Каксин А. Д., 2020

ОСОБЕННОСТИ МИРОВИДЕНИЯ РУССКИХ, КИТАЙЦЕВ И ТЮРКОВ ЧЕРЕЗ ПАРЕМИИ О ЛЕНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В данной работе мы через анализ паремий в русском, китайском и тюркских языках конструируем этносемантическое пространство концепта «леность». Паремии представляют культурный код народа, его уникальный взгляд на мир. Метод пропозиционально-фреймового моделирования позволяет выявить глубинные (пропозициональные структуры (ПС) – логические абстрактные суждения с предикативно связанными актантами) и поверхностные, вербализованные в границах этих ПС суждения (пропозиции). Паремии, являясь фрагментом языковой картины мира, через слоты, направляемые пропозициональными структурами, становятся детерминантами культурологического характера, выраженными в пропозициях. Таким образом, паремии позволяют выявить этносемантическое пространство, актуализированное в пословичных текстах концепта «леность».

Ключевые слова: *концепт, пропозиция, пропозициональная структура, слоты, разноструктурные языки.*

Концепт «леность», обозначающий отрицательное качество человека, в разных лингвокультурах осознается специфично. Каждый народ вкладывает в данное слово свое понимание, обусловленное мировоззрением, привычками, обычаями, культурой и особенностями территории своего проживания.

Из тюркских нами рассматриваются алтайский и телеутский языки. Выбор языков в данной работе не случаен. Телеутский язык – язык телеутов, коренного малочисленного народа Сибири, численность которого в настоящее время составляет примерно 2 500 человек, 1 500 из них проживают в с. Беково Беловского района Кемеровской области. В настоящее время телеуты в результате ассимиляции с русскоязычным населением забывают свои обычаи, традиции и язык. Проблема сохранения этнической культуры, языков коренных малочисленных народов является актуальной. Представители коренного населения Сибири – телеуты – включены в программу ЮНЕСКО «Охрана малых народов мира». Проблемой сохранения языка и культуры телеутов с 2007 года занимается кафедра стилистики и риторики Кемеровского государственного университета под руководством профессора Людмилы Алексеевны Араевой. Опыт работы по сохранению телеутской лингвокультуры описан в: [Араева, Абдуллаева, Булгакова, Го Лихун, Калентьева, Керексибесова, Крейдлин и др., 2018; Араева, Булгакова, Калентьева, Керексибесова, Крейдлин и др., 2016; Араева, Крейдлин, Проскурина, 2017].

Алтайский является генетически родным языком автора этой работы. Телеутский и алтайский языки имеют много общего. Тем не менее сбор паремий телеутского языка оказался нелегкой задачей, так как многое телеутами забыто. И только благодаря материалам, собранным на нашей родине – в Кош-Агачском районе Республики Алтай, где проживает коренной малочисленный народ – теленгиты, удалось собрать необходимый ма-

териал по заявленной проблеме. Теленгиты не поддались влиянию времени и сохранили свой уклад и культуру. Их быт за сотни лет практически не изменился, а древние верования и традиции сохранились благодаря, в частности, географической обособленности мест проживания. Кроме этого, алтайский язык, на котором говорят теленгиты, наряду с русским является государственным на территории Республики Алтай. Теленгиты считают себя язычниками и продолжают практиковать шаманские обряды и следовать ритуалам далеких предков, почитают природу и поклоняются ей. Следует отметить, что телеутский, в отличие от алтайского, является бесписьменным языком, что препятствует сохранению языка и культуры этого народа.

Таким образом, анализ концепта «леность» через паремии позволили нам выявить общее и специфичное в понимании лености в разных языках. Данная тема будет изучаться нами в дальнейшем. Сопоставление позволит выявить общее и специфичное в этих лингвокультурах и дополнить языковую картину мира телеутов.

Библиографический список

1. Араева Л. А., Абдуллаева Ф. Э., Булгакова О. А. [и др.]. Языковая картина мира телеутов. 2-е изд., исп. и доп. Кемерово, 2018, 280 с.
2. Араева Л. А., Булгакова О. А., Калентьева Л. С. [и др.]. Языковая картина мира телеутов. Кемерово, 2016, 237 с.
3. Араева Л. А., Крейдлин Г. Е., Проскурина А. В. Язык телеутов (работа по описанию языка коренного малочисленного народа России) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 288–292.

© Керексибесова У. В., 2020

УДК 81-2

С. И. Ли

МЕТАФОРА КАК МЕХАНИЗМ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРЕЙМА «ГРИБЫ» В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ)

Статья посвящена результатам исследования метафоры – механизма, отвечающего за мыслительные и познавательные процессы, протекающие в сознании человека. Исследование показало, что культурная модель мышления, которую можно рассматривать как концептуальную абстракцию, является основной когнитивной операцией в сознании человека.

Ключевые слова: *метафора, пропозиционально-фреймовое моделирование, разноструктурные языки, пропозиция.*

Во второй половине 70-х годов XX века в лингвистике появились исследования, посвящённые когнитивным механизмам в сознании человека, которые составляют основу его познавательной деятельности. Теория метафоры в когнитивных исследованиях заняла особое место. Метафору стали рассматривать не только как троп, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый предмет или явление, для наименова-

ния объекта, входящего в другой класс, но и как механизм, отвечающий за мыслительные и познавательные процессы. Этот механизм отличается универсальностью, т. е. присутствует в сознании любого человека, вне зависимости от языка, на котором он говорит.

Обыденная система понятий человека структурируется и определяется метафорически: «Метафора проникает в нашу повседневную жизнь, не только в язык, но и в мышление, и действие. Наша обыденная понятийная система, на языке которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [2, с. 4]. Номинативные механизмы, ассоциативные по своей природе, неразрывно связаны с метафорой, которая объединяет объекты действительности по некоторым общим признакам. Метафора структурирует не только язык, но и наше мышление, она организована системно и основана на нашем повседневном опыте, в метафоре есть явное указание на причинные или физические ассоциации.

Пропозиционально-фреймовое моделирование фрагментов языковой картины мира, основанных на метафорическом переносе, позволяет выявить все элементы семантической организации метафорической номинации, а именно: (1) источник метафорического образа; (2) результирующий образ; (3) признак, по которому происходит их соотнесение. Уподобление одного объекта другому может осуществляться вследствие общности самых различных признаков: формы, цвета, места и т. д.

Например, *гриб лисичка* в китайском языке – 鸡油菌 [jīyóujūn] (鸡油 [jīyóu] – куриный жир, 菌 [jūn] – гриб): 1. Куриный жир жёлтого цвета; 2. Гриб жёлтого цвета; 3. Гриб, по цвету напоминающий куриный жир. *Масленок* в русском языке: 1. Масло скользкое; 2. Шляпка гриба скользкая; 3. Гриб с маслянистой, скользкой на ощупь шляпкой. Хакасы все белые грибы называют *сүт миске* (сүт – молоко, миске – гриб): 1. Молоко белое; 2. Шляпка гриба белая; 3. Грибы, по цвету напоминающие молоко. Подобные механизмы категоризации работают и во фрейме «ягоды» [1].

Таким образом, пересечение категорий происходит на основе тождества одного фамильного признака. В производных словах с метафорической мотивацией можно выделить три пропозиции, при этом важна конечная пропозиция, отображающая пересечение первых двух.

Библиографический список

1. Араева Л. А., Ли С. И. Метод пропозиционально-фреймового моделирования в обучении иностранным языкам // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. №1. С. 187–195.
2. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 242 p.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90003 «Когнитивное моделирование языковой картины мира коренных народов Сибири (на материале имен натурфактов)».

ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ РЫБОЛОВСТВА У ТЮРКСКОГО ЭТНОСА САЯНСКОГО НАГОРЬЯ (НА ПРИМЕРЕ СОЙОТОВ)

На основе источниковедческого материала и полевых данных автор сделал обширный анализ основных видов хозяйственной деятельности, подробно остановившись на особенностях и способах рыбной ловли у тюрков саянского нагорья (на примере сойотов). В статье дается подробное описание приемов и способов ведения рыбной ловли. Автор приходит к следующему выводу: несмотря на то, что рыбная ловля у сойотов была менее распространена, чем охота, разнообразие приемов и способов добывания рыбы (удочкой, багорчиком, острогой, сетью, запрудой с мордой или специальным корытом) свидетельствует о наличии древних традиций рыболовства у аборигенов края.

Ключевые слова: рыболовство, острога, аборигены края, запруда, орудия лова.

Современные сойоты (самоназвание *сойыт*, по-бурятски *хоёд*) являются вместе с бурятами основным населением Окинского района Республики Бурятия (далее РБ). Официально сойоты долго не выделялись из состава окинских бурят, поскольку считалось, что они полностью стали бурятами по языку, культуре, обычаям. Движение за восстановление прав сойотов как самостоятельного малочисленного северного народа, начавшееся в РБ в 1992 г. и продолжавшееся на разных уровнях все 1990-е годы, завершилось тем, что в 1993 г. был создан Сойотский национальный сельский совет (ныне администрация), с центром в поселке Сорок. В том же году была создана и официально зарегистрирована в Минюсте РБ Ассоциация сойотов Окинского района РБ. 24 марта 2000 г. Правительство России Постановлением № 255 включило сойотов Бурятии в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В этом документе численность сойотов на 1999 г. указана в количестве 1973 человека. По данным на 2001 г., численность сойотов составляла 2002 чел. Таким образом, сойоты ныне официально признаны отдельным от бурят, самостоятельным народом [9].

На уровне Правительства РБ разработаны и принимаются меры по возрождению у сойотов традиционного охотничье-оленоводческого хозяйства и национальной культуры, в том числе и языка.

Кроме поселка Сорок, сойоты проживают в поселках Боксон, Хурга, а также в райцентре Орлик, расселены они и на мелких фермах-зимниках, состоящих из одного-трех домов. Основное занятие современных сойотов – скотоводство. Они разводят сарлыков (яков), хайныков (помесь яка и коровы), монгольских коров, лошадей. Оленеводство было прекращено в начале 1960-х гг. волевым решением правительства БурАССР как якобы нерентабельная отрасль скотоводства. Однако сойоты в настоящее время возрождают оленеводство как одну из основных отраслей своего

традиционного хозяйства, для чего они в 1994 г. закупили у соседних тофаларов 60 оленей [1; 7, с. 191].

Хотя сойоты и осознают себя особым этносом, со своим специфическим культурно-хозяйственным типом, все они в настоящее время бурятязычны, и их скотоводческое хозяйство ничем не отличается от местного бурятского. Специфику составляет лишь возрождающееся оленеводство. В то же время следует констатировать, что до начала 1960-х гг. у сойотов продолжало бытовать оленеводство как самостоятельная отрасль животноводства, с бытовым укладом пастухов-оленоводо, характерным для традиционного сойотского охотничье-оленоводческого хозяйства. С утратой оленеводства стали уходить в прошлое традиционный сойотский образ жизни и национальная культура. С уходом из жизни стариков стал исчезать сойотский тюркский язык. Однако современные сойоты сохраняют память о том, что ранее они имели образ жизни, отличный от соседствующих с ними бурят. Об этом можно судить по шаманским призываниям сойотов, в которых они о себе говорят буквально следующее: «*Уйгар хэлэтэн, урса гэртэн, үйһэн забитан, сагаан унаатан, сана хулэгтэн бидэ хоёдууд*» (Мы, сойоты, имеющие уйгурский язык, имеющие чумы в качестве жилищ, имеющие берестяные челноки, имеющие в качестве транспорта северных оленей, а в качестве, рысаков – лыжи) [6, с. 4].

Как уже отмечалось в научной литературе [3, с. 97–99; 5, с. 190–194], предки современных сойотов были тюркоязычными оленеводами, родственными тувинцам и тофаларам, и где-то около 300–400 лет тому назад переселились со своими оленями сначала в Тунку, а оттуда в Оку из Монголии, из окрестностей озера Хубсугул, где они обитали в сомонах Ханха и Ринчинлхумбэ. Там, кстати, до сих пор живут тюркоязычные оленеводы, которых монголы называют цаатанами или уйгурами-цаатанами (*уйгар цаатан*).

На своей новой родине сойоты быстро сблизилась с бурятами, чему немало способствовала родовая экзогамия, из-за чего сойоты были вынуждены брать себе жен у соседних бурят. Данное обстоятельство повлекло, по-видимому, довольно быстрый переход сойотов в разряд бурят, о чем в свое время упоминал и Б. Э. Петри, проводивший в 1926 г. по заданию Комитета Севера специальную этнографическую экспедицию по изучению хозяйства, быта и культуры сойотов, и который писал об этом буквально следующее: «Благодаря строго выдержанной экзогамии, внутри рода жениться нельзя. Женщин у рода Иркин мало и приходится брать буряткам. Большинство обследованных нами замужних женщин оказалось бурятками. С бурятками вошел в обиход и новый язык – бурятский, а старый сойотский почти забылся. Его помнило только несколько стариков, у которых мною был записан словарный материал. Язык оказался чрезвычайно близкий урянхайско-сойотскому. Вместе с бурятками ... проникали и новые формы хозяйства, умение ухаживать за скотом, вести

сложное молочное хозяйство скотовода, запастись впрок на долгую зиму молочные скопы; кроме того, покрой одежды, посуда и, наконец, весь домашний уклад. В частности, все семейные, брачные и родственные нормы проникали от бурят, и весь семейно-родовой быт сойот сейчас вполне отождествился с бурятским. Таким образом, бурятская женщина-скотоводка, войдя в чуждую ей среду сойот-оленоводов, способствовала более быстрому переходу ... форм оленно-промыслового хозяйства к новым формам скотоводческо-промыслового хозяйства, где олень играет подсобную роль при пушном промысле» [4, с. 19].

Тот же Б. Э. Петри, обследовавший сойотов, нашел их разбросанными в 12 различных местах, названия которых следующие (в записи Б. Э. Петри): 1) Монды; 2) Ильчир; 3) Хоньчин; 4) Хамодон; 5) Сорока; 6) Буксон; 7) Хореты; 8) Улзето; 9) Долон-Турук; 10) Хозулхай и Диби; 11) Бурунгол; 12) Нурай.

Он нашел у них несколько различных хозяйственных укладов – от чисто оленеводческого до земледельческого. При этом Б. Э. Петри утверждал, что именно группа сойотов, живущая вокруг озера Ильчир в верховьях р. Иркут, на водораздельном хребте, на высокогорных тундрах, богатых ягельниками, занимается преимущественно оленеводством и пушным промыслом, добывает копытных зверей на мясо, продолжает жить в чумах и сохраняет кочевой образ жизни, свою традиционную культуру и язык.

По своему происхождению и родовому составу окинские сойоты представляют собой сложное многокомпонентное этническое образование. Б. С. Дугаров [3, с. 90–101; 8, с. 13–14], изучавший историю населения Окинского района Бурятии, выделяет в его составе три самостоятельных рода: *хаасут*, *иркит* и *онхот*. В результате рассмотрения этнической истории этих родов, опираясь на свидетельства старожиллов края и на письменные исторические источники, он выяснил, что окинские хаасуты переселились в Оку, в район озера Ильчир из Тувы под предводительством некоего Хурулдая, отделившись от своих сородичей. С тех пор прошло свыше 10 поколений. В XVII в. в исторических источниках в окрестностях озера Хубсугул фиксируется самостоятельный в административном отношении Хаасутский хошун, состоявший из родов халюш, иркит, хаасут, артамык. Он был девятым среди урянхайских хошунов этого края, находившегося в то время под юрисдикцией Маньчжурской империи. Г. Е. Грумм-Гржимайло относил род *хаасут* к таким родам, происхождение которых остается пока не выясненным [2, с. 23].

Основной хозяйственной деятельности сойотов при кочевой жизни, по свидетельству источников, были оленеводство и охота. Однако, с конца XIX в. и до конца 20-х гг. прошлого столетия наряду с оленеводством у них прослеживается и табунное коневодство. Затем оленеводство было утрачено и осталось только коневодство. Но в наши дни сойоты начали

возрождение оленеводства. Другими видами хозяйственных работ, дающими дополнительный источник существования, особенно при малой численности оленей в хозяйстве и при плохой охоте, являлись рыболовство и собирательство.

Ловля рыбы у сойотов была менее распространена, нежели охота на боровую и водоплавающую дичь и на копытных зверей. Рыбу ловили обычно тогда, когда не удавалось добыть ничего из этой дичи и люди давно сидели без мяса. Тогда шли на реку или озеро ловить рыбу. В Окинском районе РБ водятся из рыб лишь хариус, ленок, таймень, налим. Рыбу добывали различными способами. Прежде всего, её ловили удочкой, которая состояла из удилища, лески, небольшого грузила и крючка. Ловили хариусов обычно на червей. В ясную солнечную погоду ловили, насадив на крючок насекомых. Также сойоты знали и умели изготавливать различные искусственные приманки, так называемые «мушки». Они умели вязать сеть и применяли её для рыбной ловли. Сети либо ставили на ночь, либо применяли как русский бредень (со слов информатора Владимира Сындеевича Самаева). Крупную рыбу добывали острогой. Как сообщали старики-сойоты, раньше рыбу били острогой днем, для чего охотник, держа острогу, которую обычно насаживали на длинное древко, шел по берегу вдоль реки и высматривал в воде тайменей или крупных ленков. Чаще всего, как правило, рыбыны держались в ямах под перекатами. Выследив же рыбу, охотник бил ее острогой. Лучить рыбу в ночное время и бить ее острогой с лодки начали только в последнее время, приблизительно на рубеже веков. Старики-сойоты говорили, что этот способ добычи рыбы они заимствовали у бурят и русских. Конечно, этот способ больше пригоден для рек с плавным течением. В Окинском же районе все реки горные, с быстрым течением.

Также у сойотов была распространена добыча рыбы и с помощью специального багорчика из двух или трех зубьев, насаженного на длинное древко, которым выдергивали рыбу на перекатах. В основном этот способ применяли тогда, когда рыба шла на нерест или скатывалась вниз по реке осенью. В это время в удобных местах, где русло суживалось, устраивали запруды. Это было эффективно при высоких берегах, когда поднятая запрудой вода не разливается широко, а просто поднимается. В запрудах устраивали проходы, в которые вставляли особые длинные корзины, плетенные из ивовых прутьев. По-русски такие корзины-ловушки называли «морда». Спускающаяся вниз по течению рыба устремлялась в оставленный в запруде проход и попадала в морду (со слов Владимира Дашеевича Ошорова, жителя с. Сорок). Также применялось и особое корыто из жердей, которое ставилось в этих проходах вместо морды. Рыба попадала в это корыто и не могла из него выпрыгнуть. В старину это был фактически основной способ осенней заготовки рыбы (со слов сойота-старожила Ламажапа Машаева).

Таким образом, при ловле рыбы сойоты использовали несколько способов: удочкой, сетью, острогой, багорчиком, запрудой с мордой или специальным корытом. Такое разнообразие приемов добывания рыбы свидетельствует о наличии древних традиций рыболовства у аборигенов края.

Библиографический список

1. Волков К. Олени от мистера // Правда Бурятии. 1995. 16 июня.
2. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 3 Вып. 1. С. 23.
3. Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983.
4. Петри Б. Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах, 1927. С. 19.
5. Рассадин В. И. Лексические особенности говора окинских бурят // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ, 1985. С. 3–4.
6. Рассадин В. И. Язык сойотов Бурятии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 156 с.
7. Рассадин И. В. Животноводство у сойотов и бурят: сравнительно-сопоставительный анализ // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 14. № 4. С. 190–194.
8. Санжеев Г. Д. Дархаты, Л., 1930. С. 13–14.
9. Тулуев К. Живут в Оке сойоты // Бурятия. 1993. 9 апр.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00258.

© Рассадин И. В., 2020

УДК 811.512.151

Б. Б. Саналова

МНОГОЗНАЧНОСТЬ И СИНОНИМИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АЛТАЙСКИХ ГЛАГОЛОВ)

Синонимические связи характерны, прежде всего, для многозначных слов, поскольку применение слова в каждом новом значении связано с изменением его парадигматических отношений с другими словами. Многозначное слово в зависимости от значений может вступать в синонимические отношения с разными словами и тем самым входит в разные синонимические ряды.

Ключевые слова: синоним, многозначное слово, лексико-семантический вариант, значение, синонимический ряд.

Многозначность (полисемия) и синонимия являются основными семантическими процессами, определяющими всю организацию лексической системы. Их глубинная взаимосвязь отмечалась многими исследователями. Так, В. Д. Черняк, говоря о лексике русского языка, отмечает, что глубокая взаимосвязь синонимии и полисемии в значительной степени определяет всю организацию лексики русского языка, влияет на состав и линии взаимодействия различных лексических группировок [2, с. 28].

Д. Н. Шмелев обращает внимание на то, что синонимические связи свойственны главным образом многозначным словам, т. к. «применение слова в каждом новом значении связано с гораздо более многообразным и многосторонним видоизменением его парадигматических соотношений с другими словами, в частности, и возможности синонимических соответствий здесь гораздо больше» [3, с. 127].

Действительно, тесная связь синонимии и полисемии в языке безусловна. Многозначное слово может вступать в синонимические отношения в разных значениях с разными словами.

В данной статье мы попытаемся показать связь полисемии и синонимии на примере многозначных глаголов мыслительной деятельности в алтайском языке. Анализируя и описывая семантические структуры глаголов лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) мыслительной деятельности, мы замечаем у некоторых из этих глаголов близкие лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ). Это дает основание рассматривать эти ЛСВ как синонимы.

Под синонимами, вслед за А. П. Евгеньевой, мы подразумеваем «слова, обозначающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по значению слова, которые в данное время в языке определенным образом соотнесены и служат детализации и различению тонких смысловых оттенков понятия или выражению экспрессивных, стилистических, жанровых и иных различий» [1, с. 29].

На данном этапе наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть семантические отношения между синонимичными ЛСВ разных глаголов мыслительной деятельности.

Так, значение **‘иметь, составить мнение’** выявляется в семантических структурах глаголов *бодо*= ‘считать, полагать’, *санан*= ‘думать’, *бил*= ‘знать’, *көр*= ‘смотреть, видеть’, *ондо*= ‘понимать’, *айла*= ‘понимать’; это же значение выражает сложный глагол *шүўй сок*= ‘решить, прийти к решению’.

Рассматриваемые глаголы-синонимы отличаются друг от друга следующими смысловыми признаками: **1)** Степень уверенности или, наоборот, гипотетичности, предположительности в составе суждения, с чем связано представление субъекта о степени истинности суждения. Наибольшей долей уверенности отличается глагол *бил*= ‘знать’. Он служит для того чтобы строить утверждения о наличии в сознании субъекта истинной информации о чем-л. Высказывания типа: *Городтöн көчүп алза ол ондый ла болор деп мен билип отурум* (И) ‘Я уверена (= я знаю), что, пересяв в город, он таким и будет’; *Мен билип турбай, сен качан да бойын барбазын, онын ордына бу карган кижини аткараын* (И) ‘Я был уверен, ты никогда сам не пойдешь, лучше отправишь этого старого человека’, – обозначают уверенность в том, что дело обстоит именно таким образом.

Сема уверенности содержится также в глаголе *бодо* = ‘считать, полагать’.

Например: *Јаш фельдшерден болгой бастыра јуиттерде де ондый санаа јок деп Аба бодоп јат* (БУ, СлО, 45) ‘Аба считает, что не то что у молодого фельдшера, но и у всей молодежи нет таких мыслей’. Такого рода высказывания уместны в ситуациях, когда в поле зрения субъекта нет никаких фактов, которые бы им противоречили.

Глаголы *санан* = ‘думать’, *шүўй сок* = ‘решить, прийти к решению’ обозначают лишь предположения.

Например: *Эзенай фермада эл-јон оны кыйа көрөр деп сананган* (СМ, АК, 202) ‘Эзенай думала, что люди на ферме будут смотреть на нее косо’; *Балдарды көрөлө, Арина олоз горюдока баштапкы катап келген деп шүўй сокты* (И) ‘Увидев детей, Арина предположила, что они приехали в город впервые’. Данные примеры выражают гипотетические суждения. В них человек утверждает, что соответствующее событие или положение дел имеет достаточно высокую вероятность. Вероятностное суждение вполне совместимо с допущением возможности ошибки.

2) Наличие квалификации (оценки, интерпретации, классификации) объекта, о котором идет речь, со стороны субъекта мысли. Глаголы *ондо* =, *аайла* = ‘понимать’ и *көр* = ‘смотреть, видеть’ вводят только квалифицирующие суждения, в которых какой-то объект определенным образом оценивается, интерпретируется или классифицируется.

Бу аттарды јүдек деп көрбөгөр (ЖК, КТ, 385) ‘Не считайте этих копей плохими’; *Кажы ла кижы јүрүмди бойынын билери аайынча ондоп јат* (ЛК, ЛП, 8) ‘Каждый человек расценивает жизнь по своему опыту (знаниям)’.

Остальные же глаголы (*бодо* = ‘считать, полагать’; *бил* = ‘знать’; *санан* = ‘думать’; *шүўй сок* = ‘считать, предположить’) могут вводить и квалифицирующие суждения, и просто констатирующие какое-то положение вещей.

3) Признак носит грамматический характер. Глагол *бил* = ‘знать’ не формирует значение ‘иметь, составить мнение’ в прошедшем времени. Глаголы *ондо* =, *аайла* = ‘понимать’ формируют указанное значение в прошедшем времени только в сочетании со вспомогательным глаголом *кал* = ‘оставаться’: *Олордын ортозында јылу сезимдер бар деп ондоп / аайлап калдым* (И) ‘У меня сложилось мнение, что между ними теплые отношения’. В глагольном сочетании *шүўй сок* = второй составной компонент *сок* = в функции вспомогательного глагола придает значению основного глагола оттенок «внезапности совершения действия», и для данного сочетания характерно выражение значения в прошедшем времени. Остальные же глаголы (*санан* = ‘думать’, *бодо* = ‘считать, полагать’, *көр* = ‘смотреть, видеть’) в этом значении в прошедшем времени не указывают

на какие-либо ограничения в сочетаемости, кроме тех, которые свойственны для всего синонимического ряда (*отур*=, *тур*=, *јат*=, *кал*=).

4) Наличие-отсутствие непосредственного восприятия ситуации, являющейся предметом мысли. Глаголы *бодо*= ‘считать, полагать’, *санан*= ‘думать’, *бил*= ‘знать’, *ондо*=, *айла*= ‘понимать’ и глагол *шүүй сок*= ‘составить мнение’ допускают возможность создания определенного мнения заочно – на основании той информации о предмете мнения, которая была говорящему так или иначе сообщена, а для *көр*= ‘смотреть, видеть’ необходимо непосредственное восприятие или созерцание объекта, предшествующее формированию мнения или протекающее одновременно с ним.

По значению ‘понимать’ в один синонимический ряд объединяются глаголы *ондо*= ‘понимать’, *айла*= ‘понимать’, *бил*= ‘знать’, *көр*= ‘смотреть, видеть’. Глаголы *ондо*= ‘понимать’ и *айла*= ‘понимать’, будучи собственно глаголами понимания, обладают всеми признаками, позволяющими признать их абсолютными (точными) синонимами. Взаимозаменяемость этих глаголов в предложении не ведет к изменению смысла предложения: *Мынан ары бу койлорды бу ла угыла өскүрзе, јаан јеткерге келерин ондоп / айлап алдым* (АЕ, СК, 38) ‘Я понял, то, что если овец разводить дальше по той же породе, придет беда’.

Глаголы *көр*= ‘смотреть, видеть’ и *бил*= ‘знать’, выражая значение ‘понимать’, каждый привносит дополнительный оттенок, нюанс, который в семантическом плане противопоставляет их собственно глаголам понимания.

Глагол *бил*= ‘знать’ выражает значение ‘понимать’ при наличии у адресата предварительной информации о сообщаемой ситуации. В силу этого отмечается оттенок большей уверенности субъекта в правильности понимания, тогда как о собственно глаголах понимания *ондо*= и *айла*= этого сказать нельзя.

Сравним следующие примеры: *Јаан кижинин айтканын ондоп / айлап ийдим* (АЕ, СК, 61) ‘Я понял то, что сказал пожилой человек (уяснил смысл, содержание сказанного в момент восприятия)’. Если в этом же предложении заменить глаголы *ондо*= / *айла*= ‘понимать’ на *бил*= ‘знать’, то предложение приобретает иной оттенок: *Јаан кижинин айтканын билеп ийдим*. В последнем предложении глагол *бил*= ‘знать’ привносит в понимание субъектом некоторой ситуации предварительное знание, информацию о подобной ситуации, то есть субъект некогда был участником или свидетелем подобного рода ситуации.

В глаголе *көр*= ‘смотреть, видеть’ в значении ‘понимать’ интеллектуальная сема оказывается слитной со зрительной семой: *Уй саачылардын айалгазын көрүп, кижини канайып болушпас* (СМ, АК, 25) ‘Понимая (видя) положение доярок, как не поможешь’.

Субъект при всех глаголах синонимического ряда ‘понимать’ – существительное одушевленное (человек или животное). В объектной же направленности наблюдаются некоторые отличия.

Значение **‘догадываться, сообразить, напасть на правильную мысль’** регулярно выявляется в семантических структурах глаголов *ондо*= ‘понимать’, *айла*= ‘понимать’, *бил*= ‘знать’. К ним примыкает глагол *сес*= ‘чувствовать’, который содержит в себе компоненты, связывающие мыслительный процесс с ощущениями, чутьем, интуицией. В данном случае глаголы можно рассматривать как квазисинонимы с пересекающимися значениями.

Примеры: *Бу турлуны көргөн лө кижги мында койлор кыштан турган деп билип ийер* (ЖК, КТ, 127) ‘Кто увидит эту стоянку, сразу сообразит, что здесь зимуют овцы’; *Сен меннен не керегинде суарга турганынды мен айлап / ондоп турум* (И) ‘Я догадываюсь о чем ты хочешь у меня спросить’; *Айландыра отурган улус канайып та, байла, Фатиманын чырайынан ла үнинен онын айтканын чып ла чын деп сескилеп ийдилер* (БУ, СлО, 235) ‘Вокруг сидящие люди как-то, наверное, по лицу и голосу Фатимы догадались, что то, что она сказала, правда’.

Значение **‘иметь намерение, решить что-л. делать’** содержится одновременно в семантических структурах глаголов *санан*= ‘думать’, *шүү*= ‘мыслить’, *бил*= ‘знать’. К этому же ряду примыкают производный глагол от *шүү*= ‘мыслить’ – *шүүн*= ‘решить’ и устойчивые глагольно-именные сочетания, именным компонентом которых является производное существительное от глагола *шүү*= ‘мыслить’ – *шүү=лте* ‘мысль, решение’. Это следующие сочетания: *шүү=лте эт*= ‘сделать заключение, решить’, *шүү=лтеге кел*= ‘прийти к заключению, решить’. Общей для *санан*= ‘думать’, *шүү*= ‘мыслить’ и *шүүн*= ‘решить’ является конструкция *Тү -ар + деп*, в сочетании с которой они реализуют данное значение; кроме того, общей для них нормой является свойственная для выражения этого значения сочетаемость со вспомогательным глаголом *ал*=, обозначающим «действие, совершенное в свою пользу». Различие между единицами данного синонимического ряда связано с признаком «характер намерения»: для *шүү*= ‘мыслить’, *шүүн*= ‘решить’ и сочетаний *шүү=лтеге кел*= ‘прийти к заключению, решить’, *шүү=лте эт*= ‘сделать заключение, решить’ характерно твердое намерение, решение, а *санан*= ‘думать’ предполагает лишь возможность, вероятность.

Например: *Омёлик нөкөрин жүктенип барактен апарар деп шүүди* (СМ, АК, 176) ‘Омёлик решил отнести своего друга в барак на спине’; *Барчий иштинг бичигин келме де көргүспес деп шүүнип алды* (АЕ, СК, 55) ‘Барчий решил никому не показывать трудовую книжку’. *Олор бүгүн ле энгирде атанар деп шүүлтеге келдилер / шүүлте эттилер* (И) ‘Они решили выехать сегодня же вечером’. Из этих примеров ясно видно, что субъект не сомневается в своем решении; оно обязательно воплотится в дей-

ствие, если не появятся причины, которые бы противоречили его осуществлению, а о примерах с глаголом *санан* = ‘думать’ этого сказать нельзя. Если в одном из выше рассмотренных примеров заменить *шүү* = ‘мыслить’, *шүүн* = ‘решить’, *шүүлтеге кел* = ‘прийти к заключению, решить’ и *шүүлте эт* = ‘сделать заключение, решить’ на глагол *санан* = ‘думать’, смысл предложения частично изменится.

Например: *Олор тойды жайга кбчүрер деп санандылар* ‘Они предложили перенести свадьбу на лето’. Глагол *санан* = ‘думать’ привносит в предложение оттенок вероятности, предположительности, возможности принятия иного решения.

Глагол *бил* = ‘знать’ выражает это значение, выступая в форме повелительного наклонения: *Бу ишти кемге жакыйтанын бойыгар билгер* ‘Сами решайте, кому поручить эту работу’; *Мен сеге нени де айдып болбозым, бойың ла бил, ол ишке киреринг бе, жок по* (И) ‘Я ничего не могу тебе сказать, сам решай, будешь устраиваться на ту работу или нет’.

Таким образом, мы рассмотрели синонимические ряды, выявленные на основе совпадения отдельных ЛСВ в рамках ЛСГ мыслительной деятельности. Каждый из синонимов того или иного синонимического ряда привносит в общее значение какой-то свойственный именно ему и противопоставляющий его другим синонимам признак. Мы показали, что синонимы, обозначая одно и то же понятие, не только сходятся, но и расходятся в этом своем обозначении. Это различие часто проявляется в невозможности полной замены одного синонима другим во всех случаях их сочетаемости с другими словами: у одного слова более широкий, у другого более узкий круг лексической сочетаемости.

Библиографический список

1. Евгеньева А. П. Основные вопросы лексической синонимии // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М., Л.: Наука, 1966. С. 29.
2. Черняк В. Д. Синонимические связи слов в лексической системе русского языка. СПб: Нева, 2010. 388 с.
3. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Обозначение текстовых источников

- АЕ СК – А. Ередеев. Салымнын кўрмеги. Горно-Алтайск, 1989.
АЧ – Алтайдын Чолмоны.
БУ СлО – Б. Укачин. Сүүш ле Өштөжү. Горно-Алтайск, 1984.
ВТ К – В. Тоенов. Кайыгаш. Горно-Алтайск, 1984.
ЖК КТ – Ж. Каинчин. Карган тыт. Горно-Алтайск, 1994.
И – Информант
ЭП БЭ – Э. Палкин. Бичигенер жакшы, Эрте. Горно-Алтайск, 1997.
СМ АК – С. Манитов. Аш кылгада. Горно-Алтайск, 1982.

ЛЕКСИКА ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматривается лексика отрицательной характеристики человека в бурятском языке с условной дифференциацией на пять групп, основой для выделения которых послужили как собственно эмоциональные проявления, физические и умственные способности, так и характеристика человека через его отношение к тем или иным предметам и явлениям. Результаты исследования будут полезны при разработке общей лексикологии бурятского языка и практической лексикографии.

Ключевые слова: бурятский язык, характеристика, оценка, негативная характеристика, эмоции.

В одной из предыдущих работ мы рассмотрели особенности выражения положительной характеристики человека [4], в настоящей статье будут подвергнуты исследованию лексические средства (прилагательные) отрицательной характеристики человека.

В данном тематическом направлении имеются работы А. А. Добриной [1], О. А. Мордвиной-Щодро [2], Н. В. Тереховой [3] и др.

Отрицательная характеристика человека может быть дифференцирована по следующим группам: «злоба, гнев, агрессия», «отношение к духовным ценностям», «отношение к материальным ценностям», «отношение к труду», «физические способности», «умственные способности».

В группе «злоба, гнев, агрессия» рассматриваются такие лексемы и сочетания, как *ууртай*, *сухалтай* ‘сердитый, гневный’, *хэрзэгы* – ‘жестокый’, *тамир татуу* ‘нелюдимый’. В группе «отношение к духовным ценностям»: *хальхай* ‘развратный, распутный’, *мэхэиэ*, *худалша* ‘лживый, обманчивый’, *урбагша* ‘предатель’ (в бур. яз. данное слово является прилагательным), *шэрүүн*, *хатуу* ‘черствый’, *өөдэгүй*, *ялигүй* ‘ничтожный’ и т. д. В группе «отношение к материальным ценностям»: *хармуу*, *харуу* ‘скупой’, *хомхой* ‘жадный’, *хулгайша* ‘вороватый’, *хобдог* ‘ненасытный, алчный’ и др. В группе «отношение к труду» – *залхуу* ‘ленивый’. В группу «физические способности» входят слова *нула* ‘слабый’, *шалгалгүй* ‘бессильный’, *ахир* ‘немошный, беспомощный’, *хашан* ‘медлительный, неповоротливый»; в группу «умственные способности» – *ухаагүй* ‘недалекый, безмозглый’, *тэнэг* ‘глупый’, *зунтэг* ‘выживший из ума».

Данные слова-характеристики распространены как в разговорной речи, так и в художественной литературе. В последней они играют большую роль в персонализации героев, прорисовке их характеров, а в жанре соцреализма еще и в классовой дифференциации.

Библиографический список

1. Добринина А. А. Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека: в сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Новосибирск, 2006. 193 н.
2. Мордвина-Щодро О. А. Антонимо-синонимические блоки прилагательных, называющих черты характера человека: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2007. 272 н.
3. Терехова Н. В. Семантико-функциональный анализ имен прилагательных со значением «характер человека» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Махачкала, 2002. 156 н.
4. Цыренов Б. Д. Хүнийн хайн ба муу талааа зураглаан зарим тэмдэгэй нэрэнүүд [Некоторые заметки о положительной и отрицательной характеристике человека в бурятском языке] // Актуальные проблемы монголоведения и тюркологии. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 84–89.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00080.

© Цыренов Б. Д., 2020

УДК 811.511.22

Б. Д. Цыренов

ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ В БЫТОВОЙ ЛЕКСИКЕ СОЙОТСКОГО ЯЗЫКА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

В докладе освещаются вопросы этимологического характера бытовой лексики в сойотском языке. Материалом для анализа послужили данные из трёхязычного и двуязычного словарей В. И. Рассадина.

Ключевые слова: сойоты, сойотский язык, бытовая лексика, словарь, языковые контакты.

Сойоты – один малочисленных народов России, представители которого проживают на территории Окинского района Республики Бурятия [4, с. 4]. По данным Всероссийской переписи населения, в России проживает 3608 сойотов, из них в городских округах – 255 чел. (112 мужчин, 143 женщины), в сельской местности – 3353 чел. (1658 и 1695, соответственно) [1].

По признанию проф. В. И. Рассадина, история сойотов недостаточно изучена. Как он отмечает, этнограф Л. Р. Павлинская происхождение данного этноса связывает с саянскими самодийскими племенами, подвергшимися тюркизации в древнетюркское время, а возможно и ранее [4].

Относительно немногочисленный этнос находился в постоянном тесном контакте с другими этносами, перенимая от них особенности хозяйства и быта, заимствуя названия реалий. Это, прежде всего, скотоводческая лексика, лексика домашнего обихода.

Лексика сойотского языка отражена в двух словарях, составленных В. И. Рассадиным, – «Сойотско-бурятско-русском словаре» [2] и «Сойотско-русском словаре» [3]. Последний словарь представляет собой дора-

ботанное переиздание первого с исключением бурятской части. Данные словари послужат источником для выявления лексических элементов, проникших в сойотский язык из монгольского / бурятского языков.

Библиографический список

1. Всероссийская перепись населения. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 11.04.2020).
2. Рассадин В. И. Сойотско-бурятско-русский словарь. Улан-Удэ, 2003. 180 с.
3. Рассадин В. И. Сойотско-русский словарь. М., 2006. 207 с.
4. Рассадин В. И. Язык сойотов Бурятии. Элиста, 2012. 154 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00258.

© Цыренов Б. Д., 2020

УДК 81'373; 001.4

М. Д. Чертыкова

ЛЕНЬ И НЕЖЕЛАНИЕ ДЕЙСТВОВАТЬ: ХАРАКТЕРИСТИКА, ГРАНИ И ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ

Статья посвящена лингвокультурологическому описанию разноуровневых лексем со значением «лень» и «нежелание действовать» на материале хакасского языка. Исследуемое концептуальное пространство представляет собой сложную и неоднородную систему. Внутри него мы выделяем две взаимосвязанные и взаимодополняющие модели языковых единиц: а) лень, как свойство характера человека; б) нежелание действовать, как временное состояние человека. Лексические единицы, представляющие эти модели на коммуникативно-прагматическом уровне, имеют как общие, так и отличительные семантико-когнитивные особенности.

Ключевые слова: концептуальное пространство, лень, нежелание действовать, семантика, модель, хакасский язык.

В статье представлены результаты лингвокультурологического описания разноуровневых лексем концептуального пространства «лень» и «нежелание действовать». Материалом исследования являются языковые данные, собранные из литературных и фольклорных источников хакасского языка.

Лень, с одной стороны, представляет собой постоянное свойство человеческой природы, а с другой, – временное состояние человека, у которого нет достаточной мотивации тратить энергию и силу для совершения того или иного действия. «... Лень отличается от нежелания совершить действие тем, что осознаётся как некоторое особое состояние (ср. голод vs) желание есть» [1, с. 106]. Соответственно, в языковом выражении содержание лексем со значением лени имеет сложную многослойную

структуру, однако названные признаки семантики лени уточняются при реализации в контексте.

Таксономическую неоднозначность понятия «лень» можно проследить на примере интерпретации базовой лексемы со значением лени *аргаас*, представленной в Хакасско-русском словаре: *аргаас* 1) лень; 2) лодырь, лентяй; *аргаасха кун узун* ‘для лентяя день бесконечный’; *аргаас тогынарга хынминча* ‘лодырь не хочет трудиться’; 3) ленивый; *аргаас кизи* ‘ленивый человек’; *аргаас полба* ‘не будь ленивым’; [*аргаас ардатча, кудук азырапча* посл. ‘лень портит, а проворство кормит’ [2, с. 74]. В данной словарной статье субстантивные варианты понятия лени и ленивого [человека] выражают постоянное качество человека. Однако при сочетании с объектным инфинитивом лексема *аргаас* может расширять семантику в плане отражения ситуативных и временных структур. В данном случае она обозначает состояние расслабленности субъекта: *тогынарга аргаас* ‘лень работать’, *кинде хыгырарга аргаас* ‘лень читать книгу’ и т. д. Также действует глагол, образованный от *аргаас* при помощи глаголообразующего аффикса **-тан-**: *аргаастан-* ‘лениться, лодырничать’; *аргаастанып тогынминча* ‘[он] не работает из-за лени, лодырничает’; *парарга аргаастанча* ‘[он] ленится идти’; *оолах үгренерге аргаастанча* ‘мальчик ленится учиться’. Коммуникативно-прагматический аспект фоновых знаний о ситуации, выражаемый глаголом **аргаастан-** ‘лениться, лодырничать’, допускает, что субъект, возможно, и не ленив, но только в данной ситуации или временном отрезке времени, считает нецелесообразным совершение именно данного действия: *яблаха хазарга аргаастанарга* ‘лениться копать картошку’; *концертке парарга аргаастанарга* ‘лениться пойти на концерт’; *чоохтазарга аргаастанарга* ‘лениться разговаривать’ и т. д. Также на тему лени в хакасском языке активно используются фразеологизмы, словосочетания, синтаксические структуры и клише, субстантивы: *иринчек* ‘лентяй; ленивый’; *ынанмас* ‘ленивый; лентяй, лодырь’; *холы хысха* ‘руки коротки (что-либо делать)’; *тогынарга хынмас* ‘не любящий работать’, *хыймыхтабас / хыймыранмас* ‘не шевелящийся’ и др. Во всех этих номинациях прослеживается принцип субъективно-оценочного и осуждающего характера. К тому же семантика лени часто граничит с близлежащими понятийными слоями, например, с медлительностью, нерасторопностью и бестолковостью. А фоновые знания о нежелании субъекта действовать включают физиологические, эмоциональные и рациональные признаки.

Отличительным условием рассматриваемых лексем является временной фактор: лень, как свойство характера, постоянно, а нежелание действовать является временным явлением. Также основным способом уточнения дифференциальных признаков в семантике лексем со значением «нежелание действовать» является сочетание с глаголом – инфинитивом, указывающим на конкретное действие.

Библиографический список

1. Левонтина И. Б. Ното ригер // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 105–114.
2. Хакасско-русский словарь = Хакас–орыс сөстiгi (около 22 тыс. слов) / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков [и др.]; под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-012-00080 по теме «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)».

© Чертыкова М. Д., 2020

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО И ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ

УДК 811.512.122

А. К. Алтаева, Р. С. Амир

СТРУКТУРНОЕ, ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются основные активные типы сложных предложений в тюркских языках – особенности их организации, функции, их взаимодействие путем контаминации. Показано средство контаминации – связывающие повторы. Оппозиция определена на сугубо грамматических, строевых признаках, а не на семантических. В тюркологии разграничительное познание сложных предложений как сочинительных и подчинительных считалось, видимо, достаточным, а их структурное, функциональное взаимодействие оставалось вне внимания.

Ключевые слова: *сложносочиненные, сложноподчиненные, бессоюзные предложения; контаминация; сегментная, нанизанная передача связи компонентов сложного суждения; связывающие повторы.*

В структурной организации сложных предложений тюркских языков обнаруживается два основных типа. Первый тип – сложные предложения, компоненты которых имеют сказуемые-глаголы в личной (финитной) форме. Второй – сложные предложения, в которых один из компонентов имеет сказуемые, выраженные глаголами в неличной форме. Первые называются сложносочиненными, вторые – сложноподчиненными предложениями. В казахском языкознании сложносочиненные и сложноподчиненные предложения однозначно подразделены по указанным грамматическим признакам [1; 6; 7]. Однако в ряде трудов по другим тюркским языкам в состав сложноподчинённых конструкций включаются союзные сложные построения, адекватные по семантике союзным предложениям, отнесенные в русском языкознании к сложноподчиненным [2; 3; 5].

Тем не менее, все тюркологические исследования представляют как основную составляющую структуру сложноподчиненных предложений конструкции со сказуемым глаголом в неличной форме: «Неличные формы являются базой сложных развернутых конструкций во всех тюркских языках» [4, с. 73].

Отмечается также, что именно конструкции со сказуемыми-глаголами в неличной форме отражают исторический процесс формирования

сложноподчиненных структур в тюркских языках. Этот процесс протекает как «образование сложных предложений путем усложнения и обогащения простого предложения на почве развития его отдельной части или трансформации определительных групп в предикативные, или, наконец, возникновения подлежащего в деепричастных обстоятельственных оборотах простого предложения – это путь вычленения зависимого предложения в недрах независимого» [8, с. 126].

Из всего изложенного можно сделать вывод, что в языковом сознании тюркских народов разграничение типов сложных конструкций основывается на оппозиции «сложные конструкции со сказуемыми-глаголами в личной форме – сложные предложения со сказуемыми-глаголами в неличной форме». Оппозиция определена на сугубо грамматических, строевых признаках, а не на семантических. Как будет показано нами в дальнейшем, функциональное разграничение их также идет на этом рубеже. В тюркологии разграничительное познание сложных предложений как сочинительных и подчинительных считалось, видимо, достаточным, а их структурное, функциональное взаимодействие оставалось вне внимания. Между тем интересно было проследить общее и различное в семантическом отношении, выражаемые сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями. И здесь оказалось, что обе группы сложных конструкций выражают одинаковый круг синтаксических связей между компонентами: соединительное, противительное, причинное отношения выражаются соответствующими конструкциями как в ряду сложносочиненных, так и в ряду сложноподчиненных структур.

Считалось, что соединительные связи являются уделом соединительных сложносочиненных (ыңғайластық салалас құрмалас сөйлемдер) предложений. Углубленный анализ языковых фактов показал, что соединительные связи могут выражаться в казахском языке и сложноподчиненными конструкциями, образованными деепричастной формой на -п, -й. Напомним, что деепричастная форма на -п, -й названа в грамматиках соединительным средством, указывающим на последовательность в содержании компонентов.

Приведем семантически соответствующие сложносочиненные, сложноподчиненные конструкции в их сравнении. Сложносочиненные предложения (со сказуемыми-глаголами в личной форме):

1. Соединительные предложения с союзами *және, сонан соң, әрі, да, де*.
2. Противительные предложения с союзами *бірақ, әйткенмен* и др.
3. Предложения, выражающие причинные связи, с союзами *сондықтан, сол себептен* и т. д.

Сложноподчиненные предложения (со сказуемыми-глаголами в неличной форме):

1. Соединительные предложения, организованные деепричастием на -п, -й.

2. Противительные предложения, организованные формами *-са да*, *-ғанмен*.
3. Предложения, выражающие причинные связи, организованные формами *-ғандықтан*, *-ған соң* и др.

Исключением являются разделительные отношения, выраженные только сложносочиненными образованиями. При таком положении дел возникла необходимость установить статистические показатели в использовании носителями языка этих типов предложений. Статистический анализ выявил итог довольно интригующий. Нами было подсчитано употребление сложносочиненных и сложноподчиненных предложений на 5 страницах романа «Абай жолы» М. О. Ауэзова (первая книга, с. 5–10): сложносочиненные предложения – 6, сложноподчиненные – 13. Более объемный текст подтвердил этот характер в статистике. Было взято на рассмотрение 50 страниц этой же книги: сложносочиненных предложений оказалось 12, сложноподчиненных – 92.

Предпочтительность в использовании сложноподчиненных конструкций объяснить непросто. Хронологически сложносочиненные предложения сформировались первыми и в речевой обиход вошли тоже раньше. Поэтому они должны были бы занять предпочтительную позицию в речевой практике. Однако на выход сложноподчинительных конструкций на первую функциональную позицию повлиял следующий доминирующий фактор в жизни носителей языка – стереотип, связанный с правилами познавательной деятельности – в познании идти от предыдущего явления или события к последующему и соответственно устанавливать связь между ними. Сложноподчиненные конструкции в тюркских языках строятся исходя из связи предыдущего компонента с последующим. Эта связь осуществляется соответствующими формами сказуемых компонентов. Характер этих форм отличается от личных (финитных форм), которые досконально изучены и описаны в тюркологии. Способ выражения сложного суждения, осуществляемого сложноподчиненной конструкцией, мы назвали нанизанным (линейным) выражением.

Сложносочиненные предложения в тюркских языках несут иную функциональную нагрузку. Компоненты объединяются в сложносочиненные конструкции, когда говорящий желает представить события или явления входящими в относительной отдельности, т. е. сегментно. Такое выражение сложного суждения основывается на установившемся коммуникативном выборе. И этот коммуникативный выбор мы называем стремлением к сегментному представлению содержательных компонентов сложной конструкции. Таким образом, выбор в функционировании названных типов сложных синтаксических образований определяется стремлением говорящего представить суждение в разных ракурсах.

Как показывают факты казахского языка, эти два коммуникативных выбора в тюркских языках существуют не только в выражении разными

видами сложных предложений, но также они часто могут контаминироваться. Организация контаминации и особенности ее употребления, к сожалению, не были объектом специального исследования в тюркологии.

Приведем примеры подобной контаминации в следующем предложении: *Алтай тауының бір қуысына Мэлс өз қалауымен келді, келгенмен туған елі есіне түсе беретін.* (Ә. Асқар). Данная конструкция состоит из двух компонентов, каждый из которых оформлен личной формой сказуемых:

- 1) *Алтай тауының бір қуысына Мэлс өз қалауымен келді;*
- 2) *туған елі есіне түсе беретін.*

Между компонентами существует противительная связь, поэтому мы относим подобные предложения в ряд сложносочиненных конструкций с противительным значением. Согласно основным правилам связи, компоненты должны быть объединены союзом: *Алтай тауының бір қуысына Мэлс өз қалауымен келді, келгенмен туған елі есіне түсе беретін.* (Ә. Асқар). Но говорящий (автор) предпочел другой способ выражения противительного отношения. Он использовал в качестве способа связи повтор сказуемого первого компонента, придав ему форму сказуемого подчиненного компонента в сложноподчиненной конструкции с противительным значением *-кел -ген -мен*. Названное содержание могло быть выражено более специальным, экономичным сложноподчиненным предложением: *Алтай тауының бір қуысына Мэлс өз қалауымен келгенімен, туған елі есіне түсе беретін.*

В большинстве случаев сложные конструкции в казахской речи строятся в отдельном избрании сочинительной и подчинительной связи. Их выбор определяется коммуникативным стремлением выразить сложное суждение в нанизанном (линейном) или сегментном представлении.

Но, как показывают факты казахской речи, в тюркских языках установлен и третий коммуникативный выбор и, соответственно, третий способ – контаминированное построение сложного предложения. Контаминированное сложное предложение совмещает сегментный и нанизанный характер передачи сложного суждения. Так предложение: *Мэлс Алтай тауының бір қуысына өз еркімен келді, келгенмен туған елі есіне түсе беретін*, обладает следующими особыми признаками:

- 1) оба компонента имеют сказуемые в личной форме, что обеспечивает их сегментное представление;
- 2) семантическая их связь выражается связывающим повтором – от сказуемого первого компонента (келді – келгенмен). Повтор представляется союзом;
- 3) связывающий повтор в форме сказуемого придаточного компонента (келгенмен) вносит присутствие нанизанной связи.

Образование, созданное по аналогии с формами сказуемого подчиненного компонента, служило средством грамматической связи, они передавали отношение между компонентами. Мы их назвали *связывающими*

ми повторами. Конструкции, в организации которых участвуют связывающие повторы, относятся к ряду сложносочиненных. Таким образом, можно сказать, что средством связи сложносочиненных предложений являются интонация, союзы и связывающие повторы.

Подытожим изложенное в статье.

Выделение сложносочиненных и сложноподчиненных предложений отражают главенствующие типы этих конструкций в тюркских языках.

В тюркских языках существует единый признак распознавания этих типов сложных предложений. Для сложносочиненных конструкций характерна организация компонентов со сказуемым в личной (финитной) форме, для сложноподчиненных конструкций – участие компонента со сказуемым в неличной (нефинитной) форме.

Названные основные типы сложных предложений в тюркских языках и в тюркском языковом сознании привязаны к определенным (главным в этой сфере) коммуникативным функциям – сегментной или нанизанной передаче сложного суждения.

Библиографический список

1. Байтұрсынұлы А. Тіл құрал. Сөйлем жүйесі мен түрлері. III. Тіл танытқыш құрал // Байтұрсынұлы А. Тіл тағлымы. Алматы, 1992.
2. Баскаков Н. А. Сложные предложения в каракалпакском языке. // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. III. Синтаксис. М.-Л.: Наука, 1961.
3. Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М., 1975.
4. Грунина Э. А. О роли неличных форм глагола в конструкции сложноподчиненного предложения в тюркских языках// Тюркско-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960.
5. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960.
6. Қазақ грамматикасы. Алматы, 2002.
7. Сауранбаев Н. Т. Қазақ тіліндегі құрмалас сөйлемдер жүйесі. Алматы, 1948.
8. Севортян Э. В. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. III. Синтаксис. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

© Алтаева А. К., Амир Р. С., 2020

УДК 811.512.153

И. Н. Боргоякова

ИМЕННАЯ ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ХАКАССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты семантико-когнитивного анализа эмотивных слов, используемых в хакасском поэтическом дискурсе. Рассмотрены группы имён существительных, прилагательных, а также субстантивированных имён, в максимальной степени маркированных субъективно-авторским видением мира. Репрезентация в поэтической речи эмоциональных переживаний и состояний отражает определённую систему мировоз-

зренческих представлений как отдельной языковой личности, так и хакасского народа в целом.

Ключевые слова: эмоция, поэтический дискурс, именная лексика, хакасский язык.

Одним из наиболее ярких и важных аспектов человеческой деятельности являются эмоции, проявляющиеся во взаимоотношениях человека с окружающим миром. Эмоции – есть переживание каких-либо определённых процессов и состояний человеком (а также другими живыми существами): радости, удовольствия, страха, волнения, любви, храбрости, ненависти и т. д. Соответственно, все эти формы эмоциональной деятельности получают отражение в языке. В лингвистике данной тематике посвящены работы В. Ю. Апресян [1], А. А. Зализняк [2], Ю. М. Малинович [3] и др. В хакасском языкознании глагольная лексика со значением эмоций исследована в работах М. Д. Чертыковой [4; 5; 6 и др.].

Мы в своей статье представим результаты описания эмотивной лексики, используемой в поэтической речи. В качестве фактического материала послужили именные лексемы со значением эмоции, собранные методом сплошной выборки из произведений хакасских поэтов. Отметим, что поэтический дискурс является наиболее сложным аспектом языковой концептуализации, поскольку связан с «неконсервированным» характером языка и индивидуально-авторским аспектом словотворчества поэтической личности. Однако, при этом могут сохраняться национальные черты, свойственные для мировоззрения конкретного этноса. М. Д. Чертыкова отмечает также другую стилевую особенность данного феномена: «В поэтическом дискурсе наиболее ярко актуализируется метафора, как расширенный вариант взаимодействия креативно-творческих возможностей языка и индивидуально-авторского мышления» [7, с. 205].

Как показал наш материал, для выражения эмоционального переживания и состояния хакасские поэты в своём творчестве используют именные лексемы (существительные, прилагательные, субстантивы) различной семантики. Однако среди них преобладают лексемы со значением отрицательной эмоции. Как известно, под именной лексикой понимается лексический слой словарного состава, выполняющий называющую, характеризующую и другие функции. В нашем случае мы рассматриваем эмотивные слова, представляющие такие части речи, как существительные, прилагательные, а также имена, в зависимости от смысловых связей подвергающиеся процессу субстантивации (субстантивированные имена). В ходе анализа семантико-когнитивного анализа эмотивных именных лексем нами выявлены следующие их особенности:

а) существительные: *хыныс* «любовь», *кӱӧленіс* «любовь, влюблённость», *ӱрніс* «радость», *погдархас* «гордость», *паарсас* «доброжелательное отношение к кому-либо», *иркелес* «ласка», *хомзыныс* «печаль», *ачырғас* «огорчение, досада», *чобаг* «горе», *хорғыс* «страх», *сагыныс*

«скука» и т. д. Примеры: *Хыныс чідір салган / Чой оолагас...* (Паин Саа, с. 104) – Потерял любовь / Лживый мальчик.... . *Чүрекке толча поздархас / Туган-туусхан пілізербіс* (Казачинова, с. 52) – Сердце наполняется гордостью / Мы будем родниться. *Чарых от көргөпчөм мин харазын, / Чобагда көргөпчөм үлүкүннi...* (Паин Саа, с. 12) – Ночью [я] высматриваю свет, / А в горечи высматриваю праздник.

Существительные, как выполняющая назывную функцию языковая категория, в поэтической речи способствуют точному выражению мыслей, насыщению текста эмоциональной окраской. В структурном же отношении существительные в предложении обладают широкими регулятивными возможностями;

б) прилагательные: *ырыстыг* «счастливый», *чалахай* «веселый», *өрчліг* «веселый», *чобаглыг* «печальный», *сүрдестіг* «горестный», *ачыныстыг* «милый» и т. д. Примеры: *Саблас сагаа, төрткен Чир-суум, / Алгыс сагаа, ырыстыг наа чылнаң* (Кильчичаков, с. 31) – Слава тебе, [моя] Родина, / Благодарю тебя, со счастливым новым годом. *Угаа ачыныстыг сырай / Минзер сөрөн көрче* (Казачинова, с. 29) – Очень милое лицо / Холодно смотрит на меня. *Сүрдестіг хырых пір чылда / Военкомат хыгыртиши пабамда* (Казачинова, с. 29) – В горестном сорок первом году / Повестка от военкомата у отца.

Роль прилагательных в поэтической речи определяется их способностью к составлению самых сложных эпитетов, усилению эмоциональной окраски и «оживлению» образов воспринимаемых объектов;

в) субстантивированные имена: *сіліг* «красиво; красивый; красота», *өкер* «красиво; красивый; красота», *чалахай* «весело; веселый; веселье; весельчак», *абахай* «красивый; красота», *ачыг* «горько; горький; горечь» и т. д. Примеры: *Өкерні өөрледіп көгленім / Өкіс, өзелгенге ачаан* (Баинов, с. 4) – [Я], воспевая красоту, / Жалел страдальца и сироту. *Алнынзар узарадам чолымны / Ах чарых сіли хай парды?* (Казачинова, с. 24) – [Я] буду продолжать свой путь, / Куда же делась красота Вселенной? *Ал пардың, я, хынызымны – / Ачии істімде түүл халды* (Казачинова, с. 24) – [Ты] забрал мою любовь, [её] горечь осталась в моей душе. *Хоостаан осхас чалахай, / Чапсырган осхас абахай* (Казачинова, с. 82) – Рисовал, оказывается, весельчак, / Kleила, оказывается, красавица.

В тюркских языках субстантивированная лексика «представляет собой развитую в семантическом и грамматическом плане лексическую сферу» [8, с. 123]. За основу их разграничения принимается сочетаемостный критерий.

Поэтический дискурс хакасского языка представлен разнообразной речью эмоционального типа, украшенной в максимальной степени субъективно-авторским отношением к явлениям, событиям и образам окружающей действительности. Тем самым в стихотворном творчестве эмоциональная нагрузка на каждое отдельное слово достигает максимальной

интенсивности и экспрессивности. Репрезентация в поэтической речи эмоциональных переживаний и состояний отражает определённую систему мировоззренческих представлений как отдельной языковой личности, так и хакасского народа в целом. Считаем, что затронутая нами тема в хакасской лексикологии и лингвокультурологии является актуальной и перспективной.

Библиографический список

1. Апресян В. Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (20). М.: Языки славянской культуры. 2010. С. 26–57.
2. Зализняк Анна А. О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 101–119.
3. Малинович Ю. М. Семисфера внутреннего мира человека // Внутренний мир человека: семантические константы / отв. ред. М. В. Малинович. Иркутск: Антропологическая лингвистика, 2007. С. 12–58.
4. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением эмоции в хакасском языке: парадигматика и синтагматика. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова». 2015. 160 с.
5. Чертыкова М. Д. Хакасская обиды в зеркале эмоциональной картины мира // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 216–228.
6. Чертыкова М. Д. Межсловные и внутрисловные семантические оппозиции в системе эмотивной глагольной лексики в хакасском языке // Репрезентация оппозитивности в хакасском языке / Т. Г. Боргоякова, Р. П. Абдина, А. Д. Каксин [и др.]; под общ. ред. Т. Г. Боргояковой. Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2018. С. 8–44.
7. Чертыкова М. Д. Особенности актуализации хакасской лексемы *хыныс* «любовь» в поэтическом дискурсе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 10-1. С. 204–208.
8. Чертыкова М. Д., Каксин Ч. А. Семантико-когнитивный аспект реконструкции образа человека: на примере хакасских и алтайских качественных прилагательных с эмотивным содержанием // Алтайский язык и его диалекты: современное состояние, перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения известного алтайского учёного-лингвиста М. Ч. Чумакаевой. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография. 2018. С. 119–130.

Список текстовых источников

- Баинов* – Баинов Моисей. Хумартхы көглері // Ах тасхыл. Хоос литература паза халых-чарыдыгылыг альманах. Ағбан: Хакасиядагы книга сығарчаң. 1992. С. 1–11.
- Казачинова* – Казачинова Мелейек. Төлібіс чулазы. Древо жизни. Стихи и переводы. Абакан: ДиалогСибирь – Абакан. 2010. 140 с.
- Кильчичаков* – Кильчичаков Михаил. Таллама көглер. Избранное. Абакан: Союз писателей Хакасии. 2014. 118 с.
- Паин Саа* – Паин Саа. Азыр чол. Кибелістер. Абакан: Союз писателей Хакасии. 2012. 144 с.

© Боргоякова И. Н., 2020

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ТУВИНЦЕВ-ТОДЖИНЦЕВ КАК СИСТЕМНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Данная статья посвящена традиционной культуре восточных тувинцев (тувинцев-тоджинцев), которую автор рассматривает с точки зрения системного подхода. Подвергнуты анализу работы известных исследователей Тувы С. И. Вайништейна, Н. Ф. Катанова, В. И. Васильева, Л. П. Потапова, А. Б. Чадамба, А. К. Кужугет. Автор приходит к выводу, что традиционная культура тувинцев-тоджинцев – открытая, сложная, самоорганизованная, многофункциональная динамическая система, на формирование которой значительно влияли межэтнические взаимодействия.

Ключевые слова и фразы: Тува, тувинцы-тоджинцы, традиционная культура, сложная система, открытая система, динамическая устойчивость, межэтнические взаимодействия, межкультурные взаимодействия.

На территории Тувы существуют такие области, как горно-степные (западная и центральная Тува) и горно-таежные (восточная Тува). Охотники-оленоводы горно-таежной зоны населяют в восточной Туве бассейны верхних течений рек Бий-Хем и Каа-Хем. В научной литературе они получили название восточных тувинцев, или тувинцев-тоджинцев. В конце XIX – начале XX вв. они составляли около 3 % коренного населения Тувы [1, с. 9]. Система их хозяйственной деятельности включала в себя: круглогодичный охотничий промысел на мясных животных, главным образом копытных, и сезонный – на пушных, а также кочевое скотоводство с круглогодичными «вертикальными» перекочёвками. Оленеводство было выючно-верховое, с доением, а при крайней необходимости, в тяжелых условиях – и с забоем домашних оленей на мясо. Эти хозяйственно-культурные особенности были характерны для тофаларов, камасинцев, части дархатов, живших в сходных природных условиях Саян.

Следует отличать процесс этногенеза тувинцев западных и центральных районов от этногенеза тувинцев-тоджинцев [3, с. 200]. В основе этногенеза тувинцев степных районов, составляющих подавляющее большинство тувинского народа, лежат древние тюркоязычные племена Центральной Азии, в широком смысле этого понятия (включая Алтай), и тюркизированные ими монголоязычные группы. Именно в тюркский период сформировалось этническое ядро тувинцев.

Изучение западных и восточных тувинцев показывает, что наряду со значительной этнокультурной общностью между ними имелись определённые различия в традиционных формах хозяйства и культуры, антропологическом типе (западные тувинцы относятся к центральноазиатскому, а у восточных преобладает катангский расовый тип) и в родоплеменном составе [2, с. 12].

В этногенезе тоджинцев наряду с тюркоязычными группами большую роль сыграли самодийскоязычные племена [3, с. 204]. У восточных тувинцев выявлен ряд родоплеменных групп: хаасут, кезек-маады, кара-тодут, дарган, соян, кезек-куулар, кыштаг, урат, демчи, маады, даргалар, кара-балыкчы, кара-соян, чооду, хойук. К самодийским по происхождению относятся хаасут, хойук и некоторые другие. По данным С. И. Вайнштейна, к кетоязычным по происхождению можно отнести роды: тодут, ак-тодут и кара-тодут [5, с. 22].

Тоджинский район, где живут тувинцы-тоджинцы, географически находится на территории Тоджинской котловины, которая занимает северо-восточную часть территории Тувы. Для Тоджинской котловины характерны лесостепные и таёжные ландшафты с многочисленными реками и озёрами, которые образуют свой микроклимат. Тоджа относится к высокогорной области с большим запасом лишайников и мхов, поэтому была с древних времен одним из районов обитания дикого оленя.

Тувинцы-тоджинцы разводили оленей так называемой карагасской породы, принадлежащей к виду северных оленей (*Rangifer tarandus Sibiricus*). Карагасский олень более одомашнен, чем другие породы северных оленей, и очень неприхотлив в пище. Тувинцы-тоджинцы практиковали вольный выпас оленей, без присмотра пастухом (за исключением весны – периода отела). Оленеводство, основанное на экстенсивном использовании пастбищных угодий, требовало постоянных перекочевков. Такая древняя форма выпаса оленей, по мнению В. И. Васильева и ряда других ученых, характерна для ряда самодийских и тунгусских народов [6, с. 40]. С. И. Вайнштейн считал, что первоначально саянское оленеводство возникло в самодийской среде без непосредственной связи с тюрко-монголами [5, с. 27]. Например, половозрастные названия оленей у тоджинцев весьма близки к названиям у тофаларов [1, с. 92].

Заметным остатком общинных отношений у восточных тувинцев-тоджинцев, в особенности у оленеводов-охотников, вплоть до начала XX века являлся отцовский род «сёёк». Роды восточных тувинцев не только имели свои названия, но и были строго экзогамными. У западных тувинцев к рассматриваемому времени многие роды уже не имели тех существенных черт, которые восходят к древнему родовому обществу, в частности, экзогамии. Различия, прослеживаемые в уровне развития социальной организации у тувинских скотоводов и охотников-олeneводо-в, объясняются тем, что относительная изоляция последних и господствовавшие у них формы хозяйства способствовали сохранению пережитков более архаичных социальных институтов. Таким образом, в восточной части Тувы развитие общественных отношений шло гораздо медленнее, чем в центральной части [9, с. 274].

Л. П. Потапов пишет о восточных тувинцах: «Кочевники потому, что они систематически кочуют, охотники – так как охота в их повседневном

труде занимает большое место и в отличие от кочевников-степняков они в зимнее время ещё и лыжники. Их привязанность к домашнему скоту уживается с постоянным влечением к охоте» [12, с. 89]. Главным орудием охоты в древности был лук со стрелами, огнестрельное оружие стали применять с конца XVIII века.

Наиболее заметным пережитком общинных отношений была охотничья артель, бытовавшая главным образом в Тодже. Каждая артель имела в своем распоряжении охотничье угодье. Это право артели, объединившей обычно жителей одного аала, на участок в тайге, вероятно, было основано на старинных родовых традициях. Добыча артели делилась поровну между её членами, только рога и шкура убитого зверя считались собственностью охотника, его добывшего [9, с. 273]. Пушнина была на территории Тоджи основным товаром и предметом натурального обмена.

Кроме *охоты и оленеводства*, важной отраслью хозяйства тувинцев-тоджинцев было *собирательство*. Собираение луковиц сараны и других растений было весьма распространенной формой хозяйственной деятельности у народов Южной Сибири и Центральной Азии. С. И. Вайнштейн отмечает в своем исследовании, что добывание дикорастущих растений было одной из важных отраслей хозяйственной деятельности [1, с. 226].

Тувинцы собирали главным образом луковицы сараны (*Lilium martagon* L.), а также корни некоторых других растений. Весной собирали кандык, а поздним летом – сарану. Корни сараны извлекали специальной корнекопалкой – озуком. Тувинцы-тоджинцы также собирали в большом количестве кедровые орехи и ягоды. На развитие промысла сбора кедровых орехов с конца XIX в. оказали влияние русские – как своими способами заготовки, так и тем, что русские купцы охотно покупали орех, который вывозили в Россию.

Элементом хозяйства тувинцев-тоджинцев также было *рыболовство*. Русские путешественники отмечали, что в Тодже рыболовство было развито слабо, хотя реки очень богаты рыбой [13, д. 131, л. 50]. Выдающийся востоковед-тюрколог Н. Ф. Катанов пишет по этому поводу: «Большая часть урянхайцев не ест ... рыбы, считая её народом водяного духа» [10, с. 3]. Небольшое количество рыбы ловили традиционными способами. Постепенно эта отрасль хозяйства развивается под влиянием русских переселенцев [7, с. 104].

Важным элементом культуры народа является жилище. Основным видом жилища тоджинцев-олeneводоов был чум с остовом из высоких жердей, установленных по кругу («алажы-ог»). Три жерди были основными, определенными положением остальных. Высота чума достигала 3–4-х метров, диаметр основания обычно не превышал 3 метра. С мая по октябрь пользовались покрывками из сшитых полос вываренной бересты. Покрывки связывали волосяными верёвочками. В холодное время

года покрышками служили сшитые сухожильными нитями полости из выделанной кожи копытных.

В центре чума над очагом висел бронзовый или медный котёл, подвешенный на цепи, укрепленной на длинном шесте в центре чума. Вся утварь оленеводов, за исключением котла, была изготовлена из дерева и бересты. Спали на полу, подстелив шкуры животных. При перекочёвках утварь перевозили в парных вьючных сумках на оленях и лошадях [5, с. 43].

Срубных жилищ («бажын» или «ыяш-ог») было мало, и устанавливались они только на зимниках. Из хозяйственных построек и сооружений тувинцы имели примитивные крытые загоны, навесы, сараи, маленькие амбары, преимущественно на зимних стоянках. Меньше всего амбаров для хранения зерна было в Тоджинском районе Тувы, где в начале XX в. земледелие было практически не развито.

Аналізу тоджинского диалекта тувинского языка, его сопоставлению с тувинским литературным языком и центральным диалектом была посвящена книга известного исследователя А. Б. Чадамба «Тоджинский диалект тувинского языка». А. Б. Чадамба приходит к выводу, что тоджинский диалект тувинского языка отличается своими фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями [14, с. 15].

Автор пишет, что тоджинский диалект лексически отличается наиболее детализированными названиями зверей по полу и возрасту, так как охотничий промысел является основным занятием тоджинцев. Также в описываемом диалекте отмечены разнообразные названия рыб, птиц, растений, не свойственные другим местным говорам, так как Тоджа является районом, обладающим своеобразной флорой и фауной [8, с. 7].

Перейдём к анализу религиозных верований тувинцев-тоджинцев. В начале XX в. среди тувинцев-тоджинцев ещё в полной мере сохранялись дошаманские культы и шаманство [4, с. 5]. Шаманство тувинцев, начиная со второй половины XIX века, привлекало большое внимание путешественников, краеведов и этнографов. Сведения о нём содержатся в трудах как отечественных (Г. Н. Потанин, Н. Ф. Катанов, Ф. Я. Кон, Л. П. Потапов, В. П. Дьяконова, М. Б. Кенин-Лопсан и др.), так и зарубежных исследователей.

Влияние буддизма в форме ламаизма в Тодже было довольно слабым [5, с. 172]. Это связано с тем, в частности, что Тоджа – один из отдалённых, труднодоступных районов Тувы, куда буддизм проник позже. Он появился в Туве в монгольскую эпоху (XIII–XVIII вв.). На территории Тоджи первый буддийский монастырь появился в 1815 г. – Овгон хурэ.

Смысл традиционных культовых обрядов тувинцев – диалог, общение людей с духами. Однако, в каждом из обрядов диалогическая структура имела свои специфические формы. В обрядах освящения природы – это испрашивание благополучия, просьба; в шаманском камлании – противоборство со злыми духами; в буддийском цаме целью установления

контактов было в первую очередь предупреждение врагам веры не предпринимать коварных действий [11, с. 67].

Таким образом, традиционная культура тувинцев-тоджинцев – открытая самоорганизованная многофункциональная система. Элементами этой сложной многофункциональной системы, в частности, являются: оленеводство, охота, собирательство, тоджинский диалект тувинского языка, шаманство. Устойчивость этой системы являлась динамической, на нее влияли межэтнические взаимодействия народов Южной Сибири и Центральной Азии. Исходя из этого, можно утверждать, что традиционная культура тувинцев-тоджинцев имеет синтетический характер. В советский период большое влияние на культуру тувинцев-тоджинцев оказали русско-тувинские связи.

Библиографический список

1. Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. 312 с.
2. Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
3. Вайнштейн С. И. Очерк этногенеза тувинцев // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории. Кызыл, 1957. Вып. 5. С. 178–214.
4. Вайнштейн С.И. Тувинское шаманство // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук). М.: Наука. 1964. 12 с.
5. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 216 с.
6. Васильев В.И. Теоретические и источниковедческие проблемы изучения этнической истории (на материалах народов Севера СССР) // Советская этнография. 1990. № 6. С. 33–41.
7. Даваа Е. К. Историческое развитие тувинцев-тоджинцев (1914 г. – начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук / Кемеровский государственный университет. Кызыл, 2011. 190 с.
8. Кашкак А. Д., Кушкак Т. Т. Прекрасная моя Тоджа. Кызыл: ИПК газеты «Тыва Республика», 2002. 44 с.
9. История Тувы: В 2 т. Т.1. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с.
10. Катанов Н. Ф. Среди тюркских племён // Известия Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1893. Т. XXIX, отд. оттиск.
11. Кужугет А. К. Зрелищно-игровые элементы в культовых обрядах тувинцев. Кызыл, 2002. 79 с.
12. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 404 с.
13. Центральный государственный архив Республики Тыва (ЦГА РТ). Ф. 123. Оп. 2.
14. Чадамба А.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1974. 136 с.

© Даваа Е. К., 2020

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТЕЙ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ (ХАКАСОВ)

Кыргызы – древнейший народ, история зарождения которого датируется II тысячелетием до н. э. Этническое явление «кыргызы» – это результат динлинского этногенеза, в результате чего возникло древнее кыргызское общество, тогда как тюркоязычное племя кыргызов зародилось в гуннскую эпоху. Кыргызы (хакасы) в V в. н. э. пользовались фонографической письменностью. Енисейская письменность, которая относится к V веку, является более архаичной, чем орхонская, а орхоно-енисейская письменность, истоки которой восходят к енисейской письменности, применялась тюркскими племенами в VI–X вв. и имела литературный статус. В нашей статье представлен анализ периодизации применения письменности енисейских кыргызов, её эволюция, коммуникативная функция и семантика.

Ключевые слова: древние кыргызы, динлинский этногенез, хакасы, пиктография, тамговые знаки, логография, фонография.

В работах, посвященных истории кыргызов и кыргызской письменности, утверждается, что сведения о кыргазах и их государстве Гегунь впервые были зафиксированы в китайских летописях в 201 году до н. э. Но история кыргызов имеет более древние корни. Формирование кыргызов, как племени, восходит ко II тысячелетию до н. э. Археологические памятники афанасьевской, андроновской, тагарской и таштыкской культур подтверждают данное предположение. В китайских летописях кыргызы именуются как динлины, которые на протяжении длительного времени проживали на прилегающих к реке Енисей территориях. На базе динлинского этногенеза появилось новое этническое явление – кыргызы [4, с. 169], которые в III в. до н. э. – во II в. н. э. из-за смешения с центрально-азиатскими племенами потеряли изначальный расовый тип. Возникли первые тюркские племена енисейских кыргызов.

Существовали различные названия кыргызов и кыргызского государства. В «Собрании сведений...» говорится: «1. Хакяньсы. Хагас. [Кыргызы] Хагас есть древнее государство Гяньгунь... Иные называют сие государство Гюйву и Гйегу» [5, с. 358]. Н. А. Аристов пишет: «Это название одной и той же страны и народа, которые именовались Гюйву, Гегу, Хагяс, Хагас, Хакяньсы, узнаем мы из описания этого владения в «Тан-Шу», где сказано, что это древнее государство Гяньгунь» [2, с. 143]. «... Цзянь-кунь – это монгольская форма передачи названия имен киргиз в единственном числе, известном китайцам через гуннов» [1, с. 159; 17, с. 159]. В китайских письменных источниках имеется известие такого содержания: «Императорское правило... . посоветовавшись, ... утверждается императорским приказом: государство кыргызов отныне принято писать “хагас”...» [22, с. 335]. Это говорит о том, что, енисейские кыргызы и хакасы – один и тот же народ, следовательно, история развития

древней письменности енисейских кыргызов относится к развитию письменности хакасов.

Издrevле енисейские кыргызы в своей письменности использовали семасиографию: пиктографию, идентификационные метки (эн тамга), логографическую письменность; а также фонографию (орхоно-енисейская письменность).

1. Изобразительный метод: пиктографическая письменность.

Пиктографическое письмо появилось на основе изобразительного искусства. Однако, пиктографическая письменность, в отличие от изобразительного искусства, выполняет коммуникативную функцию (регистрация информации, передача информации, хранение). Жители Центральной Азии в период эпохи позднего палеолита и мезолита начали использовать пиктограммы и др. изображения [1, с. 5]. На пиктографических письменах в эпоху ранних кочевых народов оставлены следы принципиально нового явления, называемого «скифо-сибирский звериный стиль». На пиктографических письменах скифской культуры остались следы, появившиеся в материальной культуре «скифской триады».

На склонах скал, надгробиях, оружии, конском снаряжении и на других предметах, находящихся на котловине Мин-Суу, имеется множество рисунков «звериного стиля». *Звериный стиль встречается на памятниках карасукской культуры.* Особое значение придавалось ножам, на рукоятках которых были изображены тотемы – верхняя часть диких животных. Баран считался кыргызским тотемом. Солнце считалось святым – как источник всего живого. Композиция «баран-солнце» отображала *солярные и тотемистские взгляды* древних кыргызов. Все это получило развитие в эпоху скифов (VII–III вв. до н. э.). Процветание маленьких бронзовых скульптур и изображений относится к *периоду тагарской культуры (VII–I вв. до н. э.)*. Большинство тотемов изображали диких животных, как символов силы и мощи.

Во вскрытых помещениях курганов № 6 и № 7 Копёнского чаатаса были найдены маски *с изображением диких зверей*. Рисунки «звериного стиля», нанесённые на ценных золотых сосудах, найденных в копёнских курганах, сочетались с другими элементами орнамента [10, с. 78]. Пиктографическая письменность на памятниках, найденных в аалах Копёны, Капчалы и Уйбат, была оформлена в стиле скифско-сибирских традиций, с влиянием западноиранского и восточнокитайского искусства.

2. Идентификационно-мнемонический метод: тамговые знаки.

Тамговые знаки – идентификационно-мнемонический метод дачи информации. Цель тамгового знака заключается не в изложении и описании какой-либо истории, а в помощи при воспоминании о нем, при отождествлении предмета или существа [7, с. 186]. В первую очередь строится постоянная связь между определенными символами, а затем – между определенными предметами и живыми существами и появляется новый вид

коммуникаций: *тамговые знаки*, использованные кыргызами, возникшие вследствие развития скотоводства.

В период карасукской культуры (начало I тысячелетия до н. э.) возросло богатство патриархальной семьи. Оно измерялось количеством скота. Для того, чтобы отличить свой скот от чужого, каждая семья ставила метки на животных – тамги. Позднее проставление меток стало причиной появления букв. На памятниках *чаатаской культуры* встречаются тамговые знаки, обозначенные двойными буквами. Свыше 20 предметов домашней утвари помечены тамговыми знаками, относящимися к *чаатаской и туютятской культурам* [13, с. 26].

Тамговые знаки, которые начали использовать минусинские кочевые скотоводы в начале I тысячелетия до н. э., передавались из поколения в поколение и в IV–X вв. широко распространились на обширных территориях.

Семантика тамговых знаков: 1) тамговые знаки, изображающие животный мир (олений, волков, черного лося, чеглока и др.); 2) природа (луну, цветок и др.); 3) оружие (лук, меч); 4) для конкретных предметов бытия (тамги на счетах, топоре, тесле, клеймо на серпе, молотке); 5) тамга под различными наименованиями (арычная тамга, круглая, тамга на сухой кости, и т. д.); 6) обозначения наименований племен (саяк тамга, серик тамга, адигине, кара баргы, кыпчак и др.) [9, с. 287].

Святыми местами, где имеется множество изображений тамговых знаков и рисунков, являются местность Хая-Бажы в Туве, скалы Сулек и Тепсей в Хакасии.

3. Словесный метод: логографическая письменность. В логографической письменности мысль передается не изображениями, а условными знаками (логограмма) для понимания смысла письма.

На неолитовой керамике помимо рисунков изображены простые *геометрические фигуры, ели*. Представители *окуневской культуры* развивали орнаменты неолитической эпохи (штамп, прямые линии, сетчатые орнаменты) [6, с. 14]. **В период андроновской культуры** на керамической посуде были изображены *геометрические фигуры*. Орнаменты, принадлежавшие бронзовому веку, встречались не только на керамической посуде, но и на одеждах и предметах. У хакасов такие орнаменты полностью сохранены. **В период карасукской культуры** металлургия была очень развита. Предметы из металла были украшены геометрическими орнаментами. **В период скифской эпохи** у кочевых народов было развито орнаментальное искусство.

Хакасские орнаменты. В таштыкской культуре было множество посуды, сделанной из керамики. Таштыкский орнамент – геометрический. Основную часть (80 %) составляют прямолинейные мотивы. Такие орнаменты широко распространились на берегах Енисея. **В период чаатаской культуры (VI – середина XI вв.)** орнаменты были изображены

на предметах из металла и керамической посуде. В период *тюхтятской культуры (IX – X вв.)* преобладали геометрические, растительные и зооморфные орнаменты. *В кыргызскую эпоху* в орнаментике кыргызов особое значение придавалось растительному мотиву. К нему же были добавлены зооморфные мотивы.

Национальный орнамент – письменный источник. В. Чепелев отметил, что национальный орнамент – это «образная история» [20, с. 5]. М. В. Рындин назвал кыргызские орнаменты иллюстрирующим фольклором [17]. А. Н. Бернштам говорил, что кыргызские орнаменты по объему и масштабу не уступают объему эпоса «Манас» [4]. Кыргызские орнаменты весьма объемные и эпические. В орнаментах присутствуют графический текст, повествование. Кыргызские орнаменты – письменный источник, передающий достоверную информацию об этапах развития кыргызского народа.

Семантика кыргызских орнаментов богата: существуют такие орнаменты, как рог горного козла, рог белого оленя, рог оленя, большой рогаый олень, коровьи рога, копыта, новая луна, миндаль, фазан и др.

4. Фонография. Орхоно-енисейская письменность. В VI–X вв. у тюркских племен был широко распространен письменный литературный язык. Так как письменные памятники были обнаружены на территории Енисея и Орхона, письменность стала называться орхоно-енисейской.

Енисейские тексты принадлежат V веку. С. Е. Малов, выступая на съезде по тюркологии, прошедшем в Баку 28 февраля 1926 года, заявил, что по сравнению с орхоно-селенгийскими памятниками даты на енисейских памятниках были проставлены на 2–3 столетия ранее [14, с. 12]. Он писал: «Начальным временем здесь [Минусин.] появление памятников я считаю пятый век нашей эры» [16, с. 74]. И. А. Батманов также считает, что «енисейские памятники отражают более архаичную разновидность букв, а орхонские (более поздние) характеризуются отработанным их изображением, эволюционированным около двухсот лет» [3, с. 16].

Известные исследователи В. Томсен [23, с. 55], В. В. Радлов [22, с. 301], С. Е. Малов [15, с. 4] считали, что енисейские рунические памятники письменности имеют связь с историей кыргызов. В частности, С. Е. Малов сказал, что вслед за авторитетными академиками В. В. Радлов и профессором В. Томсен, у него нет никаких оснований не заявить, что эти енисейские письменности принадлежат кыргызам [15, с. 7–8]. Ученые Э. Р. Тенишев [18, с. 3–5], И. В. Кормушин [12, с. 13–14, 89], С. Г. Кляшторный [11, с. 58–62], Д. Д. Васильев [8, с. 53–59] и др. такого же мнения.

Выводы. Енисейские кыргызы (хакасы) владели древней письменностью – семасиографией (пиктографической, логографической письменностью, тамговыми знаками) и фонографией. Орхоно-енисейская письменность применялась тюркскими племенами в VI–X вв. и имела литератур-

ный статус. Енисейские письменные памятники принадлежат енисейским кыргызам (хакасам) и считаются более архаичными, чем орхонские.

Библиографический список

1. Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. Алматы: Мектеп, 2003. 366 с.
2. Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 582 с.
3. Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе: Илим, 1959. 216 с.
4. Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. II. Бишкек, 1998.
5. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1, 2. М.-Л., 1950.
6. Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 222 с.
7. Гельб И. Е. Опыт изучения письма (Основы грамматики) / пер. с англ. И. М. Дьяконова. М.: Радуга, 1982. 366 с.
8. Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М.: Наука, 1983. 158 с.
9. Жаманкулова Г. Древний кыргызский язык. Бишкек: Улуу тоолор, 2016. 651 с.
10. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.
11. Кляшторный С. Г. Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты. СТ. 1987. № 3. С. 58–62.
12. Кормушин И. В. Орхоно-енисейских надписей язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек, 1997. С. 543.
13. Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. 216 с.
14. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
15. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.
16. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 106 с.
17. Рындин М. В. Киргизский узор / Труды киргизского филиала АН СССР. Т. I. Вып. I. Фрунзе, 1943.
18. Тенишев Э. Р. Древнекыргызский язык. Бишкек, 1997. 56 с.
19. Ханзу жазмалары // Лы Дыйу макалалары / Перевод: Макелек Өмүрбай; Изд-во Шинжаң, 2004.
20. Чепелев В. Кыргызское народное изобразительное творчество. Искусство. 1939. № 5.
21. Pelliot P. Journal Asiatique, XV, 1911. P. 127–137.
22. Radloff W. W. Alttürkische Studien. IV. St.-Pbg. 1911. С. 315.
23. Tomsen V. Deshiffrement des inscriptions de L'Orkhon des et de l'enissei. Notice preliminaire // Bulletin de l'Academie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark. 1893. P. 285–299.

© Жаманкулова К. Т., 2020

ЛИМИТАТИВНЫЕ СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Тезисно представлены лимитативные ситуации, выявленные в хакасском языке. Отмечается, что форма *-ып сал-* в сочетании с предельными агентивными глаголами передает значение контролируемого результата, форма *-ып пар-* в сочетании с предельными неагентивными глаголами передает значение случайно совершенного действия. Остальные лимитативные формы обозначают дополнительные способы отношения действия к пределу: через динамику (*-ыбыс*), через процесс (*-ып ал-*, *-ып кил-*, *-ып парыбыс-*), через внезапное осуществление целостного действия (*-ып хал-*), через направленность к субъекту действия (*-ып ал-*) и от субъекта действия (*-ып пир-*), к наблюдателю (*-ып кил*) и от наблюдателя (*-ып парыбыс-*), через попытку совершить действие (*-ып көр-*).

Ключевые слова: хакасский язык; аспектуальность; лимитативность; способ действия; результатив; конатив; перспектив.

Термином «лимитативность» обозначают широкие понятия, объединенные типами отношений действия к пределу [1, с. 46].

Мы под лимитативностью понимаем любые разновидности достижения предела и направленности действия к пределу.

В хакасском языке лимитативность выражается следующими глагольными аналитическими конструкциями: *-ып пар*, *-ып сал*, *-ыбыс-*, *-ып ал-*, *-ып пир-*, *-ып хал*, *-ып көр-*, *-ып кил*, *-ып парыбыс-*.

Лимитативные ситуации, способы действия:

1. Результативы

Результатив – ситуация, показывающая, что в период наблюдения имеет место результирующая стадия ситуации. В хакасском языке выделяются следующие типы результативов: ситуация непроизвольного, неконтролируемого результатива и ситуация преднамеренного, контролируемого результатива.

Первая ситуация выражается в хакасском языке формой *-ып пар-* ‘уходить’: *астых пар* ‘заблудиться’, *урун пар* ‘столкнуться, встретиться неожиданно’, *харлых пар* ‘захлебнуться’, *үрөп пар* ‘умереть’.

Вторая ситуация выражается аналитической формой *-ып сал-* «класть»: *пас сал* ‘написать’, *ат сал* ‘застрелить’, *ит сал* ‘сделать’, *адап сал* ‘назвать’, *сагып сал* ‘придумать’, *чууп сал* ‘помыть’.

2. Результативно-непроцессный способ действия

Результативное действие представляет собой моментальный целостный переход (скачок) к новому, итоговому, часто необратимому состоянию. Выражается в хакасском языке формой *-ып хал-*: *өл хал* ‘погибнуть’, *аңдарыл хал* ‘свалиться’, *тудыл хал* ‘удержаться’, *сайбал хал* ‘разрушиться’.

3. Процессно-результативный способ действия

Процессно-результативный способ действия – активные действия субъекта, направленные на успешное достижение результата, и его реализация. Выражается форма *-ып ал-* в сочетании с агентивными глаголами: *пүдiрiп алган* ‘построил (для себя)’, *iзiп алган* ‘напился’, *хатхырып алган* ‘насмеялся’, *сагынып алган* ‘додумался, придумал’, *чуртап алган* ‘пожил’.

4. Результативно-динамичный способ действия

Результативно-динамичный способ действия – действия, ограниченные внутренним пределом. Выражается формой *-ыбыс* в сочетании с любыми глаголами: *пүдiрiбiскен* ‘построил (от начала до конца)’, *iзiбiскен* ‘выпил’, *хатхырыбысхан* ‘засмеялся’, *сагыныбысхан* ‘задумался’, *чуртабысхан* ‘стал жить’.

5. Градативно-результативный способ действия

Градативно-результативный способ действия – постепенное накопление (всё больше и больше) результата и переход в новое состояние.

Выделяется два типа градативно-результативных способов действия: градативно-результативный способ действия с направленностью к наблюдателю и градативно-результативный способ действия с направленностью от наблюдателя.

Первая ситуация выражается формой *-ып кил-* в сочетании с неактивными глаголами: *чарып килген* ‘рассвело (наступил рассвет)’, *iзiп килген* ‘накалился’, *тарып килген* ‘возмутился’, *сагын килген* ‘вспомнил’, *тур килген* ‘поднялся’. Вторая ситуация – формой *-п парыбыс:* *харал парыбысхан* ‘почернел (стал черным)’, *сооп парыбысхан* ‘охладел’, *амырап парыбысхан* ‘успокоился’, *сагын парыбысхан* ‘задумался’.

6. Конативный способ действия

К конативным ситуациям относятся значения, связанные с попыткой к совершению действия, причем попытка может быть как успешной, так и безуспешной. Выражается формой *-ып көр:* *нар көргем* ‘попробовал пойти’, *узуп көргем* ‘попытался уснуть’, *сагын көргем* ‘пытался думать’, *тарып көргем* ‘хотел рассердиться’.

7. Проспективный способ действия

Проспективное значение – ситуация предрезультата, ситуация на грани осуществления. Выражается синонимичными формами *-п пари(p)* и *-п париган*. Семантически отличаются тем, что форма *-п пари(p)* характеризуется признаком «очевидность, актуальность».

Библиографический список

1. Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 352 с.

ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ В ДИАЛЕКТАХ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

В статье представлены результаты анализа склонения существительных в диалектах хакасского языка. Особое внимание уделяется аффиксам сагайского диалекта, варианты которых отсутствуют в нормативных грамматиках хакасского языка. Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра некоторых вопросов, касающихся диалектной базы литературного хакасского языка. Научная новизна исследования состоит в том, что на современном этапе проблема взаимоотношения диалектов и литературного языка ставится впервые.

Ключевые слова: хакасский язык, диалект, сагайский диалект, существительные, качинский диалект, шорский диалект.

В своей статье мы ставим **цель**: проанализировать особенности склонения имен существительных в диалектах хакасского языка.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

- выделить особенности склонения в диалектах и в литературном хакасском языке;
- дать рекомендации об использовании в письменной и устной формах отдельных сагайских вариантов склонения, оказавшихся за пределами литературного языка.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые высказываются некоторые соображения о параллельном употреблении отдельных сагайских вариантов в литературном хакасском языке. Материалом исследования послужили известные прозаические тексты хакасских писателей, из которых была произведена выборка практического материала, а также слова, записанные автором у носителей сагайского диалекта и материалы анкетирования студентов, проведенного автором.

Говоря о морфологических особенностях имен существительных, прежде всего необходимо отметить категорию падежа. Категория падежа в современном хакасском языке, как и во всех диалектах, объединяет 10 падежей. Для выражения падежных значений хакасский язык располагает обширной системой аффиксов и их вариантов, употребление которых подчинено закону гармонии гласных, который является специфичным для тюркских языков, в том числе для хакасского. Согласно этому закону, в хакасском слове могут сочетаться гласные только одного ряда – переднего или заднего [1, с. 98–99]. Например: *паланың* «ребенка» – *кізінің* «человека» (притяж. п.); *турада* «в доме» – *пүкте* «на лугу» (мест. п.).

Выбор начального согласного аффикса зависит от конечного звука основы. Например, в притяжательном падеже -ның, -нің принимают существительные, оканчивающиеся на гласные, звонкие и сонорные согласные (*пызоның* «теленка», *тагның* «горы», *кӧлнің* «озера»); варианты

-тың, -тің присоединяются к основам с конечным глухим (*ағастың* «древа», *түстің* «сна»).

Склонение существительных в литературном хакасском языке выглядит следующим образом (см. таблицу).

Склонение существительных в литературном хакасском языке

Падеж	Вопросы	Аффиксы	Способы присоединения	Примеры
Обн/адалгы (основной/именительный)	кем? (кто?); ниме? (что?)	–	–	пала ылгапча «ребенок плачет», агас самнах «деревянная ложка»
Тартылгы (родительный)	кемнің? (чей? чья? кого?); нименің? (чего?)	-ның/-нің -тың/-тің -ға/-ге	на гласные и звонкие согласные на глухие согласные к основам, оканчивающимся на долгие глас.; на согл. б, л, р, й, н, м	тураның хыры «крыша дома», чонның хыйгазы «мудрость народа»
Пирілгі (дательный)	кемге? (кому? к кому?); ниме? (чему? к чему? куда?)	-ха/ -ке -а/-е -ка/-ке	к основам, оканчивающимся на глух. согл. к основам, оканчивающимся на согл. г, ҕ, ң; к словам, оканчивающимся на недолгие гласные к словам, заимствованным из русского языка, основа которых заканчивается на к, г	хараага «ночи», чирге «земле», атха «лошади», сүтке «молоку», суға «воде», төңе «холму»; түлгее «лисе» танкка «танку»
Көрімгі (винительный)	кемні? (кого?); нимені? (что?)	-ны/-ні -ты/-ті	на глас. и звон. согл. на глух. согл.	тағны «гору», атты «лошадь»
Орынғы (местный)	кемде? (у кого?) нимеде? (где?, когда?, у чего?, в/на чем?)	-да/-де -та/-те	на глас. и звон. согл. на глух. согл.	турада «в доме», часхыда «весной», паста «в голове»
Сығынғы (исходный)	кемнен? (от кого?), нимеден? (от чего? из чего? откуда?)	-дан/-ден -тан/-тең -нан/-нең	на глас. и звон. согл. на глух. согл. на носовые согл. м, н, ң	аалдан «из/от села», тигирден «с неба», чоннаң «из/от народа», сазынаң «за волосы»

Бзылгы (направительный)	кемзер? (к кому?) нимезер? (к чему? куда?)	-зар/-зер -сар/-сер	на глас. и звон. согл. на глух. согл.	сугзар «в воду», агассар «на дерево»
Пүдіргі (орудийный)	кемнең? (с кем?) нименең? (с чем? как?)	-нан/-нең	к любой основе	палтынаң «топором», пүдірігнең «строительством»
Сылтагылыг (причинно-следственный)	кемнеңер? (о ком?) нимедеңер? (о чем? из-за чего?)	-даңар/ -деңер -таңар/-тенер -наңар/ -неңер	на глас., звон. согл. на глух. согл. на носовые согл. М, Н, Ң	хыныстаңар «о любви», соохтаңар «из-за холода»
Тиннестіріс (сравнительно-продольный)	кемче? (по ком?, с кого?) нимеche? (по чему?, с чего?)	-ча/-че -ча/-че	на глас., звон. согл. на глух. согл.	тагча «по горе», атча «с лошадь»

Мы рассмотрим падежи, у которых варианты аффиксов своеобразны в диалектах хакасского языка. Так, в диалектах фонетическими вариантами выражаются аффиксы дательного и направительного падежей.

Дательный падеж. Как видно из таблицы 1, в литературном языке дательный падеж оформляется аффиксом с восьмью фонетическими вариантами.

Обратим внимание на варианты аффиксов -ға, -ге, которые присоединяются к основам, оканчивающимся на долгие гласные и на согласные б, л, н, р, й, м. Об этом же способе присоединения пишут авторы учебно-пособия «Хакасский язык. Морфология (самостоятельные части речи)» [2, с. 14].

В данном падеже существительных, основа которых оканчивается на гласный, начальный согласный ғ, г, оказавшись между двумя гласными, в соответствии с действующим в хакасском языке фонетическим законом, выпадает, а на морфологическом стыке основы и аффикса образуется долгий гласный: *пала+ға=палаа* «ребенку», *кізі+ге=кізее* «человеку». Согласные ғ, г не выпадают, если конечный гласный основы является долгим: *пызоо+ға=пызооға* «теленку». Особенностью качинского диалекта является употребление усеченного варианта (*палаа, кізее*), сагайского – полного (*палаға, кізіге*).

Следует отметить, что сагайский вариант, оказавшись за пределами литературного языка, широко употребляется не только в устной, но и в письменной речи сагайцев.

Для подтверждения приведем примеры из художественных произведений хакасских писателей: *Ўреен кизиҕе ӈир дее ниме кирек чоҕыл* «Умершему человеку ничего не нужно» (ДЧ, ТТ, 12); *Пирдең, Айдолай палаҕа саҕынча* «Во-первых, Айдолай хочет ребенка» (ЛЧ, ОЧ, 9); *Паба-ичеге көп кирек чоҕыл* «Родителям много не надо» (ОШ, А, 80).

Следовательно, сагайский вариант аффикса дательного падежа без выпадения согласных *г* и *г*, как нам думается, должен употребляться не только в устной, но и в письменной форме, и принят в качестве литературной нормы современного хакасского языка параллельно с качинским вариантом: *тура+га=турага* (саг.) // *тураа* (кач.) «дому»; *иче+ге=ичеге* (саг.) // *ичее* (кач.) «матери».

Направительный падеж. Как видно из таблицы 1, направительный падеж хакасского языка оформляется аффиксом в четырех вариантах: *-зар*, *-зер*, *-сар*, *-сер*. Этим падежом передается значение лица или предмета, к которому направлено действие: *аал+зар парча* «едет в город», *оймах+сар түс парҕан* «упал в яму» и т. д.

Варианты аффиксов направительного падежа в качинском и кызыльском диалектах совпадают с аффиксами литературного хакасского. В большинстве говоров сагайского диалекта *р* ослабляется и выпадает и произносится как *-за*, *-зе*, *-са*, *-се*: *город+са=городса* «в город», *арыҕ+за=арыҕза* «в лес» и т. д. В шорском диалекте и в некоторых говорах сагайского диалекта оформляется аффиксами *-зары*, *-зері*, *-сары*, *-сері*: *көл+зері=көлзері* «к озеру», *таҕ+зары=таҕзары* «в гору» и т. д.

Как отмечает В. Г. Карпов, «В некоторых говорах сагайского диалекта бывает и наоборот, конечный звук «р» произносится четко с гласным призвуком после него, вследствие чего аффиксы направительного падежа принимают форму *-зары*, *-зері*, *-сары*, *-сері*» [1, с. 110].

Фактов употребления диалектных вариантов аффиксов направительного падежа в письменной речи мы не нашли. Но «при отборе вариантов для литературного языка также необходимо учитывать количество носителей хакасского языка, предпочитающих употреблять тот или другой вариант, и соответствие данного варианта общим тенденциям развития хакасского языка» [3, с. 182].

Поэтому для выявления частотности употребления диалектных вариантов аффиксов направительного падежа нами было проведено дистанционное анкетирование среди студентов Института филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» направления подготовки «Педагогическое образование». Профили: «Хакасский язык и литература», «История/Иностранный (английский) язык».

Всего в опросе приняло участие 51 студент. В анкете слова в направительном падеже были даны на русском языке, студенты переводили на хакасский язык, выбирая варианты с выпадением «р», либо с гласным

призвуком после него. Результаты анкетирования показали следующие степени употребительности аффиксов направительного падежа:

- 1) вариант -за, -зе, -са, -се употребляют 38 студентов (74,5 %);
- 2) вариант -зары, -зері, -сары, -сері – 13 студентов (25,5 %).

Как видим, в устной речи абсолютное большинство студентов используют вариант с выпадением «р». Широкое употребление данного варианта объясняет ошибки в написании аффиксов направительного падежа в некоторых видах письменных работ студентов.

Кроме анкетирования, слова, записанные автором у сагайцев, личное общение с представителями тейского и есинского говоров сагайского диалекта также подтверждают частоту употребления 1 варианта.

Заручившись такими результатами, мы намерены предложить использовать вариант -за, -зе, -са, -се не только в устной, но и в письменной форме и принять как нормативный в современном хакасском литературном языке параллельно с существующими вариантами.

Таким образом, проанализировав варианты аффиксов падежей в диалектах хакасского языка, мы пришли к следующим выводам:

1. В диалектах хакасского языка своеобразными являются аффиксы дательного и направительного падежей.
2. Рассмотрен сагайский вариант аффикса дательного падежа без выпадения согласных ғ и г.
3. В шорском диалекте и в говорах сагайского диалекта отмечены диалектные варианты аффиксов направительного падежа: -зары, -зері, -сары, -сері; -за, -зе, -са, -се.
4. Высказаны некоторые соображения об использовании в письменной и устной формах литературного языка вариантов аффиксов сагайского диалекта и о признании их в качестве литературных параллельно с качинскими вариантами:
 - в дательном падеже: *турага // тураа* «дому»; *ичеге // ичее* «матери»;
 - направительном падеже: *арызгар // арыгза* «в лес», *кӧлзері // кӧлзе* «к озеру».

Библиографический список

1. Карпов В. Г. Сопоставительная фонетика и грамматика хакасского и русского языков. Часть I: учебное пособие. Абакан: Издательство ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2011. 220 с.
2. Боргояков В. А., Медведева М. А., Кызласова И. Л. [и др.]. Хакасский язык. Морфология (самостоятельные части речи): учебное пособие (на хакасском языке). Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2019. 120 с.
3. Медведева М. А. Фонетические особенности сагайского диалекта хакасского языка. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12. Вып. 9. Тамбов, 2019. 424 с.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 19-012-00242.

© Медведева М. А., 2020

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПОЗИЦИИ САНДХИ КАК МАРКЕРЫ АРТИКУЛЯЦИОННОГО КОДА ЭТНОСА

Сопоставление фонетических преобразований в глагольных аналитических конструкций в позициях сандхи в разговорных алтае-саянских тюркских языках и закономерностей, фиксируемых в шорском эпосе, свидетельствует об общности характера фонотактических трансформаций. Замедление скорости инновационных процессов в эпосе обусловлено такими фольклорными характеристиками как традиционность, формульность, стремление к устойчивости и сохранению языковой архаики.

Ключевые слова: алтае-саянские тюркские языки, фонетические процессы, сандхи, артикуляционные коды, глагольные аналитические конструкции, эпос.

Артикуляционно-акустическая база (ААБ) как система произносительных навыков и их акустических коррелятов является одной из основных лингвистических универсалий, определяющих культурный код этноса.

ААБ как динамический стереотип, формирующийся на ранней стадии существования этноса, видоизменяясь, сохраняется в своих доминантных чертах до тех пор, пока этническая общность не утрачивает компактность проживания [5, с. 5; 6, с. 8]. Эта способность к закреплению ААБ в коллективном сознании этноса, к передаче из поколения в поколение делает её не только одним из наиболее информативных исторических и лингвистических источников, но и хранителем культурного кода, важнейшим маркером этноязыковой идентичности [7].

Исследование особенностей ААБ в лингвофольклористическом контексте позволит выявить общность и специфику звуковых систем как на современном синхронном срезе, так и в языковой ретроспективе, даст богатый материал для изучения языковых взаимодействий, для понимания истории формирования картин мира этносов, их мировоззренческих концепций.

Целью работы, направленной на поиск маркеров степени синтетизации глагольных аналитических конструкций (ГАК) в звучащих эпических произведениях шорского фольклора, является исследование фонетических трансформаций, происходящих в ГАК в позициях внешнего и внутреннего сандхи.

Под сандхи мы понимаем, вслед за О. С. Ахмановой, позиционно обусловленные изменения звуков, возникающие на стыке словоформ – внешнее сандхи, на стыке морфем внутри словоформ – внутреннее сандхи [2, с. 394]. В тюркологической литературе по данной проблематике содержатся лишь фрагментарные наблюдения и выводы. В сибиреведении первая попытка освещения проблемы с использованием объективных инструментальных методов была предпринята на материале хакасского языка [12; 13].

Систематические сравнительно-сопоставительные исследования фонетических преобразований в сандхиальных позициях ГАК, как своеобразном показателе степени аналитизма словосочетания [4, с 8], были выполнены с применением экспериментально-фонетических методик на материале трех тюркских языков Южной Сибири: чалканского, шорского и тувинского [8; 9; 14; 15].

Результаты исследования свидетельствуют о типологической общности структурных преобразований в алтае-саянских языках, детерминированной единым региональным архетипом, заложенным в генетической памяти этносов. В основе инновационных модификаций звукового облика ГАК лежат процессы десемантизации входящих в их состав глагольных форм, ослабления их статуса, что, в свою очередь, детерминирует устранение межсловных пауз с последующим слиянием компонентов ГАК в единое фонетическое слово, преобразование позиций внешнего сандхи во внутреннее, реализацию ассимилятивных закономерностей, обусловленных вновь сформировавшимся фонетическим контекстом.

В чалканском, шорском и тувинском языках на современном этапе их развития фиксируются различные стадии процесса синтеза ГАК. Если в языке чалканцев во многих случаях стяжение аналитических форм привело к окончательной утрате ими прозрачности структуры, к невозможности вычленения вспомогательных глаголов, то в шорском выделение вспомогательных глаголов в бивербальных конструкциях, аналитических по происхождению, не вызывает особых затруднений, несмотря на активное протекание процессов утраты лексическими компонентами ГАК самостоятельности, стяжения их в одно слово с соблюдением правил фонотактики и подчинением законам шорского сингармонизма. В тувинском же языке процесс упрощения ГАК находится на более ранних этапах, уже пережитых близкородственными южносибирскими тюркскими языками – чалканским и шорским.

На материале звучащих фольклорных произведений тюркских народов алтае-саянского региона исследование процессов синтеза ГАК проводится впервые. Сопоставление закономерностей и тенденций развития фонетических процессов в языках фольклора с выявленными ранее соответствиями в разговорных языках позволит определить общность и специфику фонетических универсалий, соответствующих плану выражения языкового знака [11, с. 135]) в различных репрезентациях вербальных культур.

Исследование проводилось на материале шорского героического сказания «Солнце увидевшая Кюн Кёк» в исполнении яркого носителя шорской эпической традиции В. Е. Таннагашева [10], относившегося к мрасской сказительской школе [1, с. 68]. В тексте «Сказания ...» выявлено 108 предложений, включающих ГАК различных структурно-семантических типов, с переводом на русский язык; в отдельных случаях проведе-

на уточняющая корректировка перевода. Звучащий текст «Сказания ...», записанный на нескольких дорожках на прилагающемся к изданию CD, был конвертирован в формат WAV для аудитивного анализа. Использование программы Audacity позволило сегментировать звучащий текст, экспортируя в самостоятельные звуковые файлы контексты, включающие выявленные ранее ГАК. На основании аудитивного и компьютерного анализа с помощью программы SpeechAnalyzer 3.0.1 все выявленные АК были затранскрибированы и систематизированы.

Результаты предварительного анализа текста «Сказания ...» позволили выявить глагольные аналитические конструкции и представить их в виде следующих формул (где Tv – основа глагола): $Tv=n+одур$, $Tv=n+ыс=$, $Tv=n+ал=$, $Tv=(n)+nep=$, $Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+nap=$, $Tv=(n)+сал=$, $Tv=(n)+мур=$, $Tv=(n)+шық=$, $Tv=(n)+қал=$, $Tv=(n)+көp=$, $Tv=(n)+чөp=$, $a(лын)+V^{ссп.}$, $Tv=(n)+чат=$, $Tv=(n)+кир=$, $Tv=V+V^{ссп.}$, $Tv=V+nep=$, $Tv=V+nap=$, $Tv=V+қал=$, $Tv=бVн+V^{ссп.}$, $Tv=бVн+сал=$, $Tv=бVн+қал=$, $Tv=-p+V^{ссп.}$, $Tv=-p+эм=$, $Tv=(n)оқ+V^{ссп.}$.

Глагольные аналитические конструкции, выявленные на материале шорского эпического произведения, характеризуются как различной степенью подверженности компонентов конструкций фонетическим преобразованиям в позиции внутреннего и внешнего сандхи (озвончение глухих ауслатных и анлаутных согласных, ассимиляция по назальности, редукция компонентов слова, геминация согласных, сингармонизация по палатальности), так и степенью стяженности основного и вспомогательного глаголов (полная редукция или утрата информативности деепричастного показателя основного глагола $-(ы)n$, устранение внешней межсловной паузы, выполнявшей делимитативную функцию между компонентами бивербального комплекса, ослабление сильнонапряженных фарингализованных согласных в анлауте вспомогательного глагола).

По указанным параметрам все выявленные ГАК разделены на три группы: 1) ГАК с абсолютной степенью стяженности основного и вспомогательного глаголов и облигаторностью звуковых изменений; 2) ГАК с сильной степенью стяженности основного и вспомогательного глаголов и факультативностью фонетических преобразований; 3) ГАК со слабой степенью стяженности основного и вспомогательного глаголов и стабильностью звуковых оболочек их компонентов.

Таким образом, результаты анализа деепричастных бивербальных конструкций, используемых в произведениях шорского героического эпоса, свидетельствуют об активно развивающихся процессах преобразования аналитических комплексов в синтезированные единства. Фонетические трансформации, сопровождающие процессы стяжения ГАК, распространяются на все структурно-семантические типы конструкций, хотя и реализуются с различной степенью интенсивности. При этом на суперсегментном уровне преобразования осуществляются не столь интенсивно.

но, как на линейном: фактически не происходит сингармонизации по палатальности вспомогательных компонентов бивербальных сочетаний. Несоблюдение в пределах звуковых цепочек ГАК законов шорской дистантной ассимиляции сигнализирует о незавершенности процессов синтагмы, о сохранении конструкциями статуса аналитических.

Сопоставление результатов исследования фонетических трансформаций, сопровождающих процессы синтагмы глагольных аналитических конструкций в звучащих текстах шорских эпических произведений, с закономерностями, выявленными ранее на материале шорской разговорной речи, свидетельствует об общности характера фонотактических преобразований сегментного и суперсегментного уровней; различия заключаются в степени их интенсивности. Преобразования звуковых оболочек аналитических конструкций по пути их синтагмы заключаются в десемантизации компонентов ГАК, ослаблении их статуса, устранении пауз между составляющими ГАК лексемами, слиянии элементов конструкции в единое фонетическое слово, преобразовании внешнего сандхи во внутреннее, активизации ассимилятивных процессов.

Однако в эпосе скорость фонетических модификаций замедляется вследствие таких кардинальных характеристик фольклорных произведений как консервативность, традиционность, формульность, стремление к устойчивости, стабильности, стереотипности, сохранению языковой архаики и следованию архетипическим моделям, обусловленным сакральностью эпической традиции и расцениваемым реципиентами в качестве показателей престижности языка героических сказаний [3].

Планируемое изучение происходящих в современных языках фольклора алтае-саянских тюркских народов процессов синтагмы ГАК как показателей общих для южносибирского региона фонетических трансформаций, выявление в каждом из идиомов уникальности этих преобразований как компонентах артикуляторных кодов этнических групп позволят расширить картину научных представлений о взаимодействии и взаимовлиянии языка и фольклора как основных составляющих вербальных культур.

Библиографический список

1. Арбачакова Л. Н., Кузьмина Е. Н. Шорский эпос: признаки угасания традиции // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 68–72.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.
3. Кузьмина Е. Н. Отражение архетипических моделей в «loci communes» героических сказаний народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 18–26.
4. Курпешко Н. Н., Широбокова Н. Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия в шорском языке. Кемерово, 1991. 75 с.
5. Наделяев В. М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 3–15.
6. Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск: ИД «Ника», 2005. 197 с.
7. Селютин И. Я., Добринина А. А. Артикуляционно-акустические базы южносибирских тюркских этносов как фактор культурно-языковой идентичности // Этнокультур-

- ная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 516–519.
8. Селютина И. Я., Уртегешев Н. С. Фонетические изменения в позициях сандхи в аналитических формах тюркского глагола как феномен исторической памяти этноса // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 136–158.
 9. Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р. Чалканские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18: Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск, 2006. С. 216–234.
 10. Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 318 с.
 11. Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966. 271 с.
 12. Субракова В. В. Консонантизм нижнетейского говора сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.
 13. Субракова В. В. Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Новосибирск: Сова, 2006. 244 с.
 14. Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р. Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Вып. 19: Развитие аналитических структур в условиях языковых контактов. Новосибирск, 2007. С. 87–109.
 15. Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р. Фонетические преобразования в позициях сандхи в тувинских аналитических конструкциях // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 230–242.

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

© Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Добрина А. А., 2020

УДК 811.512.156

Н. Ч. Серээдар

СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ О СОСТОЯНИИ ПРИРОДЫ, ПОСТРОЕННЫХ ПО СТРУКТУРНОЙ СХЕМЕ $\{N_{\text{NOM}} V_{\text{F}}\}$

В статье затрагивается тема моделирования элементарного простого предложения в тувинском языке. Особое внимание обращено на одноактантную модель $\{N_{\text{NOM}} V_{\text{F}}\}$. Если подходить к составлению схем предложения с точки зрения устроенности коммуникативной единицы, характеризующейся наличием формальной и содержательной сторон, то структурная схема предложения должна отражать структурно-семантический минимум, т. е. представлять структуру не только грамматически, но и информативно достаточной. В модели $\{N_{\text{NOM}} V_{\text{F}}\}$ в качестве N_{NOM} выступают имена существительные в именительном падеже, обозначающие состояние природы. В качестве предиката выступают глаголы, обозначающие разные метеорологические ситуации: выпадение осадков (дождя, снега), изменение температуры воздуха, громыхание грома, ветер, смену времени суток, метель и др. Его главные члены соответственно обозначают субъекта и его состояние.

Ключевые слова: модель, структурная схема, субъект, предикат, тувинский язык.

В русском языке предложения, построенные по структурной схеме $\{N_1 V_f\}$, рассматривались в «Грамматиках современного русского литературного языка» [7; 8], в исследованиях А. А. Цоя [17], А. Т. С. Кулятиной [9] и др.

В тюркских языках исследованы структурно-семантические модели простого предложения, в том числе и одноместные модели, построенные по структурной схеме $\{N_{Nom} V_f\}$ (в современном карачаево-балкарском языке – И. Х. Ахматовым) [3]. На материале уйгурского языка С. Н. Абдуллаевым исследованы структурно-семантические модели простого предложения, в том числе и модели простых предложений с одноместным глагольным сказуемым по структурной схеме $\{N_{Nom} V_f\}$ [1]. Н. Р. Байжанова описывала элементарные простые предложения алтайского языка, строящиеся по структурной схеме $\{N_1 V_f\}$ [4], Д. С. Тикеев описывал модели башкирского языка [12].

В современном языкознании существуют различные способы описания семантики языковых единиц. Имеются разные подходы к определению простого предложения и к определению структурной схемы предложения: 1. «Структурная схема – это предикативный минимум предложения» [15; 16]. 2. «Структурная схема – это номинативный минимум предложения» [10; 5; 6; 2 и др.]. В Грамматике-70 структурная схема предложения понимается как предикативный минимум [7]. Здесь описаны все виды русских предложений в виде списка структурных схем. Структурные схемы делятся на двусоставные и односоставные. Данные структурные схемы записываются в виде символов. Н. Ю. Шведова отвлекается от содержательной стороны и говорит только о структурных схемах. Она требует от предложения формальной законченности, наличия предиката и предикандума, но остается безразличной к структурно-смысловой, коммуникативной недостаточности. Эти минимальные формы близки к предикативным узлам простых предложений, хотя и не тождественны им. Т. П. Ломтев воспринимал и воспроизводил предложение как двустороннюю единицу, имеющую план выражения и план содержания [10]. В. А. Белошапкина сделала следующий важный шаг, потребовав от представления о предложении коммуникативной достаточности. Она ввела в него, кроме главных членов, также все структурно необходимые «второстепенные члены» – дополнения. В современной литературе структурно необходимые предметные участники ситуации, описываемой данным предложением-образцом, называются актантами. В соответствии с этим она ввела, наряду с представлением о *минимальной структурной схеме*, представление о *расширенной структурной схеме*, которая также записывается символами. *Расширенной структурной схеме*, в принципе, уже можно было бы сопоставить определенный синтаксический смысл [5; 6].

По М. И. Черемисиной, основной синтаксической единицей является элементарное простое предложение (ЭПП). ЭПП как языковая сущность

недоступна прямому наблюдению, поэтому его записывают в виде моделей, в которых отражается понимание исследователем структурно-семантического устройства этих языковых объектов. Модель ЭПП фиксирует необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов» [13]. Подобный подход к описанию структурно-семантического устройства предложений позволяет за пестрым, поистине бесконечным множеством фраз увидеть небольшое число минимальных «образцов», к которым это разнообразие можно и нужно свести, чтобы понять их истинную природу [14, с. 47].

Под элементарным простым предложением, вслед за М. И. Черемисиной, мы понимаем языковую сущность, недоступную прямому наблюдению, поэтому его принято записывать в виде формул. План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы. Что же касается плана содержания, то означаемым ЭПП является пропозиция – абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака языка [1, с. 47].

Модель $\{N_{\text{Nom}} V_f\}$ имеет субъект в именительном падеже и предикат. В качестве предикатов выступают глаголы проявления атмосферных явлений. Выборка языковых примеров из произведений классиков художественной литературы позволила уточнить список глагольных лексем, обозначающих следующие метеорологические ситуации:

- 1) **выпадение осадков (дождя, снега):** *чаг*= ‘падать, идти (об осадках)’, ‘выпадать (о снеге)’, ‘пойти (о дожде, о снеге)’, ‘выпасть (о дожде, о снеге)’, ‘дождить’, ‘порошить, снежить’, *кодан-майыкта*= ‘падать, идти хлопьями (о снеге)’, *кодан-таваала*= ‘падать, идти хлопьями (о снеге)’, *бысканна*= ‘идти – о мелком снеге, порошок’, *дамдыла*= ‘капать’, *кут*= ‘лить, моросить, накапливать’; *өлгенне*= ‘падать (идти) – о дожде или мокром снеге’, ‘быть ненастным’, *дымырат*= ‘накапливать, моросить (о дожде)’, ‘пойди (о дожде)’, *долула*= ‘падать (о граде)’, *достаанакта*= ‘падать (о граде)’ и др. Глаголы, которые обозначают помещение объекта куда-то, в предложениях с пропозицией проявления атмосферных явлений употребляются в переносном значении. К ним относятся такие глаголы, как *кут*= 3. *перен.* ‘лить, сильно идти (о дожде)’, *ур*= 2) *перен.* ‘валить (о снеге)’, *төк*= 2. ‘лить’, *душ*= 2. *перен.* ‘выпадать (об осадках)’; 3. ‘наступать, начинаться (о холодах)’. Из данных глаголов переносное значение глагола *төк*= не указано в «Тувинско-русском словаре». А глагол *чаг*= II. ‘падать, идти (об осадках), выпасть (о снеге)’ является омонимом в «Тувинско-русском словаре» с глаголом *чаг*= 1) ‘мазать, смазывать’; 2) ‘марать, пачкать’;
- 2) **изменение температуры воздуха:** *соо*= ‘холодать, холодеть морозить’, *изи*= ‘пригревать, припекать, свежить’, *чылы*= ‘теплеть’, *аяс*=

- ‘проясняться (о погоде), яснеть’, *өнере*= ‘проясняться (о небе)’, *бурге*= ‘становиться пасмурным’, ‘покрываться тучами’, *бораңна*=/*бораанна*= ‘становиться ненастным, портиться (о погоде)’;
- 3) **громыхание грома:** *диңмире*= ‘гремять, громыхать, грохотать’;
- 4) **ветер:** *хады*= ‘дуть сквозить’; *салгынна*= ‘веять, дуть (о ветерке)’ *когурумна*= ‘дуть (об осенних и весенних ветрах)’;
- 5) **метель, вьюга:** *шуурганна*= ‘вьюжить, мести, пуржить’; *казыргыла*= ‘вихриться, кружиться вихрем’, *кавыскыла*= ‘дуть (о холодном ветре)’, *кавысканна*= ‘дуть (о зимнем или весеннем ветре)’, *дүвүле*= ‘мести’;
- 6) **смена времени суток:** *кежээле*= ‘вечереть, зарить, меркнуть’, *чыры*= ‘светать, светлеть’, *көгөр*= ‘синеть’, *караңгыла*= ‘смеркаться, стемнеть, стемнеться, темнеть, темнеться, утреть, яснеть’; *чыры*= ‘светлеть (о дне, рассвете)’, *караңгыла*= ‘темнеть (о наступлении темноты)’, *даң адар* ‘рассветать’, *булуртуңне*= ‘смеркаться’;
- 7) **прочие ситуации:** *эри*= ‘таять’, *туманна*= ‘туманить’, *булутта*= ‘тучиться’, *туманна*= ‘поднимается туман’, *чыварла*= ‘наступать — о стуже’, *кааңна*= ‘становиться ясным, погожим (о погоде)’; 2) ‘наступать (о засухе)’, *аландыла*= ‘появляться (о проталинах)’, *карандыла*= ‘образовываться (о проталинах)? протаивать’, *ала-харла*= ‘начинаться (о периоде появления проталин)’, *бораанна*= ‘становиться ненастным, портиться (о погоде)’, *боралгакта*= ‘кружиться (о водовороте)’, *бораңна*= ‘становиться ненастным, портиться (о погоде)’, *булукта*= ‘образовываться (о наледи)’, *булутта*= ‘затягиваться (заволакиваться) облаками, тучами’, *бырагда*= ‘покрываться льдом, замерзать у берегов (о реке осенью)’, *озаннал*= ‘образовываться (о буреломе или заторе на реке)’.

Нам встретились примеры, в которых представлен временной локализатор. Например:

Кыжын кавысканнаар. Пар чыл эки эвес чыл. Чазадыр кавыскалаан (Кудажы).

Кыжын кавыскан=на=ар=Ø Пар чыл эки эвес чыл

Зимой дуть (о зимнем ветре со снегом). Тигр год хороший не год

Чазадыр кавыскала=ан=Ø

В течение всей весны дуть (о зимнем ветре со снегом)

Зимой дует. Год тигра – нехороший год. В течение всей весны дуло.

Модель описания атмосферных явлений имеет конкретный субъект, который называет такие натурфакты, как *хар* ‘снег’, *быскан* ‘мелкий снег, пороша’, *быскан хар* ‘пороша’, *шуурган* ‘пурга’, *хат* ‘ветер’, *салгын* ‘слабый ветер, лёгкий ветерок’, *чаьс* ‘дождь’, *ак чаьс* ‘мелкий дождь’, *чаашкын* ‘дождь’, *кодан-майык* ‘хлопья (снега)’, *хар* ‘снег’, *өл хар* ‘мокрый снег’, *чывар* ‘холод, стужа’, *кодан-таваа* ‘хлопья (снега)’, *харлыг чоткан* ‘метель, вьюга’, *бораан* ‘ненастье, пасмурная погода’, *достаанак*

(диал.) 'град', *кавыскан*, *кавыска* 'зимний или весенний холодный ветер', *өл-бораан* 'затяжное ненастье, непогода' и др. Субъект несет большую смысловую нагрузку, чем предикат. Он стоит в форме именительного падежа.

Быскан хар чаапкан чүве (Сүрүң-оол, ТК, 8).

Быс=кан хар=Ø чаап=кан=Ø чүве

Падать=PP пороша=NOM. таять=PP/3Sg MOD PTCL

Выпала пороша.

Бнчан дээр арай бүргексен, кезек чаъс дымырадып келген (Кудажы, УХ).

Бнчан дээр=Ø арай бүргексе=п

Тогда небо=NOM немного CV

кезек чаъс дымырад=ып кел=ген=Ø

некоторый мелкий дождь=NOM моросить=CV AUX=PP/3Sg

Моросил мелкий дождь.

Несколько иначе, чем с объектными, дело обстоит с субъектно-предикативными конструкциями, в которых и субъект и предикат – однокоренные слова. При наличии полной такой конструкции выражение обычного для субъекта действия именно таким образом не представляется тавтологическим. Ср., в частности, следующие примеры:

Сырын сырыннап тур.

Сырын=Ø сырынна=п тур=Ø

Ветерок=NOM повеять=CV AUX=PrP/3Sg

Повеял ветерок.

Однако чаще всего в такого рода конструкциях используются однокоренные слова.

Хат хадып тур.

Хат=Ø хад=ып тур=Ø

Ветер=NOM дуть=CV AUX=PrP/3Sg

Дует ветер.

Семантический вариант модели изменения состояния окружающей среды подразумевает характеристику изменения состояния окружающей среды в самом общем виде. При этом состояние осмысливается предельно абстрактно, вне конкретизации субъекта его носителя, и, следовательно, смысловым центром пропозиции, образующей эту модель, является стальной предикат. Позиция субъекта может либо отсутствовать, либо ее занимает формальное подлежащее, не несущее семантической нагрузки.

Чер чырый берген болган (Кудажы, ЫБ, 12).

Чер=Ø чыры=й бер=ген бол=ган=Ø

Земля=NOM светать=CV AUX:PP/3Sg AUX=быть=PP/3Sg

Оказывается, рассвело.

Позицию субъекта занимают формальные подлежащие, не несущие семантической нагрузки, например, слова *дээр* 'небо', *хун* 1) солнце, 2) в

разн. знач. 'день', *хун караа* 'солнцепёк', *дүн* 'ночь', *хат* 'ветер', *чаашкын* 'дождь', *даң* 'рассвет', *чер* 'земля'. Например:

Дээр-даа кааңнай берген болур (Кудажы).

Дээр-даа=Ø кааңна=й бер=ген бол=ур=Ø

Небо=NOM=PTCL яснетъ=CV AUX=PP AUX=PrP/3Sg

Стояла ясная погода.

Из глаголов состояния и атмосферных проявлений следующие глаголы могут употребляться с именами существительными. Например:

Хат даңгаар эртен аяскан (КЧ, КЧ, 102).

Хат=Ø даңгаар эртен аяс=кан=Ø

Ветер=NOM рано утром спозаранку яснетъ=PP/3Sg

Наутро ветер прекратился.

Таким образом, мы рассмотрели в тувинском языке структурную схему {N_{Nom} V_f}. В тувинском языке для обозначения природных и атмосферных явлений наблюдается тенденция к заполнению субъектной позиции, которую могут занимать имена, обозначающие определенное атмосферное явление. Тип предложений, где не требуют подлежащего, невелик. Одноактантные элементарные простые предложения со значением физического состояния природы имеют семантические варианты, обусловленные типом их субъекта. В области природных явлений часто выражаются образные средства. Очень богатый корпус глаголов, который передает звуковые проявления атмосферных явлений. В тувинском языке в литературной речи есть более тонкие формулировки, более дробные дифференциации этих явлений.

Предложение, в котором подлежащее выражается именем в неопределенном (именительном) падеже, сказуемое – глаголом в финитной (спрягаемой) форме, является наиболее типичным, употребительным предложением в тувинском языке. Его главные члены соответственно обозначают субъекта и его действие (состояние).

Библиографический список

1. Абдуллаев С. Н. Модели простого предложения в современном уйгурском языке // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 36–46.
2. Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 63–73.
3. Ахматов И. Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1983.
4. Байжанова Н. Р. Модели элементарных простых предложений в алтайском языке: структурная схема N1 V_f. Новосибирск, 2004.
5. Белошапкова В. А. Минимальные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. 1978. № 5. С. 55–59.
6. Белошапкова В. А. Расширенные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. 1979. № 5. С. 63–68.
7. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
8. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1980.

9. Кулятина Т. С. Одноактантные модели элементарных простых предложений с непременными глаголами в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
10. Ломтев Т. П. Основные направления в развитии структуры предложения в славянских языках // Славянское языкознание. М., 1973. С. 196–210.
11. Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М., 1976. С. 122–289.
12. Тикеев Д. С. Основы синтаксиса башкирского языка. М., 2004.
13. Черемисина М. И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 4. С. 56–61.
14. Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 4. С. 46–57.
15. Шведова Н. Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // Вопросы языкознания. 1973. № 4. С. 25–36.
16. Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание (Седьмой международный съезд славистов). М., 1973. С. 459–483.
17. Цой А. А. Семантическая структура нераспространенных двусоставных глагольных предложений в современном русском языке. Ташкент, 1980.

© Серээдар Н. Ч., 2020

УДК 811.511.142

Т. В. Тимкин

ОГУБЛЕННЫЙ ГЛАСНЫЙ \ddot{u} В ЮГАНСКОМ ГОВОРЕ СУРГУТСКОГО ДИАЛЕКТА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА ПО АКУСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В работе рассмотрены акустические характеристики реализаций фонемы \ddot{u} в юганском говоре сургутского диалекта хантыйского языка. Показано, что фонема реализуется как дифтонгоид [ʰi:] в позиции после заднеязычного смычного; в иных позициях нейтрализовалась с /i:/

Ключевые слова: хантыйский язык, сургутский диалект, экспериментальная фонетика, огубленные гласные.

Долгая огубленная гласная фонема переднего ряда \ddot{u} (\ddot{u}) включена в систему фонем сургутского диалекта хантыйского языка в описаниях таких авторов, как Н. И. Терешкин, Л. Хонти. В более современном описании М. Чепреги [2] данная фонема уже не отмечается, в графике диалекта отсутствует специальный знак для этой фонемы.

Фонема \ddot{u} в сургутском диалекте, по данным словаря Н. И. Терешкина [1], носит периферийный характер: она отсутствует в говорах, кроме юганского, и выделяется только в нескольких корнях, например $k\ddot{u}l'$ 'свищ', $k\ddot{u}l\ddot{a}$ 'вставать', mu

↓ 'шапка' на месте прахантыйского * \ddot{u} . В других говорах сургутского диалекта \ddot{u} и i совпали: например, юганское mu

↓ 'шапка', тром-юганское $mi\downarrow$.

Цель настоящей работы – исследовать методами экспериментальной фонетики гласные звуки, соответствующие фонеме *ï* в современном юганском произношении.

Исследование основано на данных, полученных в ходе полевой экспедиции в сельском поселении Угут Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа в августе 2019 г. Настоящие результаты получены на выборке, полученной от двух информантов, хорошо владеющих хантыйским языком, проживающих в поселениях на реках Большой и Малый Юган. Информанты получали русскоязычный стимул и должны были три раза произнести хантыйский эквивалент.

Результаты получены с применением методики формантного и спектрального анализа, с использованием программного обеспечения Praat и Emu-SDMS. Методика предполагает вычисление формант – резонансных областей в спектре гласных, частота которых обусловлена артикуляцией. Наиболее показательными являются частота первой форманты – акустический коррелят подъема – и частота второй форманты – акустический коррелят ряда и огубленности.

В позиции после /k/ в словах *kùl'* ‘свищ’, *kùlta* ‘вставить’ гласный имеет среднюю частоту первой форманты около 350 Гц, что соответствует гласным верхнего подъема. Контур частоты второй форманты показывает длительный переходный участок в начале звука, составляющий примерно 30% от общей длительности звука и позволяющий охарактеризовать данный звук как дифтонгоид. В течение переходного отрезка частота второй форманты повышается от начального значения порядка 2100 Гц до значения порядка 2600 Гц, которое соответствует гласным переднего ряда и сохраняется на протяжении устойчивой фазы артикуляции.

При этом в таких словах, как *kiməp* ‘оказывается’, где фонема /i:/ (i по финно-угорской транскрипции) находится в аналогичной позиции после /k/, гласный не имеет такого переходного оттенка и обладает ровным контуром частоты F2.

В других гласный обладает ровным контуром частоты второй форманты порядка 2700 Гц, что соответствует неогубленному гласному переднего ряда /i:/.

Таким образом, в позиции после заднеязычного смычного на месте *ï* находим дифтонгоид [°i:]. В других позициях гласный не отличается акустически от гласного /i:/.

Характер /k/ также различается перед [i:] и [°i:]. В позиции перед [i:] в спектре согласного наблюдается усиление шума на частотах в диапазоне 2500–4000 Гц, что характерно для палатализованных согласных. Перед [°i:] такого явления нет. Следует отметить, что для сургутского хантыйского отмечается огубленность заднеязычных в позиции рядом с огубленными гласными, однако надежных свидетельств в пользу фонологической самостоятельности огубленного [k] в сургутском диалекте нет.

Таким образом, огубленность переднего долгого гласного верхнего подъема сохраняется в современном состоянии юганского говора только после заднеязычного согласного, имеющего при этом остаточную огубленность, и носит дифтонгоидный характер.

Библиографический список

1. Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 544 с.
2. Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2017. 276 с.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 012-00388).

© Тимкин Т. В., 2020

УДК: 811.512.153

А. Н. Чугунекова

ОБРАЗНЫЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (В СРАВНЕНИИ С ТУВИНСКИМ И НЕНЕЦКИМ ЯЗЫКАМИ)

*Статья посвящена анализу образных глаголов движения хакасского языка в сравнении с аналогичными глаголами тувинского и ненецкого языков. Выявленные глаголы относятся к области эмоционально-изобразительной лексики и придают высказыванию особую образность, живость и эмоциональность. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что образные глаголы движения в сравниваемых языках являются частотными, в значении которых, кроме семы со значением движения, представлена образная характеристика субъекта. В хакасском и тувинском языках образные глаголы движения в большинстве случаев реализуются через аналитические формы, где второй компонент (вспомогательный глагол) полностью теряет свое основное лексическое значение, выполняя грамматическую функцию настоящего времени: хака. чоргалап **одыр** 'идет мелкими шагами (в настоящий момент, мы его видим)', тув. дазаңайнып **чор** 'ходит вразвалку'.*

Ключевые слова: образ, образные глаголы движения, хакасский язык, тувинский язык, ненецкий язык, сравнительный анализ.

В хакасском языке, как и в других языках [2; 3; 5–7], образные глаголы движения являются широко распространенными. Как справедливо подметил Л. Н. Харитонов, «в значении образных глаголов движения отмечается наличие двух основных элементов: образа (чувственного представления) и движения. В большинстве случаев в семантике таких глаголов выступает зрительный образ, представляющий собой как бы снимок с реального образа, с его разнообразными признаками» [9, с. 179].

Подобные глаголы воспроизводят целостную картину внешнего вида, качественно-количественный характер совершаемого действия. В отличие от обычных глаголов, в них не представлено название глагольных понятий, таких как, например, *одыр* 'сидеть', *тур* 'стоять', *нас* 'ша-

гать', *чат* 'лежать', *узу* 'спать' и др. В образных глаголах «глагольное понятие построено косвенным, опосредованным путем, путем сравнения и подстановки разнообразных семантических элементов по их связи» [9, с. 203]. По мнению Б. Д. Цыренова, «значительная часть этих глаголов «заимствована» из животного мира: млекопитающие (преимущественно – конь), птицы и пресмыкающиеся (большой частью – змеи)...» [14, с. 97].

Несмотря на ранее проводимый анализ образных глаголов движения в хакасском языке [10, 11], многие вопросы по их изучению все еще остаются открытыми. Эта статья является расширенным и дополненным вариантом предыдущих исследований автора по рассматриваемой проблеме, кроме того, привлечены материалы для сравнительного анализа из тувинского [2] и ненецкого [13] языков, что является новым для данного исследования.

Цель статьи заключается в выявлении и описании семантики образных глаголов движения в хакасском языке и проведение сравнительного анализа с аналогичными глаголами тувинского и ненецкого языков.

Материалом исследования послужила сплошная выборка примеров из художественных произведений хакасских писателей. Тувинский материал извлечен из кандидатской диссертации В. С. Барыс-Хоо [2], ненецкий – из монографии В. В. Шиловой [13].

В хакасском языке образные глаголы движения в основном реализуются в составе аналитических конструкций. По справедливому мнению В. А. Аврорина, это один из характерных признаков образных слов вообще – способность вступать в устойчивые сочетания с различными формами глагольных слов. Такие словосочетания равнозначны глагольным словам, лексическое значение которых заключается в самом образном слове (либо в образно-характеризующем значении), а грамматическое – в глагольном [1, с. 216]. Как правило, в аналитических конструкциях вторые компоненты теряют свои основные лексические значения и выступают в роли модификаторов. При образных глаголах движения в хакасском языке в роли модификаторов выступают глаголы *одыр* 'сидеть', *чөр* 'ходить', *пар* 'уходить', *кил* 'приходить', *хал* 'оставаться'.

Например, глаголы *одыр* и *чөр*, утратив свое лексическое значение, выполняют чисто грамматическую функцию показателей настоящего времени. При этом смысловой глагол принимает полную или усеченную форму деепричастия на =ып. Например: *ахсаңна=п одыр* 'идет, прихрамывая' (очевидное действие, находящееся в данный момент в развитии) или *ахсаңна=п чөр* 'ходить прихрамывая' [4, с. 207]. Глаголы *пар* и *кил* конкретизируют направленность движения 'от субъекта наблюдения' и 'к субъекту наблюдения'. Кроме того, глагол *чөр* указывает и на разнонаправленное движение. Глагол *хал* вносит значение быстрого (внезапного) движения.

Например: *ахсаңна=п парыбысхан* ‘ушел (от субъекта наблюдения), прихрамывая’, *ахсаңна=п килче* ‘идет, прихрамывая (к субъекту наблюдения)’, *ахсаңна=п чөрче* ‘ходить, прихрамывая (в разные стороны)’.

При сочетании со вспомогательным глаголом *хал* основной глагол принимает форму слитного деепричастия на *-а*, но следует обратить внимание, что при образовании этой формы от основ с гласным на границе основы и аффикса деепричастия появляется *и* [4, с. 240]: *ахсаңни* (<*ахсаңна – й – а*) ‘прихрамывая’: *ахсаңни халган* ‘ушел, прихрамывая (быстро)’.

Кроме этого, «в хакасском языке образно-характеризующая семантика может быть одним из ЛСВ глаголов-полисемантов, значения которых не связаны с образностью и являются более нейтральными» [12, с. 110]. Например: *хуласта* ЛСВ1 ‘измерять расстояние саженью’; ЛСВ2 ‘идти большими шагами’; *салбаңна* ЛСВ1 ‘висеть (свисая)’; ЛСВ2 ‘неуклюже ходить, шататься (о пьяном человеке)’.

Итак, в хакасском языке образные глаголы движения мы делим на 4 группы:

1. Образные глаголы, характеризующие отличительные признаки внешнего облика человека при движении

Вследствие природного недостатка или приобретенного физического увечья движение человека явно отличается от обычного. В хакасском языке зафиксированы следующие глаголы, передающие данный образ человека при движении: *ахсаңна* ‘передвигаться прихрамывая (от рождения или вследствие какого-либо увечья)’, *талтай* ‘косолапить (о косолапом человеке)’, *налбаңна* ‘идти сотрясаясь всем телом (обычно о неуклюжем, полном человеке)’; *нилбеңне* ЛСВ ‘двигаться медленно, тяжело переваливаясь то в одну, то в другую сторону (о тучном человеке)’ [8].

Приведем примеры: *Пазох хайдар-да ахсаңнап пари* (КН КХ, 97) ‘Снова куда-то пошел, прихрамывая’; *Tiği kizi neer nilbeñnep odyr* (АТ, 15) ‘Тот человек, медленно передвигаясь, идет сюда’.

В тувинском языке насчитывается достаточно большое количество глаголов, характеризующих отличительные признаки внешнего облика человека при движении: *аскакта* ‘хромать’, *аскаңгырла* ‘хромать’, *чандыңна* ‘хромать на одну ногу’, *дойтуңна* ‘ходить прихрамывая’, *дазаңна* ‘ходить раскорякой’, *майыраңна* ‘идти хромя (прихрамывая), ковылять’, *алчаңна* ‘ходить раскорякой и покачиваясь’, *чолданна* ‘ходить (о низкорослом человеке)’, *узаңна* ‘ходить (о долговязом человеке)’, например, *Буттарының чузу ээлбес кижси дег, дазаңайнып чораан* ‘Он ходил вразвалку, словно человек, у которого не сгибаются суставы ног’» [2, с. 226–227].

В ненецком языке, по данным В. В. Шиловой, всего два глагола: *«пындыңгась* ‘идти, слегка прихрамывая’, *вае”ңэдарць* ‘прыгать, скакать на одной ноге’» [13, с. 77].

2. Образные глаголы, характеризующие манеру движения человека

Каждому человеку свойственны индивидуальные особенности, определяющие манеру его пешего передвижения. В хакасском языке представлена достаточно богатая система образных глаголов движения, определяющих походку человека. Так, движение «широкими шагами» передают глаголы *хуласта* и *халыхта*, «мелкими шагами» – *сібіреңне* ‘идти мелкими шагами’, *чорбаңна* ‘ходить мелкими шажками, семенить’, *чоргала* ЛСВ ‘ходить мелкими шагами’. Глаголы *чайбаңна* ЛСВ ‘шагать вразвалку’, *чайхан* ЛСВ ‘ходить вразвалку’, *чайхаңна* ЛСВ ‘шагать вразвалку; идти покачиваясь, семенить’ передают движение «неспешными шагами (переваливаясь с ноги на ногу)».

Например: *Аңчы аң інінзер сібіреңнен пари* (ИК МН, 78) ‘Охотник засеменил к норе зверя’; *Ооллар Акайның соонча чорбаңнан парчалар* (АХ А, 96) ‘Парни идут (быстрым, но частым шагом) за Акайном’.

Достаточно интересную манеру передвижения представляет глагол *сойла*, который в своем прямом значении передает передвижение только пресмыкающихся, а в переносном значении – «змеиный» способ передвижения человека, например, *Сыр чылан чілі сойлапча* ‘Ползет, как змея подколодная’ [8, с. 487].

В семантике глагола *хойбаңна* ‘ходить, виляя задом’ зафиксирован «собачий» способ передвижения. Такая манера передвижения свойственна в большинстве случаев женщинам: *Ипчим пір-ікі ле тонаныбысхан, хойбаңни халган ааллап* (ИТ ХО, 57) ‘Жена моя быстро оделась, виляя задом, ушла в гости’.

Следует заметить, что для выражения движения широким и мелким шагом «заимствуются» глаголы, обозначающие способы передвижения представителей животного мира (конь). Избрание объектом сравнительного употребления видов конского аллюра не кажется странным, если учитывать, что для тюркских народов (монгольских в том числе) конь был и является одной из главных фигур в их образе жизни и хозяйствования [14, с. 98]. Например: *Хайдар халыхтап парирзың?* ‘Куда [ты] помчался (бежишь галопом)’ [8, с. 794].

В тувинском языке в этой группе рассматриваются всего шесть глаголов: *чындыңна* ‘ритм. двигаться плавно’; *дазылакта* ‘ходить вразвалку’, *чаяңна* ‘идти, покачиваясь; ходить вразвалку’, *кудуңне* ‘ходить согнувшись, сутулясь’, *узеңне* ‘ходить сутулясь’, *оортулаңна* ‘двигаться туда-сюда, пошатываться’. Например: *Коңгулдай сайда күдңейнип чоран урунгу көрзе-даа, хереке албаан* ‘Если даже Коңгулдай и видел девушку, которая ходила согнувшись по гравию, всерьез не воспринял’ [2, с. 227].

Ненецкий язык представляют глаголы: *ензириць* ‘важно вышагивать’, *тырмрась* ‘идти частым, мелким шагом’, *юебтёсь* ‘идти вертлявой по-

ходкой’, *малелабтась* ‘пойти согнувшись, пойти на далекое расстояние, наклонившись немного вперед и не обращая внимание на окружающих’. Кроме того, в последнем глаголе зафиксирована еще и внутренняя сосредоточенность субъекта при движении.

Как считает В. В. Шилова, в ненецком языке самым распространенным является способ ‘скользящего движения’, что связано с особенностями уклада жизни народа: «скользящее движение в какой-то степени имитирует движение нарт (*ханярць* ‘скользить, нестись легко и беспрепятственно’, *хаёласть* ‘скользить’, *нисересь* ‘скользить’)» [13, с. 77].

3. Образные глаголы, характеризующие неуверенное движение человека

Неуверенное движение человека может быть связано с нарушением координации или иными причинами. Данное значение в хакасском языке передают глаголы *талтаңна* / *таптаңна* ‘ходить неуверенно ступая (то падая, то поднимаясь)’, *чорбаста* ‘1) *саг.* идти еле-еле, переваливаясь’, 2) *кач.* ‘идти напряженно, неуверенной походкой (во время гололедицы)’, *оласта* / *олаңна* ‘идти неровной, нетвердой, шаткой походкой’, *салбаңна* ЛСВ2 ‘неуклюже ходить, шататься (о пьяном человеке)’ [8].

Первый глагол обычно передает движение ребенка, который начинает делать первые шаги, например: *Пала тура істінче талтаңнап чөрче* ‘Ребенок ходит по дому’. Кроме того, этот глагол может передавать движение пожилого человека, который в силу возраста может терять координацию и передвигаться неуверенно’, например: *Апсах тимір чол вокзалынзар талтаңнаан* ‘Старик, неуверенно ступая, шел к железнодорожному вокзалу’.

Глагол *чорбаста* обычно передает движение человека во время гололеда или по бездорожью: *Пеер апсах чорбастап одыр* ‘Сюда старик идет, тяжело переваливаясь’.

Глаголы *оласта* и *салбаңна* передают движение человека, связанное с физической усталостью, болезнью или алкогольным опьянением, например: *Оластанча, аңдарылча, пазох хаалаг итче* (МК, 163) ‘Идет качаясь, падает, снова делает несколько шагов’; *Пазох ниссер изірік олаңнап одыр* (АТ, 7) ‘Снова пьяный идет к нам’; *Tigi kizi neer salbaңnaп одыр* ‘Тот человек сюда идет (пошатываясь)’.

Из тувинского материала в эту группу мы включаем всего два глагола: «*тендир* ‘шататься при потере равновесия (о пьяном человеке)’; *элеңне* ‘ходить пошатываясь’, например, *Өүскүс-оол элеңейнип чораан* ‘Өүскүс-оол шел пошатываясь’; *Василий Семенович элеңейнип келген* ‘Василий Семенович пришел пошатываясь’ [2, с. 227].

В ненецком языке подобные глаголы не зафиксированы.

4. Образные глаголы движения, характеризующие неуклюжее движение человека

В эту группу входят следующие хакасские глаголы: *палтаңна* ‘грузно, неуклюже двигаться (по глубокому снегу или в тяжелой неуклюжей одежде)’, *нилбеңне* ЛСВ ‘ходить неуклюже (в одежде не по размеру)’, *халбаңна* ЛСВ2 ‘быстро и неуклюже двигаться’.

Например: *Апсах тирең харча чадап ла палтаңнапчатхан* ‘Старик кое-как передвигался по глубокому снегу’; *Пала палтаңнапплача* ‘Ребенок ходит неуклюже (о ребенке, начинающем ходить)’ [8, с. 343].

В тувинском языке: *атпаңна* ‘ходить неуклюже (о ребенке)’, *көлдеңне* ‘двигаться (о мешковатом неуклюжем человеке)’; *метпеңне* ‘ходить неуклюже (о тучном человеке)’, например: *Узбам оглун холундан чедип алгаиш, метпейиш чорупту* ‘Сестра (полная), взяв сына за руку, ушла’ [2, с. 228].

Интересной особенностью ненецкого языка является то, что в нем имеются глаголы, которые так или иначе описывают одежду субъекта движения. При этом речь идет о быстром движении: *тяданась* ‘быстро идти в широко распахивающейся одежде’, *нэлолабтась* ‘быстро пойти, шума рваной одеждой’, *нэлхалась* ‘бежать, производя шум одеждой’.

В хакасском языке тоже имеется глагол, который в какой-то степени описывает одежду человека. Это глагол *чайыл перен*. ‘идти, передвигаться (обычно о женщинах, девушках, надевших широкое платье)’ (основное значение – ‘разливаться, рассыпаться’): *Тиги хызычах пазох хайдар-да чайыл пари* ‘Та девочка снова куда-то пошла’.

Таким образом, сравнение глаголов образной характеристики движения в хакасском, тувинском и ненецком языках позволяет определить как общие так и различные значения. Во всех трех языках выделяются глаголы образной характеристики движения по походке, манере двигаться. Общими для всех являются глаголы со значением ‘передвигаться прихрамывая, ковыляя’. В отличие от хакасского и тувинского языков, в ненецком языке выделяются глаголы с семантикой ‘ходить взад и вперед без толку (о невзрачном человеке)’ (*еньзьрырьць*), ‘расхаживать, держа руки за пазухой малицы’ (*лабтэрць*). Глаголы со значением ‘неуклюжее движение’ выявлены только в хакасском и тувинском языках, со значением ‘неуверенное движение’ – только в хакасском языке.

Однако собранный нами материал не свидетельствует об отсутствии в этих языках образно-характеризующих значений. Каждый язык обладает уникальными способами образования данных значений. На наш взгляд, в этих языках имеются и другие глагольные лексемы с разными образными значениями.

Библиографический список

1. Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 296 с.
2. Барыс-Хоо В. С. Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке (в сопоставительном аспекте): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 338 с.

3. Васильева Т. Н. Глаголы движения в современном чувашском языке: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1980. 213 с.
4. Грамматика хакасского языка / под ред. проф. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 417 с.
5. Иштанова Р. К. Глаголы татарского языка в семантическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 284 с.
6. Лельхова Ф. М. Глаголы образной характеристики движения в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) // Финно-угорский мир. 2017. № 1. С. 6–16.
7. Носкова М. В. Когнитивные основания функционирования лексико-семантической группы глаголов, обозначающих манеру движения (на материале английского языка) // Новые возможности общения: достижения лингвистики, переводоведения и технологии преподавания языков: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2011. С. 147–153.
8. Хакасско-русский словарь / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков [и др.]. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
9. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 312.
10. Чугунецова А. Н. Глаголы движения в хакасском языке: учебное пособие. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2002. 100 с.
11. Чугунецова А. Н. Категория пространства в хакасском языке. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2019. 160 с.
12. Шагдурова О. Ю. Образно-характеризующие значения многозначных глаголов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 9. С. 110–114.
13. Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в немецком языке. Новосибирск, 2003. Ч. 1. 106 с.
14. Цыренов Б. Д. Глаголы линейного движения в бурятском языке: выражение эмоций и состояний // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 16–17 мая 2019 года) / Сибирьде чуртапчатхан чоннарның тиллерин паза культураларын хайраллыры паза тилдері: Россия синіндегі III наука-практикалыг конференцияның материаллары (Агбан, 16–17 сілкер айы 2019 ч.) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2019. 192 с.

Список сокращений

АТ – Ах тасхыл. Литературно-художественный альманах. Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1988. № 36. 143 с.

АХ А – А. Халларов. Акай. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1984. 184 с.

ИК МН – И. Костяков. Минің нанчыларым: Рассказы для детей. Абакан, 1960. 59 с.

ИТ ХӖ И. Топоев. Хоңалтаһ ӧдик. (Болтунишка): юморист. рассказы. Абакан, 1997. 160 с.

КН КХ – К. Нербышев. Кӧгім хорымнарда (У синих утесов). Роман. Агбан, 1983. 207 с.

МК – Кильчицаков М. Е., Шултабаева В. Г., Митхас Туран, Г. Г. Котожеков. «Всходы». Сборник пьес. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1991. 264 с.

© Чугунецова А. Н., 2020

ИССЛЕДОВАНИЕ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ КАК ОСНОВЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

УДК 398.33

Э. С. Денисова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ В РУССКОЙ И ТЕЛЕУТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье ставится задача: провести сопоставительный анализ примет и суеверий в контексте русской и телеутской лингвокультур. Опыт сбора и классификации примет телеутского народа позволил провести сопоставительный анализ паремиологического фонда русского и телеутского языков, выявить общее и уникальное в функционировании народных примет в языковой картине мира русских и телеутов. Бытовые, календарные и погодные приметы телеутов проанализированы как маркеры влияния русского языка, испытываемого телеутским языком.

Ключевые слова: *малый фольклорный жанр, народная примета, языковая картина мира, телеутский язык, русский язык.*

Исследование телеутского языка на сегодняшний день имеет актуальное значение: телеуты – малочисленный коренной народ Севера, язык которого находится на грани исчезновения. Сложившаяся система экстралингвистических факторов (более подробно о них см. в работе [3, с. 550–551]) способствует как относительной (прежде всего, количественной) стабильности телеутского этноса и языка, так и его постепенной ассимиляции русским языком, трансформации традиционных этнокультурных и коммуникативных практик. Исходя из сказанного, особый интерес представляют зафиксированные в жанре народных примет факты взаимодействия миноритарной (телеутской) и мажоритарной (русской) лингвокультур.

Материалом исследования послужили телеутские приметы, представленные в печатных изданиях [7], полевой материал автора (ПМА), собранный в ходе экспедиций 2017–2019 гг. в село Беково и микрорайон Телеут (Кемеровская область), а также русские приметы, зафиксированные в научной литературе [1] и лексикографических источниках [5; 6]. Исходным для сопоставительного анализа является русский язык, так как русское народное наследие, по сравнению с телеутским, имеет относительно полную письменную фиксацию (более подробно с собранным материалом можно познакомиться в сборнике малых фольклорных жанров телеутской лингвокультуры [2, с. 35–49]).

Телеутские приметы, как и русские, согласно тематическому принципу, можно распределить на следующие три группы:

- 1) «природные приметы, которые, как правило, имеют научное обоснование, связанное с законами природы» [4, с. 107], то есть с законами географии, метеорологии и биологии: *Ай ару – жақшы кўнге. Ай алалпады, қаралпады – кўн пулгалтарар* (рус.: Луна чистая – погода хорошая. Луна с пятнами, потемнело – погода испортится) (ПМА);
- 2) «бытовые приметы, которые, в отличие от природных примет, характеризуются необоснованностью в естественно-научном смысле» [4, с. 107–108]: *Тусты төгөгө – жаманга, қырышқа* (рус.: Соль рассыпать – к плохому, ссоре) (ПМА);
- 3) «календарные приметы, которые закреплены за каким-то определенным временем и не действуют в другие дни» [4, с. 108]: *23 чаган айда. Ағаштарда, үндерде қуру ползо – сууқ, жамғырлу жай полор* (рус.: 23 января. На деревьях, стогах иней будет – холодное, дождливое лето будет) (ПМА).

Согласно собранным данным, бытовые приметы занимают первое место по частотности употребления в сравниваемых культурах. Большинство собранных телеутских примет этого типа идентичны русским, поскольку моделируют аналогичные бытовые ситуации, ср.: (1) *Қууқ ақтабизе жасқыда – септе ақча, клич ползо – жақшыға* (рус.: Первая кукушка весной прокричит, если в кармане есть монеты (деньги), ключ – то год счастливый) (ПМА) – *Если кто, весной, в первый раз, услышит кукование кукушки при деньгах, – тот будет целый год при деньгах* [6, с. 154]; (2) *Саңысқан шайраңжит – жаманга* (рус.: Стрекошет сорока – к плохому) (ПМА) – *Если вблизи дома часто и подолгу кричит сорока – умрет кто-то из домашних* [1, с. 135]; (3) *Ийт улуғанда – жаманга* (рус.: Собака воет – к плохому) (ПМА) – *Собака воет на дворе – к беде* [6, с. 115].

К особой группе бытовых примет в собранном материале мы относим телеутские паремии, связанные со сновидениями, ср.: *Айағы ур қатқа тўжинде плат сийлап перзе – ол қаттың қыс пала туулкелер. Айағы ур қатқа тўжинде пөрик сийлап перзе – ол қаттың эр пала туулкелер* (рус.: Если кому-то из членов семьи снится сон о том, как он дарит беременной женщине **платок** – значит у неё родится дочь. Если же снится, что он дарит беременной **шапку** – значит у неё будет сын) (ПМА). Как отмечают исследователи, гендерная принадлежность вещей, используемых во время акта зачатия / беременности, принципиально важна и для русской языковой картины мира: «ведь именно область («мужская» или «женская»), к которой относится вещь, в некоторой степени «моделирует» пол будущего ребенка» [1, с. 156]. Приведем пример-иллюстрацию из корпуса русских примет: *«Если женщина во время супружеского акта наденет мужскую шапку, она будет беременна мальчиком, а если мужчина покроет голову женским платком, будет беременна девочкой»* [1, с. 156].

Собранные в ходе эксперимента метеорологические приметы, стоящие на втором месте по употребительности, наиболее ярко демонстрируют неугасающий интерес телеутов к окружающей природе. В ходе анализа полученных данных мы пришли к следующим выводам:

1. В исторической памяти телеутского народа, как преимущественно жителей сельской местности, сохранилось немало различных погодных примет, ср.: (1) *Түдүн эбиртинжит – салқынға* (рус. Дым вьется – к ветру) (ПМА); (2) *Эртен туман ползо – жақшы күнге* (Утром туман – будет хорошая погода) (ПМА); (3) *Солоңы пир јаны периги јанда, экинчи јаны пайаты арығы јанда ползо – күн турар* (рус. Если у радуги одна сторона – на одной стороне, а другая – на другой стороне через реку, то погода восстановится) (ПМА). Приведенным выше телеутским приметам можно найти аналог среди зимних и летних примет в русском календаре-месяцеслове [5, с. 13; с. 42].
2. В большинстве телеутских и русских примет в качестве ключевых слов используются номинации животных, птиц, насекомых, поведение которых помогает предсказать изменения погоды, ср.: (1) *Қызынқа тумчығын јажырјит – сууққа* (рус. Если кошка прячет нос – к холодам) (ПМА) – *Кошка в клубок – мороз на порог*; (2) *Ийт тоғлонгондо – салқынға* (рус. Собака спиной на земле ворочается – к ветру (непогоде)) (ПМА) – *Собака катается по траве – к ветру, по снегу – к метели, или на оттепель*; (3) *Қудай құжы төмөн угса – јамғырға* (рус. Ласточки низко летают – к дождю) (ПМА) – *Ласточки летают над самою землею – к дождю* (примеры русских примет взяты из «Словаря народных примет в разноструктурных языках» [6, с. 102; с. 115; с. 157]).
3. В структуре примет активно используются опорные слова-символы культуры телеутов – берёза и конь / лошадь: (1) *Определить, какая будет зима, можно по березе. Если осенью береза стоит голая, то зима будет холодная. Если осенью береза стоит с листочками, значит, зима будет теплая* (ПМА); (2) *Малдар қыйғынјалар, айақмнаң қақјалар – сууққа* (рус. Лошади фыркают, бьют копытом – к холоду) (ПМА)).
4. Приметы раскрывают языковую картину мира телеутов через обращение к кочевому образу жизни, характерному для их исторического прошлого, ср.: *Раньше люди (телеуты) ходили по полям. Поэтому и возникла эта примета: если выйти из родника (свежего, который только недавно забил ключом), то будешь долгожителем* (ПМА). Подобного рода приметы построены по принципу предания, известны со слов «старших».

Календарные приметы меньше всего используются в коммуникативной практике носителей русского и телеутского языков. Однако и между приметами этого типа можно установить соответствия. Покажем это на

примере анализа паремий, взятых из газеты «Телеутская земля» и русского календаря-месяцеслова: *25 чаган айда – Татянаң күни. Күн көрзө – куштар эрте учуп келер, қар ползо – жамғырлу јай полор* (рус. 25 января – Татьянин день. Если проглянет солнышко, то к раннему прилету птиц; если снег, то лето дождливое) [7] – *25 января – Татьянанин день. Если идет снег – летом будет много дождей; если ярко светит солнце – скоро прилетят птицы, и наступит весна* [5, с. 5–6].

Собранный нами материал также включает приметы-суеверия и приметы-наблюдения: первые научно не обоснованы, не имеют логического объяснения, вторые в основном объясняются совпадениями и случайностями. Приведем примеры примет-суеверий из телеутского языка: (1) *Айағы ур қатқа қолына, чачқа қайыңнаң чеберле неме јазағандар – пала түйпезин теп, қолго, чачқа* (рус. Беременной женщине из березовой коры делали оберег на руку или волосы, чтоб ребенка доносила) (ПМА); (2) *Позого турбай эртипјалар* (рус. На пороге не стоят, проходят) (ПМА); (3) *Өлгөнди апарғанда палдарға көзнөктөрдөң көрөгө керек жоқ* (рус. Покойника несут, детям из окон смотреть нельзя) (ПМА). Для русской лингвокультуры тоже характерны приметы-запреты, ср.: (1) *Беременным нельзя стричь волосы*; (2) *Нельзя здороваться через порог*; (3) *Нельзя забирать вещи с кладбища* (примеры взяты из работы Н. А. Агаповой [1, с. 144]).

Самую немногочисленную группу в нашем материале составляют приметы-наблюдения. В телеутском языке приметы-наблюдения в основном используются для оценки внешних и внутренних качеств человека: (1) *Ырзақ тишиту – мекелчик кижжи* (рус. Редкие передние зубы – врун) (ПМА); (2) *Кижже көзинең көринјит* (рус. Человек по глазам виден (узнается)) (ПМА); (3) *Көсмөкчил кижең тының көрјит* (рус. Ясновидящий видит человеческую душу) (ПМА). Подобные поверья можно найти и в русской лингвокультуре (см. [1; 6]).

Подводя итоги, необходимо отметить, что раскрытие роли приметы как культурно обусловленной лексической универсалии в формировании национальной картины мира, сбор и сопоставительное изучение примет и суеверий русской и телеутской лингвокультур позволяют не только реконструировать традиционную картину мира изучаемых народов, но и обнаружить «точки» их взаимодействия. Исследование показало, что народные представления телеутов, отражённые в приметах и суевериях, в настоящее время уже основаны преимущественно на русской лингвокультуре. Ярким маркером данного положения выступает наличие примет, калькированных из русского языка в телеутский.

Библиографический список

1. Агапова Н. А., Банкова Т. Б., Угрюмова М. М. Ключевое слово народной приметы: репрезентация константы культуры // Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск: Томский государственный университет, 2017. 200 с.

2. Малые фольклорные жанры в телеутской лингвокультуре: сборник пословиц, поговорок, загадок, примет, фразеологизмов / отв. ред. Э. С. Денисова, А. В. Проскурина. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2019. 89 с.
3. Оленев, С. В., Денисова Э. С. Взаимодействие языковых картин мира миноритарного и мажоритарного языков (на материале бытовых, календарных и погодных примет телеутов) // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме «Восток-Запад: пересечения культур»: научно-практические материалы II Всемирного конгресса. Япония, Киото: Tanaka Print, 2019. Том II. С. 550–557.
4. Павлова Е. Г. Опыт классификации народных примет // Паремииологические исследования / сост. Г. Л. Пермяков. М.: Наука, 1984. С. 294–299.
5. Русский народный месяцеслов. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1990. 64 с.
6. Словарь народных примет в разноструктурных языках (русский, татарский, английский, немецкий). Казань: Печать-Сервис XXI век, 2014. 264 с.
7. Телеутская землица. Приложение к газете Беловского муниципального района «Сельские зори». № 56. 26 октября, 2018. 16 с.

© Денисова Э. С., 2020

УДК 391.4

О. В. Куштеева

СИМВОЛИКА ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ХАКАСОВ

В традиционной культуре костюм, как и всякий артефакт, имеет символическое значение. Особенный статус в знаковой системе костюма имеет головной убор, который определял гендерную, возрастную, социальную принадлежность владельца. В символической системе традиционной культуры головной убор отождествлялся с сакральным верхом, телесность головного убора связана с телом человека, родом и структурой мироздания, что отражается в фольклорных источниках и обрядовых практиках.

Ключевые слова: традиционный костюм, символика головных уборов, традиционное мировоззрение.

В традиционной культуре всякий феномен имеет символическое значение, осмысливается этносом через устоявшиеся мировоззренческие нормы. Вещь в традиционной культуре – обязательно символ, образ в знаковой форме, наделенный органичностью мифа. По выражению А. Г. Габричевского, «человек как существо социальное не только пользуется вещами, их пространственными и временными отношениями, но и понимает их и осмысляет... Всякое культурное единство, всякая социальная система является всегда в то же время системой знаков, ибо всякая вещь, начиная собственно от тела человека, может быть не только вещью... но и знаком, носителем смысла» [3, с. 31]. Отличие традиционной знаковой системы вещей с её постоянным возобновляемым смысловым полем от современной культуры очень ясно обозначено в работе Ж. Бодрийара: в современном мире количество вещей и транслируемых ими смыслов нарастает в геометрической прогрессии и сами эти смыслы постоянно меняются. Вещь в современном мире зачастую обозначает

лишь свою непосредственную функцию, она стала массовой, серийной, не выражающей индивидуальности. Её функция – формировать некую спроектированную модель дизайнерского пространства, в которой человек участвует, только составляя различную комбинаторику предложенного – своеобразная *социология расстановки* [1, с. 30].

В исторической ретроспективе форма вещи всегда была некоторым продолжением человеческого тела, её выражением, человек воспринимал вещи как способ раскрыть мир и увековечить его. Костюм является символическим замещением человека в художественном пространстве культуры. По костюму можно было читать гендерную, социальную, возрастную, региональную и родовую принадлежность человека, его финансовый статус и профессиональные навыки.

Особым символическим статусом обладал головной убор: в традиционной культуре ношение шапки было обязательно в целом ряде ситуаций. Так, наличие головного убора было обязательно для замужней женщины, особенно если в дом заходил свёкор или старшие родственники по мужу. В этом случае на женщине должен был надет и *сигедек*. Девичьи и женские головные уборы надевались поверх платка. Такая удвоенность функции подчеркивала высокий статус головных уборов, таких как *тўльгў пўрик* и *тагаях*, которые надевались на свадьбу и праздники, то есть в особое сакральное время. Надеть шапку также означало стать выше, увеличить свою значимость. Факт ношения двойного головного убора может быть примером апотропейной (охранительной) магии, когда в качестве оберега надевалось несколько одежд, тем самым увеличивая их защитную функцию. Например, костюм свахи отличается максимальной многослойностью, причем такая многослойность характерна и для теплого времени года. Головные уборы у мужчин и женщин имели охранительное и продуцирующее значение, что отражается в запрете надевать мужчине две шапки сразу, чтобы не быть дважды женатым. То же апотропейное значение шапки и шубы прочитывается и в период траура, когда независимо от времени года близкий человек носил их в течение определённого времени, а потом окуривал их и складывал в сундук [2, с. 221]. Представления о костюме как о продолжении тела отражаются и в таких приметах, как запрет крутить шапку (голова закружится) или оставлять стоящими сапоги на ночь (ноги не отдохнут). Согласно Дж. Фрэзеру, это достаточно типичные для всех культур проявления *симпатической магии*.

Дифференциация мужских и женских головных уборов являлась отражением социальной и биологической дифференциации. Зачастую в костюме кочевников крой мужской и женской одежды практически не различался, причем этот факт отмечается у кочевников раннего Средневековья (например, у половцев), народов Средней Азии, средневековых

тюрков, монголов, бурят. Существенное различие имели именно головные уборы и прически.

В целом историки и этнографы, описывая хакасские головные уборы, отмечают несколько основных типов: мужская *хысхы пöрик* (*куруска пöрик*) – круглая шапка с меховым околышем (овчинным, из мерлушки) и тульей из плиса; *хамнос пöрик* или *камчат пöрик* – шапка из мерлушки с околышем из выдры или бобра; *чабак* (кач.) (у бельтыр она называлась *хулагтыг пöрик*) – зимняя шапка типа малахая, закрывающая уши и плечи; *чайгы пöрик* – небольшие белые меховые летние шапки, *киис пöрик* – войлочная шапка, которую позднее заменили на покупные фетровые шляпы. У охотников также существовал особый головной убор – специальная вязаная шапочка *киттезек* или *чатпаях*, напоминающая берет, вязали ее из белой козьей шерсти, вовнутрь подкладывали круглый кусок овчины, края *киттезек* подгибали наружу. В подтаежных районах шапочка иногда вязалась из конопляной нити [11, с. 121]. Старинный покрой шапки с меховым околышем и четырехугольной свисающей тульей из плиса, зачастую вышитой, напоминающей «конфедератку» (по Н. Ф. Катанову), встречался у качинцев и сагайцев еще в конце XIX в., что можно увидеть на этнографических рисунках [5]. В фондах Минусинского краеведческого музея имени Н. М. Мартыанова хранится летний вариант такой шапки, украшенной вышивкой, а также вышитая бархатная деталь такой шапки.

Женские шапки также представлены в многообразии типов, материалов и конструкций: зимние *хысхы пöрик* – по крою и материалам не отличались от мужских, бытовали шапки в виде капора с меховой опушкой и плисовым крытым верхом, которые иногда украшались вышивкой; старинная шапка *колпак* с меховым околышем из соболя или чернобурой лисы и длинным, в виде мешка верхом, с кисточкой на макушке; *ах колпак* – вязаные шапки из суровых ниток (белых, синих и красных) с кисточкой на конце (бытовал у качинцев и кызыльцев). В XVIII–XIX вв. женщины-качинки носили малахаи и войлочные шапки, аналогичные мужским. *Тагаях, сапка, хыс хызыл* – девичья праздничная шапка, опушенная мехом, с вырезом для лица, верх обшивался парчой, с красной кистью до середины, сзади верх опускается на вырез тульи в виде мягких складок из плиса, расшитого перламутровыми пуговицами. *Тулгү пöрик* – самая нарядная и колоритная хакасская женская шапка, которая, как понятно из названия, шилась из меха лисы: «Высокий меховой околыш подбивается какой-нибудь дорогой материей и идет вокруг головы в виде большого кокошника с разрезом сзади. В окружности имеет от 1 ½ до 2 аршин длины. Круглая тулья из парчи и шелковой материи почти совершенно скрывается за высоким околышем, она собрана посередине и к ней сверху пришивается большая шелковая кисть» [7, с. 169]. В качестве летнего головного убора у девушек кызыльцев встречался вышитый «звезд-

дами» черный плисовый головной убор, состоящий из одного околыша [7, с. 167].

В традиционном мировоззрении телесная терминология относится и к социальным отношениям, временным и пространственным структурам. Это отражается в языке – например, в тюркских языках термином *баиш* обозначалась «голова», «глава» (начальник) «вершина», «начало», «первый». Таким образом, «космическая анатомия» тождественна человеческой – человеческий организм воспринимался как модель мифического космоса [10, с. 9]. Человек – это символическая вертикаль, Мировая Гора, его голова – её вершина, которая стремится к солнцу. Отсюда символическое значение красной кисточки на головных уборах – например, у монголов, калмыков и бурят это символ солнца [6, с. 184]. Остроконечная верхушка шапки у бурят символизирует процветание и благополучие, синий цвет у шапок – символ синего вечного неба. Красные кисточки – *залаа*, с одной стороны, своим цветом и многочисленными нитями имели солярную символику, с другой стороны, обладали магической способностью «призывать» счастье, благодать. Так у монгоязычных народов сохранился обычай прикреплять к шапке, в частности жениха и других почетных сватов (при проведении свадебной церемонии), ленты, которые назывались *залаа* или *заламаа*. При шитье шапки стержень кисточки (*залаа*) скручивали в три слоя, что означало три поколения: отец, сын и внук [4, с. 13].

Исследователи описывают наличие красных кисточек на головных уборах у хакасов. Г. Ф. Миллер, рассматривая одежду хакасов, отмечает монгольское влияние на их костюм: «... шапки у кузнецких и красноярских татар (качинцев) вследствие соседства сходны с шапками калмык и монгол, именно они совсем круглые, едва доходят до ушей и имеют кругом опушку из лисьего или другого меха. У некоторых можно видеть сверху шапки кисти, обычно из красных ниток» [8, с. 289]. В более позднее время кисти сохранились в основном на женских головных уборах. Они обязательно присутствовали на *түлгү нѳрик*, *тагаях*, *ах колпак*, *колпак*, кисти на колпаках – обязательный элемент и в головных уборах татар, башкир. У башкир кисти на колпаках имеют название *укалы сук*, *ука сэсэк*, *битлек* [12, с. 76]. У татар в головном уборе *ак калфак* бахрома на лбу и кисточка имели термин *ука белек*, или *ука чачак* – бахрома из позумента или кисточка из позумента. Термином *ука чачак* обозначалась также налобная повязка, которая вместе с платком или калфаком являлась символом девичества [9, с. 132]. В хакасском языке термин для обозначения кисточки *чачах* имеет все-таки тюркские, а не монгольские параллели.

Одним из вертикальных космогонических символов является Мировое Древо – его семантика очень четко прослеживается в орнаменте вышивки качинской шапки (инв. № 1779, Минусинский краеведческий му-

зей им. Н. М. Мартянова). В описании к шапке указано, что это «пёррик – шапка качинца, живут по Абакану в Минусинском округе Енисейской губернии». Старинный вид кроя *pörük* состоит из четырех пятиугольных деталей, вершинами образующих выступающую середину, подобную горе или жилищу. Каждая из четырех деталей вышита орнаментом с центральной симметрией, на вершине которого представлена пятилепестковая пальметта. В целом орнамент несет даже не столько растительный код, сколько напоминает антропоморфную фигуру с широко расставленными руками и ногами – в этом отражается синкретичность художественно-мифологических представлений, свойственных народной культуре. Рассматривая шапку в двух проекциях, мы видим, как меняется её орнаментальная структура: если смотреть сбоку, мы видим орнаментальный мотив с двойственным значением; если рассматривать шапку сверху, четыре детали складываются в четырехчастную розеточную композицию, на макушке дополнительно украшенную четырехлучевой розеткой в форме креста. В этой шапке конструктивно (за счет кроя) и декоративно (благодаря орнаменту) конструируется вещь – аналог Мировой Горы, вещь – аналог традиционного пространства культуры, имеющей ориентацию на четыре стороны света, с выделением центра орнаментом с солярной символикой. Таким образом, головной убор транслирует мировоззренческую и художественную систему традиционной хакасской культуры.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 223 с.
2. Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов: пособие для учителей. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1996. 224 с.
3. Габричевский А. Г. Морфология искусства. М.: Аграф, 2002. 864 с.
4. Данжеева Х. Н. Технология пошива бурятской шапки. Улан-Удэ: Нова Принт, 2018. 104 с.
5. Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. Абакан: 2004. 257 с.
6. Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX века. М.: Наука, 1979. 206 с.
7. Кузнецова А. А., Кулаков П. Е. Минусинские и ачинские инородцы // Материалы для изучения. Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1898. 298 с.
8. Миллер, Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. 1. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. 630 с.
9. Сусллова, С. В., Мухамедова, Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв). Казань: Издательство «Фэн», 2000. 312 с.
10. Традиционное мировоззрение народов Южной Сибири. Человек и общество / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев [и др.]. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1980. 243 с.
11. Шибаева Ю. А. Одежда хакасов. Сталинабад: М-во просвещения Таджикской ССР, Таджикский государственный университет им. В. И. Ленина, 1959. 126 с.
12. Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. Уфа: КИТАП, 1995. 248 с.

ИСТОРИЯ И СХОДСТВО НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ ХАКАССКОГО И КЫРГЫЗСКОГО НАРОДОВ

В статье проанализированы история и сходство национальных традиций и обычаев кыргызского и хакасского народов. Были сделаны выводы о том, что этнические, исторические, культурные, социальные, бытовые черты народов имеют много общего, связаны с их историческими корнями. Необходимо знать традиции и обряды своего народа, сохранять и умножать их, передавать из поколения в поколение.

Ключевые слова: история, обряды, свадьба, корень, поколения, традиция, нация.

Национальные традиции долговечны и устойчивы. С появлением народа на земле возникли и традиции, которые передаются из поколения в поколение и сохраняются у каждой определённой группы народа в течение длительного времени. И. Л. Кызласов писал: «Из приведённых данных следует, что кыргызы были не особым народом, а издревле смешанной по происхождению аристократической родовой группой, входившей в тюркоязычное ядро древних хакасов, от которого они ничем уже не отличались в этническом и культурном отношении, за исключением сохранения своего древнего родового самоназвания» [6, с. 58].

В нашей статье мы проанализируем сходство истории и традиций двух народов. Профессор Н. Ф. Катанов провёл комплексное изучение быта, культуры тюркских языков. В его книге «Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях» мы встретим следующие хакасские пословицы: «Начинайте изучать свой край со своего гнезда», или «Чему научатся в гнезде, то и делают в полёте»; «Старшим место уступай, младшим помощь подавай»; «Ветки молодыми гнут, а детей воспитывают, пока растут»; «Какая лошадь – будет видно уже жеребенком, какой человек будет – видно уже ребенком» [5, с. 260]. Надо отметить, что эти пословицы вполне совпадают с кыргызскими.

Как единогласно подчеркнули В. Я. Бутанаев, А. А. Верник, А. А. Ултургашев: «Важную роль в праздниках играют социально-психологические факторы, религиозные обычаи и обряды, нормы взаимоотношений между людьми. Весь обрядово-праздничный комплекс составляет значительную часть современной этнической культуры народа» [8]. Праздники отражают историко-культурное наследие народа и, в известной мере, формируют духовный мир подрастающего поколения. Одним из таких праздников у хакасов является свадьба. У кыргызов и хакасов на свадьбе важную роль играют социально психологические факторы, религиозные обычаи и обряды, нормы взаимоотношений между людьми.

Т. А. Бернштам писала: «Приняв решение женить сына, родители присматривали девушку из многодетной семьи, из рода, имевшего хорошую репутацию. Молодые, чаще всего, могли не видеть друг друга до свадьбы. Собственно, слова «жених» в хакасском языке нет, хакасы говорят *оол* (парень) или *кізо* (зять). Невесту называли *наа пала* – букв. «новый ребёнок» [2, с. 126]. При подготовке свадебного обряда вся роль отводилась родственникам жениха, в первую очередь родителям. Отсюда и термин «хыс алысханы» (обмен девушками). Эти названия обычая существуют и у кыргызов: *Оол* – *уул*, или *кізо* – *кыз*, *хыс алысханы* – *кыз алышуу*.

Рассмотрим хакасские традиционные формы свадебных обрядов, представленные в работах В. Я. Бутанаева. В его исследованиях описаны, например, такие формы свадебных обрядов: близкие друзья, хорошие соседи или дальние родственники, имевшие с одной стороны мальчика, а с другой девочку, договаривались их сосватать. Иногда родители сватали ещё не родившихся детей. Это было «глухое» сватовство. Сговор закреплялся словами: «Соединим детей, если у одного родится дочь, а у другого сын!» [3, с. 157]. Этот обряд у кыргызов называют «бел куда» (поясничной сватьей), так как считалось, что у обеих женщин дети ещё «на поясице». Когда дети достигали трёх- или пятилетнего возраста, то родители мальчика приезжали с подарками к родителям девочки. «Глухое» сватовство – одна из древних традиций кыргызского народа – сватать детей до появления их на свет. У обоих народов среди свах выбиралась главная, которая являлась старшей невесткой в семье жениха.

В хакасской и кыргызской традиционных культурах выделим следующие праздники, посвящённые рождению и первым этапам жизни ребёнка:

- 1) кін-той (х) – кіндік той (к) (праздник захоронения последа);
- 2) пизік-той (х) – бешик той (к) (праздник колыбели);
- 3) пала-той – бала той (именины);
- 4) киспик-той – кыркынчыгаруу (праздник срезания первых волос);
- 5) тузамах кискен-той – тушоо той (праздник «разрезания пут»).

Повитуха или бабушка клала завернутые вещи в колыбель, которую три раза качала и баюкала: «Пууй-баай! Ыйлаак болбо». На третий раз она раскачивала её так, что всё вываливалось на землю. В этот момент повитуха восклицала: «Оңар ба, тискер бе?» – «Оң бу, тескери би?» Все присутствующие кричали: «Оңар, оңар!» – «Оң, оң!» Так делали до трёх раз. Затем в колыбель вляли щенка или кошку и раскачивали так, чтобы на третий наклон они выпали.

Праздник «Урен хурты» – «Үрөн той» – основной праздник хакасских и кыргызских земледельцев, посвящённый благополучию посева, проводимый для того, чтобы червь не погубил зерно. После завершения посевной хакасские земледельцы проводили праздник Үрен хурты. Все

готовились к этому празднику: делали хлебное вино из остатков зерна, вино из перебродившего айрана, хлебные и молочные продукты.

Наибольшую популярность у современных хакасов и кыргызов приобрел праздник Тун пайрам – Уз майрам, что переводится как «праздник первого айрана» (кисломолочного напитка). Он ознаменовывал окончание зимы и переход скота на первый зелёный корм. Из первого молока готовили национальный кисломолочный напиток айран и брынзу. У обоих народов каждое значительное событие в жизни не проходило без спортивных состязаний – национальной борьбы (курес – күрөш), конских скачек, стрельбы из лука, различных игр.

Такие сходство национальных традиций говорит о том, что эти древние, тюркоязычные и родственные народы вышли с одного корня. Л. Р. Кызласовым был детальнее и глубже изучен и понят социальный механизм такого ассимилирующего взаимодействия древнехакасского и кыргызского этносов: «Тюркоязычные кыргызы, будучи ядром, объединявшим и возглавлявшим разноразличные племена и рода (угорские, самодийские, кетские и тюркоязычные), продолжали оставаться среди них малочисленными и в VI–XII вв. А в китайской «Новой истории династии Тан» прямо говорится, что «гяньгунь (т. е. кыргызы) есть небольшой род». Хотя там же указано, что в целом народонаселение государства хакасов «простиралось до нескольких сот тысяч (человек)» [6, с. 78].

В. Е. Майногашева в своей статье «К вопросу о связях эпических традиций «Манаса» и хакасских алыпных ныхахов» пришла к такому выводу: «Одной из интересных проблем тюркской фольклористики можно считать вопрос о связях эпических традиций кыргызского «Манаса» и хакасских алыпных ныхахов, а шире – эпоса тюрков Южной Сибири – алтайцев, шорцев, тувинцев. Кто знает, в существующий научный спор о генетическом родстве хакасов с кыргызами Тянь-Шаня, может быть, фольклористы внесут своё существенное слово. В эпосе двух народов очень сходны ряд мотивов. Например, превращение женщины в лебедя (Ай Чүрек – у кыргызов, Хызыл Түлгү – у хакасов), появление неизвестного седого старца при наречении имени и многое другое. В «Манасе» и алыпных ныхахах полностью совпадают эпические имена: Кёкетей (Кёкетей), Кара-хан (Хара-хан), Айран-хан у кыргызов, Ай-хан у хакасов.

В эпосе кыргызов есть персонаж Кёгей, это же имя встречается у хакасов. Слово *шаар* «город» есть и в «Манасе» и в алыпных ныхахах. Эпический скакун Оран-чула есть у хакасов, у кыргызов, якутов и калмыков – аранзал. Создатели «Манаса» знали свое енисейское эпическое наследие, но в новых условиях Средней Азии решительно пересмотрели его [7, с. 91–93].

Профессор Астайбек (Виктор Яковлевич) Бутанаев 13 мая 2009 г. был гостем Бишкекской студии радио «Азаттык». Беседу с ним вёл кыргызский историк, доктор исторических наук Тынчтыкбек Чоротегин на

тему: «Я очень люблю Бишкек и братьев кыргызов». Он тогда трогательно отвечал на вопросы своего коллеги так: «В данный момент я еду на Всемирный конгресс тюркологов, который будет проходить в Южном Казахстане, в городе Туркестан. Но я очень люблю Бишкек и уважаю наших братьев кыргызов, и поэтому специально заехал на неделю сюда, чтобы встретиться со своими друзьями, поговорить с коллегами, обсудить некоторые наши общие проблемы, связанные с историей кыргызов, не только кыргызов Тянь-Шаня, но и наших, енисейских, кыргызов. Поэтому я специально заехал, чтобы встретиться, поговорить и очень рад, что встретил своих старых друзей, которых не видел уже больше трёх лет. У нас в этом году 14 января произошла презентация моей, можно сказать, последней работы. В общем, мы пришли, я думаю, к определённом положительному результату, и теперь историю Хакасии в период средневековья мы рассматриваем как период, допустим, истории Кыргызского государства, начиная с VII века до 1207 года, и следующий период – монгольский период – у нас тоже кыргызский» [5].

Изучив обычаи хакасов и кыргызов, мы сделали вывод, что часть их утеряна и требует изучения и восстановления для сохранения и передачи нашим потомкам. Значимость рассмотренных обрядов велика т. к. это наша история, это жизнь наших предков. И нам необходимо знать традиции и обряды своего народа, сохранять и умножать их, передавать из поколения в поколение.

Библиографический список

1. Астайбек Бутанаев: «Я очень люблю Бишкек и братьев кыргызов». Из архива радио «Азаттык». Май, 15, 2009.
2. Бернштам Т. А. Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. 126 с.
3. Бутанаев В. Я. Свадебные обряды хакасов в конце XIX – начале XX вв. // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987.
4. Бутанаев В. Я. Этническая история хакасов XVII–XIX вв. М., 1990.
5. Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. Абакан: Издво Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2001. 260 с.
6. Кызласов И. Л. Хакасы. Основатели хакасоведения о важнейших вехах истории. К 100-летию возрождения народного имени. Москва, Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2017. 116 с.
7. Майногашева В. Е. К вопросу о связях эпических традиций «Манаса» и хакасских алыптых ныхахов. Оригинальная версия: // Эпос «Манас» как историко-этнографический источник: тезисы Международного научного симпозиума, посвященного 1000-летию эпоса «Манас». Бишкек, 1995. С. 91–93.
8. Бутанаев В. Я., Верник А. А., Ултургашев А. А. Народные праздники Хакасии: учебное пособие. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1999.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗАГАДОК (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена изучению языковой картины мира телеутов посредством обращения к фольклорному наследию, сохранившемуся в их памяти и родном языке. Автор исходит из установки на моделирование языковой картины мира телеутского этноса в её образном ракурсе через последовательное выявление лингвокультурологического потенциала, заложенного в текстах загадок.

Ключевые слова: загадки, миромоделирующая функция, семантика, языковая картина мира, телеутский язык.

В статье мы обращаемся к рассмотрению загадок – одного из малых фольклорных жанров, представленных в лингвокультуре телеутов, с целью выявления особенностей их языковой картины мира. Постановка такой цели исследования обусловлена, во-первых, необходимостью лингвокультурологического осмысления традиционных произведений фольклора как «особой формы коммуникации и мировидения, одновременно отражающей когнитивные и оценочные установки, режим коммуникации» [10, с. 7]; во-вторых, значимостью описания семантического пространства языка, отражающего картину мира его носителей; в-третьих, недостаточной изученностью лингвистических особенностей малых фольклорных жанров телеутского этноса – одного из коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации.

В фольклорном наследии телеутов, которое отличается жанровым многообразием текстов [9], особое место занимают загадки, представляющие собой «поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность» [1, с. 56]. Именно в загадках в иносказательной форме «отразились взгляды народа на природу и окружающую обстановку» [3, с. 3], которые формируют национально обусловленную картину мира в её образном ракурсе, получающую языковое (текстовое) воплощение. Как отмечают З. Д. Попова, И. А. Стернин, образные средства языка участвуют в создании его семантического пространства наряду с номинативными, функциональными, фоносемантическими и другими средствами [5, с. 7]. Поэтому, на наш взгляд, загадки как культурно обусловленные тексты, содержащие информацию о коммуникативно значимых реалиях, способны выполнять миромоделирующую функцию [2, с. 11], позволяющую им формировать образы предметно-вещественного мира, описывать принципы его устройства и существования.

Следует отметить, что репертуар телеутских загадок, полученных нами из опубликованных источников [6–9], отличается тематическим

разнообразием в зависимости от соотносённости отгадок с определенным фрагментом языковой картины мира. Можно выделить загадки о человеке¹ (*Одус нос аттың ортозында ойлөн жеерин ат түр жат (тил тиштердин ортозынд)*). – Среди тридцати серых лошадей бойко рыжая лошадь стоит (язык за зубами); о представителях флоры и фауны (*Жолдо жуулу топкоқ жат жат (порсық)*). – На дороге жирная колотушка лежит (барсук); *Палтазы жоқ, қолы жоқ, пойына уйа жазап жат (қарға)*. – Без топора, без рук, сама гнездо мастерит (ворона); о явлениях природы (*Қол жоқ, пүт жоқ, өрб чығып жат (түдүн)*). – Без рук, без ног, а на гору идёт (дым, туман)). Тематический принцип освоения людьми внеязыковой действительности, будучи универсальным, отражает логику их лингвокреативной деятельности, результаты которой представлены в выборе загадываемых реалий.

Прежде всего загадываются реалии, связанные с образом жизни телеутов, их верой, традициями, устоями, повседневной деятельностью. Артефакты, натурфакты определяют смысловое наполнение выбранных для анализа фольклорных текстов, позволяют вычлениить культурно значимые ситуации, в которые народное сознание включает стоящие за отгадками объекты, действия. К таким ситуациям можно отнести ситуации, в которых участвует человек как субъект, способный говорить, спать и наделенный определенными качествами. Загадки, тематически связанные с человеком, представляют его органы, части тела (*Жарт қайады жайа чапјам, жылаңаш пала чықты (сөбктің жилиги)*). – Ясную скалу расколол (я) – голый ребёнок вышел (костный мозг); физиологические процессы (*Тату, тату, не тату? (уйқу)*). – Что слаще всего? (сон); демонстрируют его участие в бытовых ситуациях: использование одежды, обуви, головных уборов, украшений (*Пылтыр нарған сары айғырым нуу жыл киштен ойто келди (јелең)*). – В прошлом году ушедший рыжий мой жеребец, в этом году, заржав, обратно пришёл (јелең – телеутский национальный камзол); *Јарда јарғанат јапшын қалтыр (сырға)*. – К яру летучая мышь прилипла (серьга); проживание в доме, ведение хозяйства, осуществление трудовой деятельности как дома, так и за его пределами (*Ани – тепселү јер, мини – тепселү јер, ортозында – темир чылап, јалтрақ јер (позого)*). – Туда – истоптанное место, сюда – истоптанное место, посредине – словно железо, гладкое место (порог); *Пойы сууда, қуйруғы јарда (сусқы)*. – Сам в воде, а хвост на яру (ковш); *Төрт кижи пир пөрүк кий јат (стол)*. – На четырёх людях одна шапка надета (стол.); *Қырда қырық қуш чооқып јат (қыра тарынып јат)*. – На пашне сорок птиц клюют (пашню боронят); *Узун армақчым түрүп, моқодым (јол)*. – Длинную верёвку (аркан), собирая, устал (дорога); приготовление пищи, блюд национальной кухни (*Јары пшк, суу тайыс, палыгының сөбги жоқ (алай)*). – Яр высокий, вода мелкая, у рыб костей нет (блин в тазу с маслом)

¹ Автор приводит примеры загадок из источника [4].

и мн. др. Следует отметить, что содержание загадок и предметная соотнесенность их отгадок позволяют реконструировать образ человека в аспекте его взаимосвязи с другими компонентами ситуаций, в которых он участвует. Ему, как субъекту, необходимы средства для осуществления действий (*веретено, квашня, шумовка, решето, сито, невод, лодка, лыжи*), которые выполняются в определенном месте (*дорога, обочина дороги, порог, водяная мельница*) и приводят к конкретным результатам (*пожар, блюда, одежда*).

Получается, что в сознании носителей телеутского языка при создании загадочного текста в форме описания, вопроса актуализируются пропозициональные структуры с объектными, инструментальными, результативными актантами и предикатами – участниками культурно значимых ситуаций. Например, смысловое содержание загадки о веретене получает пропозициональное оформление: веретено (артефакт-средство), предикат (действие, подобное действию, совершаемому белой овцой), объект (белая овца).

В то же время мы видим, что в телеутских загадках четко прослеживается включенность в жизнь человека объектов животного и растительного мира, явлений природы (*барсук, коровье вымя, ворона, дятел, тараканы, кедровая шишка, звезды, месяц на заре, дым, туман, солнце, тучи и др.*), которые представлены через сопоставление с людьми, их действиями и атрибутами. Например, при загадывании дятла в сознании телеутов актуализируется его сравнение с таким орудием, как топор; образ загадываемого тумана создается путем описания того, что отсутствует у человека (*без рук, без ног, а на гору идет*). Семантика приведенных загадок формируется пропозициональными структурами «объект (натурфакт) – предикат – средство», «объект (натурфакт) – предикат – характеризующий признак», которые задают национально обусловленный ракурс восприятия птицы и явления природы.

Таким образом, выявленные способы создания загадок в телеутской лингвокультуре, на наш взгляд, обуславливают своеобразие пропозиционально-семантической организации их внутреннего устройства.

Библиографический список

1. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 77 с.
2. Денисова Э. С., Проскурина А. В. Внутренняя форма языка как детерминанта его лексического своеобразия (на материале русского и телеутского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов мира. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Вып. 10. №. 4. С 841–859.
3. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1876. 333 с.

4. Малые фольклорные жанры в телеутской лингвокультуре: сборник пословиц, поговорок, загадок, примет, фразеологизмов / отв. ред.: Э. С. Денисова, А. В. Проскурина; Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2019. 89 с.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальное сознание. Изд. 3, перераб. и допол. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.
6. Телеутский фольклор. Телеут калыктың фольклоры / сост. Л. Т. Рюмина-Сыркашева. Кемерово: ООО «Редакционно-издательская фирма “Весть”», 2003. 29 с.
7. Телеутский фольклор / сост., вступит. ст., запись, пер., коммент. Д. А. Функа. М.: Наука, 2004. 183 с.
8. Фисакова Г. Г. Поговорки, загадки, наставления (благословления) // Язык бачатских телеутов. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1976. С. 130–132.
9. Функ Д. А. Устное творчество, игры и развлечения бачатских телеутов // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVII. Телеуты. М., 1992. 270 с.
10. Эмер Ю. А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2011. 39 с.

© Проскурина А. В., 2020

УДК 81.373

О. М. Саая

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ С ЯДРОМ «КАРА»: СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В статье рассматривается семантическая характеристика слова «кара» ‘чёрный’ в значении ‘милая’. Выявляются синтагматические связи лексемы «кара» в примерах, отобранных из текстов тувинских народных песен. В ходе анализа выявлены, что «кара» активно употребляется в любовных лирических песнях. Лексема имеет свой круг синтагматических связей, интенсивность которых определяется темой самих песен.

Ключевые слова: тувинский язык, прилагательное, субстантив, семантика, сочетаемость, тувинские народные песни.

В традиционной культуре тувинского народа песни являются одним из наиболее массовых жанров фольклора. Как и в любом виде устного народного творчества, в тувинских народных песнях отражено богатство и своеобразие тувинской лексики. Одной из лексических особенностей лирических песен тувинцев является употребление слова *кара* ‘смуглый/смуглянка, милый/милая’ как единицы с эмотивным лексическим значением, выражающим положительное оценочное отношение к человеку.

Однако, в данном значении лексема *кара* в тувинском языкознании еще не была изучена. В связи с этим лексико-семантическое изучение языковой единицы *кара* видится актуальным.

Поскольку значение слова наиболее полно понимается в контексте, целью данной статьи является определение синтагматических связей лексемы *кара* ‘милая; любимая, возлюбленная’ и выявление наиболее употребительных и малоупотребительных слов, с которыми она сочетается. Эти связи будут рассматриваться в контексте теории «поля». Таким образом, понимание языковой единицы *кара*, которую мы обозначаем как

ядро, т. е. семантический компонент, вокруг которого организуется семантическое развёртывание поля, в полной мере обеспечивается при помощи непрерывного семантического пространства, которое образуется через сочетаемость рассматриваемой леммы с другими словами.

«Поле – это термин, применяемый в лингвистике, чаще всего, для обозначения совокупности языковых (лексических) единиц, объединённых общностью содержания (формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [3, с. 41]. Мы придерживаемся точки зрения Г. М. Поляковой о том, что «лексико-семантическое поле (ЛСП) определяется как особая, иерархически организованная совокупность языковых единиц, принадлежащих к разным частям речи и объединённых инвариантным значением» [7, с. 38]. По мнению Л. А. Новикова, единицы поля входят в синтагматические, парадигматические и ассоциативно-деривационные отношения, которые соответствуют основным измерениям поля и создают его «объёмное» представление [6, с. 242].

Источниками материала для анализа послужили 120 тувинских народных песен, в которых есть слово *кара* в значении ‘милый/ая’. Выборка песен осуществлялась из следующих работ и сборников: А. Н. Аксенов «Тувинская народная музыка» [1], Г. Долгормаа «Ховдын тувачууд: дурсамж, зан заншил, соёл, уламжлалт үг хэллэг, толь бичиг» [5], «Тувинские народные песни и обрядовая поэзия» [11], «Төрээн чурттун ырылары» [9], «Ырлажыылы» [13], «Тыва улустун ырылары» [12], «Барыын моолда сэнгэл тываларынын ырлары» [2].

Для анализа использованы: метод контекстуального анализа, который основан на необходимости изучения одних слов в их отношении с другими словами в тексте [4, с. 89]; статистический метод, который подсчитывает частотность употребления того или иного слова в синтагматических отношениях с ядерной лексемой, в данном случае с *кара* ‘милый/ая’.

Слово *кара* в «Тувинско-русском словаре» имеет следующие значения: 1. 1) чёрный; тёмный (кара карак[тар] – чёрные глаза; кара хлеб – чёрный (серый) хлеб; кара довурак – чернозём; кара баш дүгү – тёмные волосы); 2) вороной (*о масти лошади*) (кара аът – вороной конь); 3) *полигр.* жирный (кара үжүк – жирный шрифт); 4) бесснежный; кара кыш бесснежная зима (кара ховулар – бесснежные степи); 5) *уст.* простой; светский (не духовного сословия) (кара кижы – простой человек); 2. 1) зрачок (карактың каразы – зрачок глаза); 2) шелуха (*зерна*) (тараа каразы – шелуха пшеницы); 3) мишень, цель (кара адар (боолаар) – а) производить учебную стрельбу; б) стрелять в цель; 4) подозрение (кара бодар – подозревать; кара чокка – без подозрения); *ср.* сезик, сезиглел, сезиглээшкин; 3. очень; совершенно, совсем (кара хөктүг – очень смешной); кара эртен – очень рано, чуть свет; кара кежээ – очень поздно, поздним вечером; кара шаар – очень много, бесчисленное множество, уйма; кара чангыс – а) совершенно одинокий; единственный; б) очень похожий; кара

чааскаан – совершенно одинокий; совсем один // единолично; кара кай-гамчык – удивительный, потрясающий; кара угаан – природный ум) [10, с. 226]. Не все значения слова отражены в этом словаре.

В «Толковом словаре тувинского языка» определены 19 значений слова *кара*. Дополнительно отражены значения, связанные с черным / темным цветом: смуглый; грязный; значения, связанные с отсутствием чего-то светлого, белого: не забеленный, без молока (о чае), нежирный (о мясе); не заправленный крупой, макаронами и т. п. (о бульоне); значение, связанное с обветшанием, бедностью: почерневший от старости, бедный; значения, связанные с негативными ассоциациями: ложь, несправедливость; плохой, злой, злонамеренный; усилительное значение: абсолютно всё, весь имеющийся. Семантика, связанная с положительной коннотацией ‘любимый, возлюбленный’, указывается как пятое значение [8, с. 66–67]. В данном пятом значении слово *кара* активно употребляется в фольклорных любовных лирических песнях тувинцев.

Лексема «кара» в рассматриваемом нами контексте определяется как прилагательное и субстантив со значениями ‘смуглый/ смуглянка > милый/ милая’. В наших источниках обнаружено 35 случаев употребления лексемы *кара* и ее форм: *кара* ‘милая’, *карам* ‘милая моя’, *карамай* ‘миленькая’, *кап-ла-кара* ‘милая-премилая’. Высокий индекс частотности выявлен у сложных слов (17 единиц), образованных путем сложения в основном имен прилагательных, реже – имен существительных и слова «кара». В этих производных словах семантика лексемы *кара* играет доминирующую роль, поэтому все производные по модели *Adj/N+кара* приобретают ту же ласкательную семантику, что и «кара», иногда дополненную значениями первого компонента: *чындыр-кара* ‘томно-нежная’, *суук-кара* ‘милая с точеной фигурой’, *тенек-кара* ‘милая озорница’. Также обнаружена чрезвычайная вариативность слов с компонентом *кара* – даже в рамках одной песни встречаются вариации *чараш-кара ~ борбак-кара*; *чындыр-кара ~ кап-ла-кара*; *дунда-кара ~ анай-кара* и т. д.

Поэтому *кара* и сложные слова по модели *Adj/N+кара* в тувинских лирических песнях имеют синонимичные значения. Лексема *кара* и сложные слова с компонентом *кара* рассматриваются нами как лексико-семантические варианты одного слова *кара*, и все обобщенно обозначены как [*Adj/N*]*кара* ‘смуглый/ смуглянка; милый/ милая’.

Далее рассмотрены синтагматические связи [*Adj/N*]*кара*.

Субстантив [*Adj/N*]*кара* в текстах тувинских народных песен сочетается с глаголами (22 словосочетаний), с прилагательными / причастиями (20 словосочетаний), с существительными (10 словосочетаний) и с местоимениями (6 словосочетаний).

Наиболее частотной в текстах тувинских народных песен определена сочетаемость прилагательного [*Adj/N*]*кара* с именами существительными *эш* ‘подруга / друг’; *кулузур* ‘плутовка/ озорник’; *уруг* ‘девушка’ – словами, называющими тех, кому песни посвящаются. Определены частые логические взаимосвязи субстантива [*Adj/N*]*кара* с глаголами. Наиболее

частотны примеры с глаголами *болчаар* ‘назначать свидания’, *сактыр* ‘вспоминать, скучать’, *чаңнаар* ‘показывать характер’. Также высокочастотны изафетные словосочетания субстантива *[Adj/N]кара* с существительными, где эти существительные обозначают детали внешности, которые воспеты в песне: глаза и косы.

В группе с индексом средней частотности обнаружены 7 примеров, в основном сочетания *[Adj/N]кара* с глаголами движения и местоимениями.

Группа с индексом наименьшей частотности представлена довольно широко. В ней выявлены 14 примеров сочетаемости с глаголами, 8 – с именами существительными, столько же с именами прилагательными и 5 – с причастиями. В данной группе определены глаголы социальной, психоэмоциональной и интеллектуальной деятельности, глаголы движения, состояния, созидательного действия, выражения эмоций и глаголы действия развлекательного характера.

Сочетания с существительными в трёх случаях являются определительными словосочетаниями с прилагательным *[Adj/N]кара*, это имена существительные *эр* ‘мужчина’, *оол* ‘мальчик, парень’, *өөр* ‘друзья’, *чаавай* ‘невестка’. Вследствие того, что большинство песен со словом *[Adj/N]кара* посвящены возлюбленным девушкам, логична столь незначительная представленность сочетаний с этими существительными. Отмечены пять изафетных словосочетаний *[Adj/N]кара* с существительными, которые имеют отношение к единицам лексического оснащения сферы любви: *чааккай* ‘щёчка’, *сеткил* ‘чувства’, *кежеге* ‘коса’, *орун* ‘кровать’, *хойну* ‘пазуха, бок; место рядом с возлюбленным/ой’. Нужно отметить, что с помощью изафетных словосочетаний в тувинских песнях со словом *[Adj/N]кара* воспеваются, как было сказано выше, в большинстве – глаза и косы девушки, затем по убывающей – щеки, чувства и т. д.

Сочетаемость *[Adj/N]кара* с именами прилагательными и причастиями выражают положительные внешние или внутренние качества того человека, которого называют словом *[Adj/N]кара*, а также то, как высоко ценится человек, который воспевается в песне. Есть сочетания, где имена прилагательные выражают признак или отношение предикативно.

В менее частотную зону сочетаемости входит *[Adj/N]кара* с отрицательной частью *чок*.

Таким образом слово *[Adj/N]кара* ‘смуглый/ смуглянка > милый/ милая’ активно употребляется в тувинских народных любовных лирических песнях. Лексема имеет свой круг синтагматических связей, интенсивность которых определяется темой самих песен.

Библиографический список

1. Аксенов А. Н. «Тувинская народная музыка». М.: Музыка, 1964. 254 с.
2. Барын моолда эңгэл тываларының ырлары» (Песни цэнгэльских тувинцев Западной Монголии) / сост. Э. Таубе. Кызыл, 1995. 48 с.

3. Горбунова Е. В. Л.-С. Поле «вероятность» в английском языке // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика» № 1. Москва. 2012. 41 с.
4. Долгих Н. Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Филологические науки. Москва. 1973. № 1. С. 89–98.
5. Долгормаа Г. Ховдын тувачууд: дурсамж, зан заншил, соёл, уламжлалт үг хэллэг, толь бичиг (Ховдинские тувинцы: народная память, обычаи, культура, речь, словарь). Улаанбаатар, 2019.
6. Новикова Л. А. Современный русский язык: учебник / под общей ред. Л. А. Новиковой. СПб.: Лань, 2003. 242 с.
7. Полякова Г. М. Лексико-семантическое поле «одежда» в аспекте сопоставительной лингвокультурологии // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». Москва. 2012. № 4. С. 38.
8. Толковый словарь тувинского языка. Т. П:К-ИС / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. 599 с.
9. Төрээн чурттуң ырылары (Песни родного края). Кызыл: Тув. книж. изд., 1952. 58 с.
10. Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
11. Тувинские народные песни и обрядовая поэзия / сост. З. К. Кыргыс. Новосибирск: Издательский дом «Сибирская горница». 432 с.
12. Тыва улустун ырылары (Тувинские народные песни) / сост. М. Мунзук, К. Мунзук, муз ред. А. Б. Чыргал-оол, ред. Ю. Ш. Кюнзегеш. Кызыл: Тув. книж. изд., 1973. 216 с.
13. Ырлажыбылы (Споём вместе). Кызыл: Тув. книж. изд., 1959. 48 с.

© Саая О. М., 2020

УДК 821.512.155

Н. Ш. Турдубаева

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЫТОВЫХ СКАЗОК (НА ПРИМЕРЕ СКАЗОК ХАКАСОВ И КИРГИЗОВ, ЖИВУЩИХ В КНР)

В данной статье проводится сопоставление бытовых сказок хакасов и киргизов, живущих в КНР. В сказках обоих народов обнаруживаются как отличительные черты (например, в характеристике жанровых признаков или в средствах изображения образов-персонажей), так и типологическая общность (например, с точки зрения ряда тем, идей, мотивов). Для хакасских и киргизских бытовых сказок характерна единая тенденция, связанная с их гуманистической направленностью.

Ключевые слова: сказка, мифологические сказки, басни-сказки, социально-бытовые сказки, хакасы, киргизы, этнос, фольклор, творчество, художественные особенности.

Киргизы, проживающие в Китае, являются одним из 56 официально признанных народов. Численность киргизов составляет около 180 тысяч человек [1, с. 65–73]. История изучения и публикация устного народного творчества киргизов КНР началась в 60-е гг. В 1962–1963 гг. собранные полевые материалы составили огромное достояние местных киргизов [2, с. 4]. В 1954 году киргизы в КНР получают статус «Кызылсу-Киргизский автономный округ». На основе статуса правительство КНР позволило местным киргизам открыть свои школы, детские сады, учебные заведения, а

самое главное – получить письменность на киргизском языке в арабской графике, были учреждены газеты (теперь не выходят) «Газета Кызылсуу», «Иле Синьцзяна», «Тарым», «Кашкар Синьцзянь», журналы «Кыргызская литература Синьцзяна», «Язык и перевод» [3, с. 28–32].

В Китае широко известен киргизский сказитель – манасчы Жусуп Мамай. С его именем в КНР связывают развитие киргизской фольклористики. Благодаря сказителю Жусупу Мамаю, были собраны записи эпоса «Манас», охватившие восемь поколений эпических героев, таких как Семетей, Сейтек, Кененим, Сейит, Асылбача-Бекбача, Сомбилек, Чигитей [4]. Сказитель Жусуп Мамай отличается от киргизских сказителей Сагынбая Орозбакова и Саякбая Каралаева тем, что объем эпоса «Манас» в его изложении составил 18 томов.

Литературные взаимосвязи Кыргызстана с китайскими киргизами начались в конце 50-х гг. Инициаторами этих взаимоотношений стали профессора Асанбек Табалдиев и Качкынбай Артыкбаев [5, с. 131–141]. В 2013 г. ректор КНУ им. Жусупа Баласагына Искендер Исамидинов заключил договор с Синьцзянским педагогическим университетом с целью изучения киргизской фольклористики в Китае. Три года подряд (2013, 2014, 2015 гг.) преподаватели и студенты КНУ им. Жусупа Баласагына посещали Кызылсу-Киргизский автономный округ.

В 2015 г. автор статьи приняла участие в экспедиции, что помогло узнать больше об истории развития киргизского фольклора в Китае. В Кызылсу-Киргизском автономном округе имеется три основных уезда: Улуучат, Акчий, Актоо. Наша экспедиция побывала в Улуучате. В этом районе находится дом культуры, построенный в виде юрты. Внутри здания организован музей, посвященный киргизскому рукоделию. Также имеется музей, посвященный эпосу «Манас». Такое историческое и фольклорное наследие киргизов в Китае способствует сравнительному исследованию фольклора в Кыргызстане.

Из основных эпических жанров рассмотрим народные сказки, в частности, бытовые сказки киргизов, живущих в Синьцзяне, и сопоставим эти сказки с хакасскими бытовыми сказками. Бытовые сказки различаются по своему содержанию и теме. Эти сказки, для которых характерно использование загадок, трудных вопросов и мудрых ответов, объединяют в себе сюжеты о жестоких и глупых правителях, высмеивают глупость, жадность и бездарность. В отличие от героев волшебных сказок герои бытовых сказок живут в реальном мире, достигают желаемого с помощью смекалки и ума. Синьцзянские киргизы опубликовали сборник сказок в 1985 г. и 1996 г. под названием «Киргизские народные сказки» [6]. На основе этих публикаций фольклористы-киргизы, живущие в КНР, делят народные сказки на четыре группы: мифологические, героические, бытовые, юмористические. Хакасские народные сказки подразделяют на 4–7 групп: сказки о животных, волшебные сказки, социально-бытовые

сказки, в том числе сатирические сказки, топонимические легенды, героические предания (сказки о богатырях и т. п.), сказки-притчи [7]. При сопоставлении бытовых сказок хакасов и киргизов КНР имеют место различия в характеристиках героев. В киргизских сказках: бай и бедный, хан и народ; в хакасских сказках: барин – помещик, царь – князь, хан и хитрые, жадные, равнодушные люди, бездельники и лжецы. Им противопоставляются бывалые джигиты, бедные батраки – ловкие, смелые, умные и справедливые люди, хотя и не всегда грамотные. У киргизов КНР бытовые сказки классифицируются по идейно-тематической направленности, пафосу, типу героя:

1. Ум и ловкость женщины: «Толгонай», «Мудрая девушка».
2. Добро и зло: «Злые жены».
3. Мастерство и ловкость: «Урожай делится на три».
4. Любовь и дружба: «Два друга».
5. Мудрость и хитрость: «Четыре великих слова».
6. Сказки-шутки: «Два актера».
7. Сказки об Апенди [6, с 3–4].

В основном у киргизов КНР распространены бытовые сказки поучительного характера. Главное в них – научить слушателей отличать черное от белого, добро от зла, хорошее от плохого и т. д. Это общая тенденция в хакасских и киргизских сказках, которые учат молодежь любить людей, уважать старших и младших, ценить добро и отвечать добром. Такая тенденция обуславливает мотивное сходство сказок народа Хакасии и киргизов, живущих в КНР. Например, хакасская сказка «Адычах и Кечах» по своей воспитательной направленности похожа на сказку китайских киргизов «Два друга». В ней говорится о том, как во время охоты Адычах, испугавшись, оставил своего приятеля Кечаха в беде. Здесь выдвигается тема: «Без беды друга не узнаешь» [9]. В киргизской сказке друзей ждет иное испытание: они решают наняться в работники к падишаху. Падишах желает их испытать и поодиночке просит каждого рассказать о другом. Первый друг говорит о втором доброе, второй, наоборот, очерняет первого. Падишах принимает решение взять на работу первого, сказавшего о друге хорошее. С тех пор в народе говорится: «Говори доброе о людях – всем по нраву придешься» [6, с. 13–14]. Обе сказки имеют нравоучительный смысл. Их сближает идея призыва к добру, воспитания гуманных качеств в человеке. Обе сказки обращаются к важной теме любви к человеку и верной дружбы.

В бытовых сказках аналогичного типа побеждает тот человек, который ставит перед соперником неразрешимые вопросы-загадки или, наоборот, кто находит на них правильный ответ [7, с. 230].

В сказках китайских киргизов в стороне не остается тема ума и находчивости женщины. Особенно выделяется в этом отношении сказка «Толгонай». В сказке мастерски раскрывается образ девушки Толгонай и

эпоха, в которую она жила, до Великого Октября. Хан желает выбрать для себя умную спутницу жизни. Он призывает к себе своих мудрецов. «Умную найти трудно. Такие есть, но как их разыскать?» – говорят они хану. Тогда один предлагает: «Устроим состязание умных девушек, зададим три вопроса. Первый: «Что в жизни самое сладкое?» Второй: «Что в жизни самое горькое?» Третий: «Что в жизни самое тяжелое?» Хан соглашается и повелевает объявить девушкам вопросы. Желающих много, девушки прибывают как речной поток, но никто не может ответить на вопросы. И тут со смехом подходит бедно одетая девушка. Джигиты удивленно смотрят на нее. Она же говорит: «Разве это вопросы! Как можно на них не ответить!» Джигиты ведут девушку к хану, и она отвечает на все вопросы: «Что в жизни самое сладкое? Сон и соль. От сна и соли никто не откажется. Сон человеку дает силу, соль придает еде вкус. Что в жизни самое горькое? Самое горькое, когда ты с человеком ссорись, споришь и он становится врагом для тебя. Что в жизни самое тяжелое? Самое тяжелое, когда ты не можешь помочь близкому человеку». Читая сказку «Толгонай», понимаешь смысл мудрых слов. Действительно, в жизни от сладости сна никто в мире не откажется, как невозможно жить и без соли. Ведь благодаря соли мы утоляем голод. Ответы Толгонай отличаются глубиной, читатель задумывается о вещах, которым не придает значения.

В любых тюркоязычных сказках героям присуща тонкость ума, благодаря которой подрастающее поколение может понять, что значит черное и белое, трудное и легкое, добро и зло, геройство и малодушие, слабость и сила и т. д.

В бытовых сказках китайских киргизов раскрывается тема труда и ответственности перед предками. Это можно рассмотреть на примере сказки «Сею на троих» [6, с. 19–21]. Это сказка учит читателя ответственности перед родителями и детьми, а также воспитывает в человеке трудолюбие. В ней рассказывается о джигите по имени Жакел. Он был очень ленивым человеком. Каждую весну Жакел смотрел, как его сосед, не уставая, работает и сеет зерно, а осенью собирает урожай и продает его. Однажды Жакел подошел к соседу и сказал: «Каждый год ты сеешь и продаешь зерно. Зачем сеять, чтобы потом продать?» Сосед отвечает: «Жакел, ты правильно заметил. Я каждую весну сею, а осенью продаю зерно. Так я распределяю урожай на три части. Во-первых, возвращаю долг, во-вторых, даю в долг, а в-третьих, продаю и покупаю себе что нужно». Жакел не понимает: «Если возвращаешь долг, потом даешь в долг, зачем сеять? Лучше ничего не давать». Сосед рассмеялся и сказал: «Возвращая долг, я благодарю родителей, ведь мы обязаны им до конца жизни. Давая в долг, я обеспечиваю своих детей, чтобы они заботились о нас в старости. А продаю для того, чтобы накормить свою семью». Поучительный смысл сказки «Сею на троих» раскрывает сущность нашей

жизни и труда. Действительно, человек трудится для блага своих родителей и детей. Любой человек в долгу перед родителями. Родители когда-то его тоже воспитывали, кормили, поставили на ноги. Подрастающее поколение всегда должно помнить об этом.

Сказка как притча, но в ней одновременно присутствуют вымышленные герои. В основе сказки всегда лежит реальная действительность, сказочная фантастика отражает стремление людей к счастливой жизни. Мы можем сделать следующие выводы:

1. В бытовых сказках хакасов и китайских киргизов наблюдаются отличительные признаки в аспекте характеристики героев посредством изображения (социальный статус, портретная характеристика, моральная оценка).
2. У киргизов в КНР бытовые сказки классифицируются по ряду жанровых признаков: идейно-тематическому аспекту (например, ум и ловкость женщины, любовь и дружба, мудрость и смекалка), пафосу (например, юмористические и сатирические сказки). При этом важное место занимает классификация по типу главного героя (например, «Толгонай» или цикл сказок про Апенди).
3. Обнаруживается типологическая общность у хакасских и киргизских сказок в аспекте некоторых сюжетных мотивов. Так, к примеру, можно выделить мотив испытания дружбы в хакасской сказке «Адычах и Кечах» и киргизской сказке «Два друга».
4. Бытовые сказки хакасов и киргизов КНР во многом сближаются по своему воспитательному характеру. Они ориентированы, прежде всего, на то, чтобы утвердить в сознании молодых людей нравственно-гуманистические ценности любви к людям, дружелюбия, совестливости, уважения к старшим и младшим, заботливости, отзывчивости и другие.

Думается, проведенное исследование может оказаться плодотворным в аспекте дальнейшего сравнительно-типологического изучения бытовых сказок хакасов и киргизов КНР, в том числе в их связи с общетюркским фольклором. Кроме того, широкие перспективы видятся автору в плане исследования сказок других жанровых разновидностей, бытующих у хакасов и киргизов КНР.

Библиографический список

1. Токомбай уулу Кайрат. Кытай кыргыздарынын тарыхы жана азыркы абалы. (История и современное состояние китайских кыргызов) // Литература кыргызских диаспор в переводах на русский язык: хрестоматия. Бишкек: Максима, 2010. Т. 2. С. 65–73.
2. Абдалиева Г. К. Формирование и развитие этнокультуры кыргызов, проживающих в КНР // Вопросы исторической науки: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь, 2017 г.). Казань: Издательство «Бук», 2017. С. 4–6.
3. Аймира Марат кызы. Журнал Восточного Туркестана «Язык и перевод». Симпозиум молодых тюркологов. Бишкек: Издание Кыргызско-Турецкого университета, 2011. С. 28–32 (На кыргызском языке в арабской графике).

4. Рассказ об эпосе «Манас». Урумчу: Шинжан эл басмасы, 1995. (На кыргызском языке в арабской графике).
5. Артыкбаев К. Талант сыры: Көз жетпеген жерге сөз жетет. Бишкек, 1994. 131–141-беттер.
6. Кыргыз эл жомоктору. Урумчи: Кызылсуу кыргыз басмасы, 1985. 180-б.
7. Алиев О. Сказки // История азербайджанской литературы: в 6-ти т. Баку: Наука, 2004. Т. I. С. 217–240.
8. Торокова Е. С. Хакасские народные бытовые сказки: сюжетный состав и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2005. 22 с.
9. Хакасские народные сказки / пер. на рус. яз. и литературная обработка Б. И. Балтера; худож. В. Тодыков. Абакан: Красноярское книжное издательство, Хакасское отделение, 1986. 141 с.

© Турдубаева Н. Ш., 2020

УДК 81-23

Г. А. Тюндешев

ХАКАСЫ – СОЗДАТЕЛИ ЛУННО-СОЛНЕЧНО-ЮПИТЕРНОГО КАЛЕНДАРЯ ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЕГО ЖИВОТНОГО ЦИКЛА

В работе рассматривается вопрос о родине лунно-солнечно-юпитерного календаря, которой является Древнехакасское государство – Кыргызский каганат. Отмечается, что этот календарь был создан в период его великодержавия – когда он представлял государство с сильной экономикой, наукой, рунической письменностью и высокой культурой. О создании «юпитерного» календаря с небесной символикой двенадцатилетнего животного цикла свидетельствуют китайские источники.

Ключевые слова: календарь, номады, Юпитер, Луна, Солнце, Сибирь, исследования.

Исследователи Сибири неоднократно отмечали, что тюрки-кочевники обладали отличным врождённым зрением. Так, например, известный мореплаватель и путешественник по северу Сибири Ф. П. Врангель отметил это качество у якутов: «Один якут средних лет уверял начальника Усть-Янской экспедиции, лейтенанта Анжу, что ему случилось видеть, как одна большая голубоватая звезда (Юпитер) глотала другие меньшие звезды и после их выплевывала. Таким образом, этот сибиряк простым глазом мог наблюдать затмение спутников Юпитера» [2, с. 318]. Аналогичные картины необыкновенной остроты зрения кочевников Центральной Азии наблюдал П. А. Чихачёв во время путешествия по Алтаю в 1842 г. [4 с. 336]. Такую же характеристику даёт Робби Петакиа и многие, многие другие исследователи и путешественники Центральной Азии, подчёркивая остроту зрения тюрков-кочевников Сибири. У номадов интерес к астрономическим наблюдениям объясняется в значительной степени их образом жизни. Каждая семья номада имела свою юрту, купол которой в немалую часть года оставался открытым, а жерди купола являлись хорошим ориентиром для наблюдения в ночное время за движением луны, звезд и планет. Таким образом, юрта представляла собой своеобраз-

разный семейный «планетарий», благодаря чему накапливались и передавались из поколения в поколение знания о светилах. Наблюдения кочевников за движениями небесных светил и, прежде всего, видимым движением Солнца по небесной сфере легли в основу измерения времени. Эти движения в действительности обусловлены вращением Земли вокруг своей оси, благодаря которому образуется временной период, обозначаемый как солнечные сутки (на кызыльском диалекте хакасского языка – *ай-күн*, переводимое дословно как «луна-солнце»), и обращением Земли вокруг Солнца – этот промежуток времени называется годом, или на кызыльском диалекте – *шыл* «год». Кроме указанных единиц измерения времени (сутки, год), была введена в оборот ещё одна естественная единица времени – месяц (на кызыльском диалекте – *ай* «месяц»), представляющий собой время вращения Луны вокруг Земли. Конечно же, такое измерение времени, кроме тюрков-кочевников, применялось многими народами мира с глубокой древности. Однако, тюрко-язычные народы Центральной Азии с древнейших времен при разработке календаря *мөчөлге* или *мөчеле* большое значение придавали и самым крупным из планет-гигантов Солнечной системы – Юпитеру, который совершает оборот вокруг Солнца примерно за 12 лет, и Сатурну, совершающему круговорот примерно за 30 лет. Два оборота Сатурна завершают 60-летний цикл, куда входят пять 12-летних циклов. Как отмечает В. В. Цебульский: «Кочевники Центральной Азии издревле довольно широко проводили астрономические наблюдения и накопили немало знаний в этой области. Идея создания календаря, условно называемого нами «юпитерным», с небесной символикой двенадцатилетнего животного цикла была воспринята от кочевых народов Центральной Азии народами Восточной Азии» [3, с. 3]. Этот календарь был замечен китайцами, побывавшими в Кыргызском каганате, и впоследствии нашёл отражение в древнекитайских источниках. Другими словами, родиной лунно-солнечно-юпитерного календаря является Древнехакасское государство в период его великодержавия. Итак, тюрки-кочевники установили, что Юпитер делает свой полный оборот примерно за 12 лет. Хакасские астрономы разделили этот период на 12 равных частей, каждой из которых дали наименование определенного животного, или систематизировали. Наименования годов в кызыльском диалекте хакасского языка звучат следующим образом: 1. *Күске шылы* – год мыши; 2. *Инек шылы* – год коровы; 3. *Ала парыс шылы* – год тигра; 4. *Хозан шылы* – год зайца; 5. *Килескі шылы* – год ящерицы; 6. *Шылан шылы* – год змеи; 7. *Шылхы (ат) шылы* – год лошади; 8. *Хой шылы* – год овцы; 9. *Майшин шылы* – год обезьяны; 10. *Тах шылы* – год курицы; 11. *Турна шылы* – год журавля; 12. *Өшки шылы* – год козы. Династия Тан, роднившаяся с царственным домом хакасов, сообщает следующее: «Хагас есть древнее государство Гяньгунь, жители перемешались с динлинами. Владения Хагас некогда

составляли западные пределы хуннов. Первый месяц в году называется Мао ши ай. Ай – значит месяц, три месяца составляют четверть года. Годы считают двенадцатью знаками, например, год в знак Инь называется годом тигра» [1, с. 350–351]. Из китайского источника видно, что в Древнехакасском государстве (Кыргызском каганате) VI–VIII вв. функционировал календарь двенадцатилетнего животного цикла. Отсюда следует, что древние хакасы создали временную систему лунно-солнечно-юпитерного календаря двенадцатилетнего животного цикла. Только через несколько веков, с приходом в Хакасию в 1207 году Джучихана, старшего сына Чингисхана, Монголия рецептировала у себя хакасский лунно-солнечно-юпитерный календарь двенадцатилетнего цикла. Уже 1220 году появились первые сведения о календаре двенадцатилетнего цикла в Монголии, упомянутые китайским послом Мэнг Хунгом. Благодаря татаро-монголам календарь 12-летнего животного цикла сравнительно быстро получил распространение у различных народов почти всей Азии, потому что пользоваться этим календарем было достаточно просто.

Напоминанием о *мӧчелге* в русском языке являются тюркские слова, в частности, по восточно-хуннской ветви тюркских языков слово «час»: *шас* – «время», ещё и «возраст». В огузских тюркских языках *уаҫ* = «йаш» – «возраст» связано с календарем 12-летнего животного цикла, имеет глубоко исторический, прагматический и системный смысл. Также можно привести в пример слово *караул* – «стража», которое тоже является тюркским термином. Это вооружённое подразделение, назначенное для охраны военных и государственных объектов или для отдания воинских почестей. В Вооружённых силах назначается караул: гарнизонный (лагерный), внутренний (корабельный) и прочие. Смена караула производится через каждые два часа. Возникает вопрос: почему именно через такой временной отрезок, а не через час, три и не четыре? Ответ прост: в основе лежит вышеупомянутое тюрко-кочевническое измерение времени. По аналогии с календарем 12-летнего цикла круг суток разделили на 12 равных частей, получили 12-часовые сутки. Таким образом, час кочевника-тюрка стал равен двум европейским часам, и каждому часу дали также имя животного. Такая временная система создавала определенное удобство.

Библиографический список

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том I. Москва – Ленинград, 1950. 382 с.
2. Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820–1824. М., 1948. 600 с.
3. Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. 384 с.
4. Чихачёв П. А. Путешествие в восточный Алтай. М., 1974. 360 с.

ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДГОЛОВНИКИ – ПОДУШКИ «ПАС ЧАСТЫХ» У ХАКАСОВ (XVIII–XX ВВ.)

Статья посвящена предмету материальной культуры хакасов – подголовнику «пас частых», вышедшему из употребления в 1930-х годах. Основой для исследования послужила музейная коллекция Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге. Автор рассматривает материал, форму и декор хакасских подголовников «пас частых».

Ключевые слова: традиционная культура хакасов, подголовник «пас частых», кайма «чеек».

К удивительным произведениям декоративно-прикладного искусства хакасов относятся подголовники, бытовавшие в Хакасии до 30-х годов XX века. На сегодняшний день подголовник остается малоизученным предметом материальной культуры, который в традиционном жилище – юрте, исполнял роль постельной принадлежности – подушки. К сожалению, материалы по подголовникам у хакасов не привлекали еще внимание исследователей. О подголовниках у народов Сибири писали исследователи С. В. Иванов (1974), А. Н. Кочешков (1984) [2, с. 114; 3, с. 88–100].

Подголовники «пас частых» в традиционной хакасской культуре входили в состав женского приданого. Большую роль в сохранении традиционных предметов быта и общего убранства юрты хакасов играл свадебный обряд. В богатое приданое невесты должны были входить: постельные принадлежности (войлочные матрасы, одеяла, красиво оформленные подголовники), сундуки с праздничной и будничной одеждой и обувью, коврики, невысокие обеденные столики и т. д.

В 1894 году интересные сведения о женском приданом качинцев получил исследователь Е. П. Островских. Он писал: «Наиболее обстоятельные сведения о размерах приданого я получил от одного молодого качинца, заплатившего за свою жену 300 руб. калыма...

1. Сундук устюжской (бедные – ирбитской) работы, в среднем 6 по 20 руб. – 120 руб.
2. От 2–3 старинных персидских ковров по 70 руб. 150–200 руб.
3. Шелковая занавеска к кровати – 20 руб.
4. Посуда фарфоровая и медная – 25 руб.
5. 10 рубах ситцевых (разноцветных женских) 20 руб.
6. 2–3 шелковых рубахи (12 аршин материи по 3–4 руб.) – 100 руб.
7. Девичья шапка праздничная, одеваемая невестой – 10 руб.
8. Женская шапка – 50 руб.
9. Шуба шелковая – 70 руб.

10. Пого – нагрудник – 50 руб.
11. Серьги – до 200 руб.
12. Седло с принадлежностями – 100 руб.
13. Конь под седлом – 25 руб.
14. Лошадь (богатый дает табунов шт. в 30) в среднем 10 штук – 100 руб.
15. Рогатый скот в среднем 10 шт. – 100 руб.
16. Овец maximum 100 шт. – 100 руб.

Здесь не упомянуты только шубы будничные летние и зимние, перстни, обувь и разный другой хозяйственный скарб. Наше приданое, как видим, достигает 1 200 руб., превосходя, таким образом, значительно выплаченный за него калым» [9, с. 320].

В 1974 году впервые в новейшей исторической науке к теме подголовников обратился ленинградский этнограф С. В. Иванов, который классифицировал подголовники у народов Сибири, выделив три типа: твердые, полумягкие и мягкие. Он считал, что у народов Саяно-Алтайского нагорья, к которым относятся хакасы, преобладали полумягкие подголовники. Но данный факт оказался не совсем полным, автор статьи расширил его и дополнил.

Согласно классификации этнографа С. В. Иванова, подголовники делятся на:

- 1) твердые подголовники, которые встречались в низовьях Амура и на Сахалине. Твердые подголовники имели различную форму и делались из дерева, иногда они были складные;
- 2) полумягкие подголовники были распространены у народов Саяно-Алтайского нагорья, бурят и калмыков. Полумягкие подголовники представляли собой кожаный мешок, один конец которого оканчивался прямоугольной деревянной дощечкой или пришитым к нему куском кожи, к другому концу такой мешок постепенно суживался;
- 3) мягкие – в бассейне Амура и Оби. Мягким подголовникам придавалась форма четырехгранной призмы, концы которой имели квадратную форму.

В настоящей статье автор ставит задачу: рассмотреть место подголовников в материальной культуре хакасов XVIII–XX веков, описать материал, из которого они изготавливались, их форму и декор. Исследования автора статьи позволяют говорить, что подголовники хакасы изготавливали из кожи, войлока, замши и сафьяна. По форме они были полумягкими (подголовники из кожи, валики из замши и сафьяна) и мягкими (подголовники из войлока).

Первое упоминание о подголовниках из войлока мы встречаем в материалах от августа–декабря 1837 года – «Сказки красноярского сына боярского Ивана Нашивникова с товарищами о состоянии народа аринских татар». В них говорится: «И спят оные татары на войлоках, которые войлоки обшивают по одному краю разных цветов сукнами для красоты.

Изголовье имеют из оных же войлоков и разцветчивают знатными ж сукнами с одной же стороны» [1, с. 101].

В 1830 году енисейский губернатор А. П. Степанов, посетивший Минусинский округ, писал о внутреннем убранстве юрт минусинских татар, где использовались сафьяновые тюфяки (сафьян – это тонкая и мягкая козья или овечья кожа, специально выделанная и окрашенная в яркий цвет – М. П. Чебодаева) и подушки. Возможно, в эти годы было модно украшать юрту диванами и подголовниками из сафьяна яркого цвета. Об этом Степанов писал так: «Против самого входа стоит диван с сафьяновым красным тюфяком, за шелковую занавескою китайской материи. От него по обеим сторонам вокруг стен поставлены в два ряда сундуки, обтянутые сафьяном разных цветов, окованные в решетку белым железом... Все пространство между сундуками и костром покрыто кошмами, коврами и сафьяновыми подушками» [10, с. 165].

В 1848 году в Хакасии побывал общественный деятель, писатель и географ Иван Петрович Корнилов. При посещении кызыльского улуса Ораки он ознакомился с зимником (избой) и летником (юртой) кызыльцев, где обратил внимание на подголовники в виде валиков из замши. Такие валики обладали высокими художественными достоинствами. Иногда в них женщины хранили различные мягкие вещи и одежду. Подголовники всегда лежали в изголовье постели и были обращены лицевой стороной к центру жилища, привлекая внимание яркостью декоративной отделки.

По этому поводу исследователь писал: «Внутренность летней юрты производит приятное впечатление. Против входа, в нарочно устроенной нише, помещается парадная постель хозяина в виде софы, покрытая тюменским ковром с двумя по бокам четверо сторонними валиками из замши, обшитыми в узор с шелковыми разноцветными шнуточками, к прочим стенам приставляются скамьи, покрытые войлоками, и полочки, на которых были размещены в большом порядке иконы, тюменские обитые жестью ящички, расписанные красками туески, медные ковши, чайники, горшки с молоком, стеклянные штофы и различная посуда, стеклянная, фарфоровая, глиняная и деревянная» [4, с. 639].

В 1854 году исследователь сибирских народов, князь Н. А. Костров описал бытовавший у качинцев диван «тозек» из красного сафьяна: «Из рассказов Спасского и Степанова известно, что в их время у многих зажиточных качинцев такие диваны состояли из многих войлоков, один на другом лежащих, с пришитыми по наружным их краям разноцветными суконными тесьмами, или из сафьянного красного тюфяка, за шелковую занавескою китайской материи. Но теперь подобная роскошь – неслышанная редкость в качинских кочевьях» [5, с. 31–32].

В 1893 году красноярская исследовательница А. А. Кузнецова, описывая юрту и внутренний интерьер минусинских и ачинских инородцев, отметила, что: «Прямо против входа, т. е. у западной стороны по счету

стены, посредине между мужской и женской половинами юрты помещается кровать «тозек»... На оба конца кровати кладутся обыкновенные или же инородческие подушки. Последние, носящие названия «пас частыгы», имеют вид мягкого кожаного мешка, набитого шерстью или тряпьем, суживающегося к одной стороне. К широкому концу отдельно пришивается длинное четырехугольное дно, затянутое плисом с каймой из парчи, вышитое по краям плотным шитьем из шелка радужных цветов» [6, с. 122].

Ссылный революционер, находившийся в минусинской ссылке, Е. К. Яковлев, описывая внутреннее устройство юрты инородцев Минусинского края, также описал подголовники «пас частыгы»: «Против входа находится широкое ложе с набросанными шкурами и шубами с особыми инородческими подушками по обеим сторонам... Днем, особенно в присутствии гостей, оба нижние угла занавеси поднимаются кверху, что позволяет видеть лежащие подушки» [12, с. 34–35].

Е. К. Яковлев сделал также впервые и описание кожаного подголовника хакасов: «Частых – подушка; представляет из себя длинный мешок (1½ аршин длины), набитый мягкой рухлядью, поклажей, сеном; дном служит продолговатый четырехугольник, обшитый плисом, парчой и вышитый шелком. Такие подушки кладутся на постель в головах и в ногах» [12, с. 20–22].

В 1898 году исследовательница А. А. Кулакова дала очень интересную информацию о материалах, из которых изготавливалась «инородческая подушка», и о ее стоимости. По словам информатора Г. Шоева, с которым она встречалась, изготовление такой подушки стоило: кожа – на 1 руб., шелк – на 1 руб. 50 коп., парча и плис – на 50 коп., работа – 1 руб. Всего – 4 руб. [6, с. 122].

В августе 2020 года автором данной статьи в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге среди предметов домашнего быта хакасов был обнаружен полумягкий подголовник «пас частых». Он вошел в состав коллекции № 5062-6, собранной в 1931 году директором Минусинского музея А. В. Харчевниковым (1889–1937). Всего в данной коллекции находятся шесть кожаных подголовников качинцев, привезенных из улусов Тугужек, Шоев и Шалгинов. Нужно отметить, что на сегодняшний день подголовников нет в коллекциях сибирских музеев: Новосибирского краеведческого, Красноярского краеведческого, Хакасского национального и Минусинского краеведческого, и в наше время они являются довольно редким музейным предметом.

Подголовник «пас частых» имел вид глухого, мешкообразного чехла, суживающегося с одного конца, с широким противоположным концом. В этот конец было вшита прямоугольная деревянная доска так, что она составляла боковую сторону подушки. С наружной стороны доска

была обита парчой, например, оранжевого цвета, с широкой каймой черного бархата. По кайме проходило декоративное украшение «чеек» в виде цветных шнурков, выполненных красными, желтыми, белыми, голубыми и парчовыми нитками. В продольной стороне подушки имелось отверстие для набивания ее мягкой рухлядью и травой. Употреблялась как кроватная принадлежность, клалась в изголовье и ногах, так что доска находилась сбоку на ребре. На такой подушке спали одновременно несколько человек. Длина подголовника была 70,0 см, а ширина – 45,0 см.

Передняя деревянная доска подголовников «пас частых» сверху покрывалась дорогой плотной тканью – плисом, парчой или бархатом и украшалась каймой. В качестве декоративного украшения подголовника употреблялись шелковый шнур, нашивки из тесьмы, позумента и парчовой ленты. В целом центральная часть подголовника символизировала трехчастность мировоззрения хакасов, состоящего из трех миров: Верхнего, Среднего и Нижнего. Тонкий и удивительно гармоничный подбор тонов, скромное украшение подголовника делали простой предмет быта произведением декоративного искусства. Можно только удивляться терпению и старанию хакаской женщины, находившей время для такой тонкой и ювелирной работы. Гармоничное сочетание дорогой ткани и декоративного шнура «чеек» с холодным блеском металлических украшений придавали подголовнику довольно живописный и праздничный облик.

Шнур «чеек» хакаские женщины использовали также для украшения женских шуб «идектiг тон», безрукавок «сигедек», женских чепраков и подголовников «пас частых». Он изготавливался из цветных шнурков и был традиционным в колористическом отношении.

В 1940–1950-х гг. этнограф Ю. А. Шибаета, изучавшая традиционную хакасскую одежду, писала, что: «Чеек представляет собою нашитые вплотную, ряд за рядом, швом «через край» (т. е. швом, называемым по-хакасски «чеек»), узенькие шнурочки, плетенные на руках из цветного шелка. Две-три нитки одного цвета сначала ссучиваются, потом из них сплетаются узенькие шнурочки, как плетут косы, в три пряди, которые нашивают на ткань, обычно на черный бархат, обязательно по 2 одноцветных шнура рядом. Ряды шнурочков располагаются в порядке цветов радуги, в разных «чееках» в разных вариантах, но всегда в одном и том же месте на одной и той же одежде» [11, с. 57–58].

О выделке кожи у хакасов писали незначительное количество исследователей: Г. Ф. Миллер (1990), А. А. Кузнецова (1893), К. М. Патачаков (1958) и др. [7; 6; 8]. На изготовление кожи для шитья подголовников «пас частых» использовали шкуры лошади и крупного рогатого скота. Кожу хакасы выделывали вручную, и только в XIX веке появились специальные деревянные кожемалки.

В 1737 году исследователь Г. Ф. Миллер впервые описал технологию выделки кожи и замши у хакасов, для которых использовались шкуры крупного рогатого скота, оленя и лося: «Красноярские татары делают половинки (т. е. замша из лосиной шкуры – М. П. Чебодаева) с использованием мозгового жира, который они вываривают из мелко истолченных костей рогатого скота. Они намазывают сырые шкуры печению овец или рогатого скота, которая предварительно немного проваривается и толчется в кашу с небольшим количеством воды. Шкуры затем квасятся вверху юрты над огнем очага. После этого они немного натираются» [7, с. 287].

В 1898 году красноярская исследовательница А. А. Кузнецова писала: «Лошадиные и скотские шкуры выдeldываются иначе. Сначала их бритвой очищают от шерсти и вымораживают, затем намазывают сметаной или салом и мнут в особых больших мялках. Выделанная кожа называется «сазан» и идет на летнюю обувь, сбрую и др.» [6, с. 179].

В 1958 году известный этнограф К. М. Патачаков описал также технологию выделки кожи: «Перед выделкой шкуру тщательно обрабатывали. Вымачивали в больших кадках в жидком отходе (поча) от перегонки самогона, отделяли шерсть, затем помещали в специальный раствор-краситель, приготовленный из листовенничной коры. Для такого раствора собирали толстую кору, толкли на мелкие кусочки и разваривали в кипяченой воде. Получался раствор темно-красного или коричневого цвета. В красителе кожу выдерживали несколько дней, затем сушили, смазывали конским салом» [8, с. 36–37].

Также К. М. Патачаков выделил три вида деревянных кожемялок, бытовавших у хакасов. Первый способ выделки кожи – на своеобразной кожемялке «талгы». Мастер ее изготавливал в домашних условиях. Она представляла собой «обрубок бревна с продольным вырезом с зазубринами. В угол выреза вставлялась палка (чабытхы), которая имела зазубринки... Шкуру обрабатывали вдвое на мялке: один поддерживал и направлял шкуру на мялке, второй палкой (чабытхы) мял. В процессе обработки кожу смазывали конским салом для эластичности и углем, сажей от котлов для окраски» [8, с. 35–36].

Второй способ, по мнению К. М. Патачакова, был заимствован у русских крестьян. «Такая кожемялка состояла из столбов со сквозной продольной прорезью длиной в 75–80 см и шириной в 5–6 см. Столб вкапывали в землю. На столб на уровне нижнего и верхнего концов прорези надевались параллельно две широкие доски, каждая из которых в свою очередь состояла из двух половинок, соединенных поперечными планками. Доски подгонялись так, чтобы их можно было вращать вокруг столба – оси. На каждой из параллельных досок друг против друга прорубались по десять отверстий для стоек-распорок, поддерживавших доски на определенном расстоянии друг от друга. Шесть распорок размещались вокруг столба, а остальные по паре – на концах досок. Кожемялка вращалась с помощью длинной жерди, вставленной в виде оглобли между крайними распорками-

стойками. В зависимости от количества обрабатываемой кожи и размеров кожемялки иногда применялась и конная тяга» [8, с. 36].

Третий вариант обработки кожи состоял в ее расправлении на специальной кожемялке «талгы», которая представляла собой две заостренные параллельные стойки, вставленные в деревянную чурку.

Таким образом, подголовники «пас частых» занимали важное место в традиционной культуре хакасов в XVIII–XX веках. Исследования автора статьи позволяют говорить, что подголовники хакасы изготавливали из кожи, войлока, замши и сафьяна. По форме они были полумягкими (подголовники из кожи, валики из замши и сафьяна) и мягкими (подголовники из войлока). В 1930-е годы в Хакасии данный предмет материальной культуры еще встречался повсеместно, но уже стал постепенно выходить из употребления. Хакасские мастерицы в декоративное оформление подголовников вкладывали немало труда и художественного вкуса. В настоящее время повсеместно традиционные подголовники «пас частых» хакасов вытеснила русская подушка.

Библиографический список

1. Андреев А. И. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири // Советская этнография. 1936. № 6. С. 93–103.
2. Иванов С. В. Сибирские подголовники и их место в материальной культуре народов Евразии (XIX – начала XX в.) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии института этнографии АН СССР 1972–1973. Л., 1974. С. 114–116.
3. Кочешков Н. В. Подголовники у монгольязычных народов в XIX – начале XX века // Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность. Владивосток, 1984. С. 88–100.
4. Корнилов И. Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин землеведения и путешествий. М., 1851. Т. 2. С. 625–645.
5. Костров Н. Качинские татары. Казань, 1852. 66 с.
6. Кузнецова А. А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. Красноярск, 1893. 205 с.
7. Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 1990. 457 с.
8. Патачаков К. М. Культура и быт хакасов. Абакан, 1958. 103 с.
9. Островских П. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. СПб., 1895. Вып. № 3–4. С. 297–348.
10. Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997. 223 с.
11. Шибаева Ю. А. Одежда хакасов. Сталинабад, 1959. 123 с.
12. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. 212 с.

РОДНЫЕ ЯЗЫКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК. 373.24

В. П. Акушакова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КВЕСТ-ИГРЫ В ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ

В данной статье рассматривается метод «квест» как один из наиболее эффективных методов изучения хакасского языка в дошкольном образовательном учреждении. В работе даются краткое описание и определение понятия «квест», рассматривается указанное понятие в аспекте обучения хакасскому языку детей дошкольного возраста. Приводится пример квеста с использованием слов на хакасском языке. Кроме заданий, направленных непосредственно на изучение хакасского языка, в квесте также содержатся задания на развитие логического мышления, внимательности, моторики детей дошкольного возраста. Рассмотрен практический опыт применения данного метода при изучении различных тем, описывающих окружающую среду, в группе дошкольников. Описанный метод обучения хакасскому языку может быть использован в любом возрасте дошкольников, а также в любом виде занятий.

Ключевые слова: обучение дошкольников хакасскому языку; инновационный метод обучения, квест-игра.

Переход на личностно-ориентированный подход в современном дошкольном образовании требует от воспитателей детоцентрированной парадигмы в работе, которая в центре внимания видит личность ребенка, активизацию его познавательной, поисковой и исследовательской деятельности, а также расширение сферы его интересов и интеллектуальных запросов. Это требует внедрения новейших форм, методов и технологий обучения дошкольников. Одной из таких активных технологий считаем квест-игру [4, с. 101].

Внедрение данной технологии в воспитательный процесс дошкольного учреждения может помочь детям совершенствовать навыки поиска необходимой информации, ее дальнейшего анализа, умение решать поставленные задачи [3, с. 114].

Отметим, что сегодня изучение языков отличается особенно высоким спросом у родителей дошкольников. Особенно значимо, на наш взгляд, обучение детей дошкольного возраста хакасскому языку – языку коренного населения республики, в которой мы проживаем. Поскольку обучением хакасскому языку (по сравнению, например, с английским

языком) занимается не так много специалистов дошкольного образования, то и возрастает значение правильно выбранной программы обучения дошкольников. При этом у дошкольников существуют определенные возрастные особенности. К таковым относятся преобладание наглядно-образного мышления, произвольные процессы в восприятии и запоминании информации [1, с. 16].

Детям дошкольного возраста также присуще буквальное запоминание, зависящее от образности, яркости и личной вовлеченности ребенка в процесс познания. Именно поэтому считаем, что метод квеста оптимально подходит для вовлечения дошкольников в любой образовательный процесс, в том числе в процесс обучения хакасскому языку. Именно обучение в виде игры может максимально мотивировать ребенка дошкольного возраста к изучению хакасского языка.

Отметим, что в современном образовании существует множество игровых методов, позволяющих сделать процесс изучения хакасского языка увлекательным и интересным для дошкольников [6, с. 132]. Квест-игру рассматриваем как один из современных инновационных методов обучения дошкольников, наряду с большим количеством имеющихся игровых, познавательных материалов по хакасскому языку.

Необходимо также отметить, что само понятие «квест» произошло от английского «quest» – поиск или «adventure» – приключение, обозначает дословно – «приключенческая игра», которая требует от игрока быстрого принятия решений. При этом сюжет игры может быть predetermined или же давать множество исходов, выбор которых зависит от действий игрока [2, с. 126].

Квест-игра позволяет наполнить образовательный процесс множеством интересных и познавательных заданий, которые дают возможность участникам игры не только выполнять их, но и укрепить командный дух в коллективе.

Мы проводили квест-игру в подготовительной группе детского сада по теме «Животные Хакасии». Детям рассказали историю о том, что животные разбежались в лесу и забыли свои имена (названия). И дети должны поэтапно «спасти» всех животных в лесу, сказав, как они называются на хакасском языке. При этом воспитатель ведет диалог с детьми, максимально используя хакасские слова.

Реквизитом для квест-игры послужили картинки с животными, игрушки, а также карта леса. Команда движется в соответствии с картой, находя животное, которое можно «спасти», назвав его по-хакасски. Квест-игра объединена единой темой, по которой изучаются и запоминаются лексические единицы, а также развивается память, стимулируется познавательный интерес ребенка. Так, поэтапно отрабатывались слова, обозначающие животных:

Чир – суубыстың аннары.

– Көр көреенер, олғаннар (Посмотрите, ребята...)

Хайдаг пу ойначахтар? (Что это за игрушки?)

– Хайдаг пу аңычак? (Что это за зверь?)

– Хозанах (Зайчик).

– А мынзы чи хайдаг аң? (А это что за зверь?)

– Ол түлгічек-пичечек! (Это лисичка-сестричка!)

– Орта, орта, палалар! (Правильно, правильно, дети!)

– Түлгүні хайди таныбас (Как не узнать лисичку?)

– Хысхызын ол узубысча (Зимую он спит.)

– «Тайга ээзі», «апсах» полча («Хозяином тайги», «дедом» является...)

– Ачын аннарның иң күстии (Сильный из диких зверей...)

– Анын ады? – Абачах! (Как его зовут? – Медведь!)

– Пу ан чонга үрег итче, (Этот зверь приносит людям беду.)

– Малларны тонапча, (Домашних животных губит.)

– Хысхызын өөрнең чөрче. (Зимой они ходят стаей.)

– Анын ады? – Пүүрічек! (Как их зовут? – Волки.)

Затем подводится итог:

– Хыйгачахсар, олғаннар. (Молодцы, ребята!)

– Аннарнаң таныссар. (Знаете диких животных.)

– Оларны таныбаза (Если их не знать,)

Пос чирине хайди хынчаң (как можно любить свою землю).

Применение данного метода в процессе обучения хакасскому языку детей дошкольного возраста позволяет нам сделать вывод о том, что квест-игра является эффективным инновационным методом обучения, который еще не получил широкого развития в дошкольных образовательных программах. Выполнение заданий квест-игры способствует развитию навыков аудирования и воспроизведения на память слов и фраз на хакасском языке. Решение проблемных ситуаций в игровой форме активизирует логическое и творческое мышление дошкольника, способствует его всестороннему развитию, побуждает любить свою Родину.

Библиографический список

1. Алексеева Н. Д. Квест-экскурсия как инновационная форма экскурсионной деятельности // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 1. С. 14–17.
2. Березина О. В. Особенности обучения иностранному языку детей старшего дошкольного возраста (психолого-педагогический аспект) // Современные тенденции в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации: материалы Международной заочной научно-практической конференции. Электросталь: Новый гуманитарный институт. 2011. С. 125–129.
3. Васильева С. С., Ларионова Л. С., Веденькина М. В. Развитие коммуникативной компетентности у детей дошкольного возраста в процессе обучения английскому языку // Гуманитарные исследования. 2015. № 3 (55). С. 113–119.
4. Дворягина Л. А. Развитие детской лингвистической одаренности в дошкольном возрасте // Образование личности. 2014. № 3. С. 100–103.

5. Нечаев Н. Н., Коряковцева О. В. Обучение иностранному языку детей дошкольного возраста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. № 15 (648). С. 23–35.
6. Размыслова Л. И. Квест-ориентирование как эффективная форма воспитания при обучении английскому языку // Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы: материалы III Международной научно-практической конференции. 2015. С. 132–139.
7. Спиридонова А. В. Обучение детей раннего возраста иностранному языку в процессе дополнительного образования: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2010. 201 с.
8. Маслиева Е. С. Специфика организации контроля младших школьников по иностранному языку в игровой форме // Проблемы современного педагогического образования. 2015. № 47–1. С. 159–164.

© Акушакова В. П., 2020

УДК 373.2

Т. А. Албычакова

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЕМ «ФИШБОУН» В ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматривается методический прием «Фишбоун» (англ. «рыбий скелет»), его применение при обучении детей дошкольного возраста хакасскому языку. Автор адаптировал данный метод с учетом возрастных особенностей детей согласно требованиям Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования. Рассматриваемая тема будет интересна педагогам всех уровней образования, обучающим детей родному языку.

Ключевые слова: методический прием «Фишбоун», дошкольник, обучение хакасскому языку.

В настоящее время на государственном уровне осуществляется поддержка национальных языков народов России. «Государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия» (Закон о языках народов Российской Федерации, в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 № 126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ). Так, в Республике Хакасия вторым государственным языком является хакасский, открываются группы по изучению хакасского языка в детских садах, проводятся различные мероприятия, которые способствуют формированию интереса к языку и культуре хакасского народа. Сохранению и поддержке языка и традиций хакасского народа уделяется особое внимание.

В условиях интеграции культурных ценностей современного мира появляется интерес к воспитанию всесторонне развитой полиязычной личности. Для достижения данной цели необходимо внедрение новых образовательных технологий, которые способствуют повышению мотивации к изучению языка и традиций, в нашем случае – хакасского народа.

В поиске новых методов и приемов обучения дошкольников хакасскому языку мы обратились к опыту педагогов, которые обучают детей иностранным языкам в детских садах и начальной школе. Из всего многообразия интересных практических методов мы выделили для себя метод «Фишбоун» (дословно с английского переводится как «рыбная кость» или «рыбий скелет»), который является упрощенным названием метода японского ученого Каору Исикавы. В основе Фишбоуна — схематическая диаграмма в форме рыбьего скелета, где голова – это вопрос или проблема, в нашем случае – тема. Верхние кости – это основные понятия, причины проблемы или ключевые слова на хакасском языке. Нижние кости – это факты, подтверждающие наличие причин, проблем или характеристики явлений, понятий. А хвост – это вывод по теме, проблеме [1, с. 142]

Эта схематическая диаграмма «представления информации позволяет образно продемонстрировать ход анализа какого-либо явления через выделение проблемы, выяснение её причин и подтверждающих фактов и формулировку вывода по вопросу» [3]

Метод «Фишбоун» был адаптирован нами для работы с детьми среднего дошкольного возраста по изучению хакасского языка. Это связано с тем, что к этому возрасту у детей уже имеется фундамент речевых умений и навыков, так как знакомство с языком и культурой хакасского народа в нашем детском саду начинается со второй младшей группы. Обучение проводится в игровой форме, в гости «приплывает» необычная гостья – волшебная, но очень худая и голодная рыбка («хайхастыг астапчатхан палыгас»). В отличие от речных и морских рыб, наша рыбка питается знаниями, что способствует формированию естественного и устойчивого интереса детей к изучению языка, получению новых знаний, умению делать выводы. Детям интересен сам процесс «кормления», в ходе которого только от знаний каждого ребенка зависит степень насыщения «голодной рыбки». У детей формируется чувство ответственности, доброжелательность, желание помочь и в целом – позитивное отношение к окружающему миру. Данный метод может применяться как в организованной образовательной деятельности, так и в совместной работе детей, при закреплении уже пройденного материала, его систематизации и обобщения. Работа со схемой учит детей работать индивидуально и в группах, с уважением относиться к мнению сверстников.

Следует отметить, что «волшебных голодных рыбок» великое множество, каждая из которых «питается» определенными знаниями, в соответствии с тематическим планированием на год. Каждая приплывающая гостья держит конвертик во рту. В этом конверте находится картинка – подсказка, с помощью которой дети узнают, чем питается «рыбка». Суть «кормления» рыбки – это заполнение каждой чешуйки «скелета рыбы» картинками, рисунками, соответствующими теме. А хвост – это вывод по

теме. Например: при закреплении с детьми темы «Дикие животные» («Сас аннар») к нам приплыла «рыбка» с конвертиком во рту, в котором находилась картинка с изображением леса и диких животных. Детям необходимо было назвать дикое животное, его характерные признаки на хакасском языке (түлгү – кыйтк, пүүр – ачын, хозан – хортых), тем самым заполняя чешуйки «рыбки». Когда дошли до хвоста, то дети пришли к выводу, что все эти звери живут в лесу, соответственно, они дикие (пу сас аннар).

Сама рыбка представляет собой макет – силуэт рыбы, с прозрачными чешуйками сверху и снизу (файлы), куда вставляются картинки, дидактические иллюстрации по теме. Таким образом, заполняя «чешуйки рыбки», мы помогаем ей «насытиться». «Корм» для рыбки готовится заранее педагогом, либо в ходе образовательной деятельности дети готовят сами. Это могут быть дидактические иллюстрации, раскраски и т. д.

По результатам промежуточной педагогической диагностики (январь 2020 г.) было выявлено, что по сравнению с началом учебного года у детей повысился личный интерес к изучению хакасского языка, они стали лучше запоминать новые слова и применять их в речевых контактах, как со сверстниками, так и с педагогом.

Итак, методический прием «Фишбоун» показал себя как один из интересных и действенных в обучении детей дошкольного возраста хакасскому языку. При его использовании дети легче запоминают хакасские слова, учатся строить предложения и стремятся к речевой активности с окружающими. Кроме того, он способствует формированию дружеской взаимопомощи, коллективной работе детей, умению слушать и слышать товарищей.

Библиографический список

1. Заир-Бек С. И., Муштавинская И. В. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителей общеобразоват. учреждений. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 2011. 223 с.
2. Закон о языках народов Российской Федерации (в ред. Федеральных законов от 24.07.1998; № 126-ФЗ от 11.12.2002 № 165-ФЗ). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=160106&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.5009760642927195#09120421725660148> (дата обращения: 10.08.2019).
3. Бойко О. Метод «Фишбоун» (рыбий скелет): что это такое, формы работы на уроке и примеры. URL: <http://pedsovet.su/metodika/priemy/5714> (дата обращения: 06.08.2019).
4. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155). URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 25.08.2019).

© Албычакова Т. А., 2020

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ: ПРЕПОДАВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

В статье представлен опыт реализации государственной языковой политики Российской Федерации в системе образования и науки Республики Хакасия. Рассмотрены нормативные правовые основы, представлены показатели преподавания и изучения хакасского языка в дошкольных и общеобразовательных организациях Республики Хакасия, обозначены актуальные вопросы. Практика реализации части 6 статьи 14 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» показывает необходимость расширения диалога, совместных согласованных действий между заинтересованными органами, организациями, родителями (законными представителями) обучающихся, общественными организациями, местным сообществом.

Ключевые слова: *система образования Республики Хакасия, хакасский язык, дети коренной национальности, условия обучения родному языку, программы, учебники и учебные пособия, педагогические кадры, родители (законные представители) обучающихся, свободный выбор изучения родного языка.*

Реализация государственной языковой политики Российской Федерации в системе образования является одним из приоритетных направлений работы Министерства образования и науки Республики Хакасия (далее – Минобрнауки РХ) и предусматривает обеспечение прав граждан на изучение родного языка, совершенствование системы обучения в образовательных организациях в целях сохранения и развития этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации наряду с воспитанием уважения к российской истории и культуре, мировым культурным ценностям.

Сонаправленность федеральной повестке подтверждается принятыми мерами по поддержке родных языков народов России. Созданы Фонд сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, учредителями которого от имени Российской Федерации являются Министерство просвещения Российской Федерации (далее – Минпросвещения России), Федеральное агентство по делам национальностей (Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2018 № 611) и Институт развития родных языков народов России, подведомственный Минпросвещения России. Утверждена решением коллегии Минпросвещения России от 01 октября 2019 года Концепция преподавания родных языков Российской Федерации.

По состоянию на начало 2019/2020 учебного года численность детей коренной национальности в дошкольных и общеобразовательных организациях Республики Хакасия составляет более 12 680 чел. (16 процентов от общей численности детей, посещающих указанные организации), из

них на уровне дошкольного образования – более 3 030 чел., начального общего, основного общего, среднего общего образования – более 9 650 чел. В сравнении с аналогичным периодом прошлого года доля детей коренной национальности в указанных организациях увеличилась на 1,19 процента.

На Совете по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации (г. Нальчик, 29 ноября 2019 года) прозвучало, что на сегодняшний день учителей, которые преподают родной язык, в стране явно недостаточно. В системе образования Республики Хакасия реализация программ по хакасскому языку и литературе в полном объеме обеспечена педагогическими кадрами. По состоянию на начало 2019/2020 учебного года программы по хакасскому языку и литературе реализуют более 450 педагогических работников, из них на уровне дошкольного образования – более 170 чел., начального общего – 180, основного и среднего общего образования – 100 чел.

Студентам, которые обучаются в Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова по направлению подготовки 44.00.00 «Образование и педагогические науки» с профилем, связанным с хакасским языком, из республиканского бюджета Республики Хакасия с 2013 года ежемесячно осуществляется доплата к стипендии в размере двух тысяч рублей. По итогам целевого обучения подготовлено 23 специалиста, из них 6 – для дошкольных организаций, 10 – начальной школы, 7 – основной и старшей школы.

В 2019 году состоялся республиканский мастер-класс педагогических работников, реализующих программы по хакасскому языку. Воспитатель МБДОУ города Абакана «Центр развития – детский сад «Василёк» Н. Н. Трунова заняла второе место во Всероссийском мастер-классе учителей родного, в том числе русского, языков.

Премией Правительства Республики Хакасия в размере 50 тысяч рублей за высокое профессиональное мастерство в обучении хакасскому языку награждены три педагогических работника: один воспитатель и два учителя (Т. П. Танбаева, Р. Ю. Канзычаков, К. С. Чебодаева).

Вместе с тем, актуальными являются следующие вопросы:

- увеличение доли педагогических работников, имеющих высшую квалификационную категорию (за последние пять лет данный показатель держится на уровне 8 процентов);
- омоложение педагогических кадров на уровне начального общего образования (средний возраст учителя начальных классов с дополнительной специальностью «Хакасский язык» – около 60 лет);
- подготовка специалистов в области обучения хакасскому языку для работы в дошкольных образовательных организациях Республики Хакасия.

На всероссийском форуме-диалоге «Языковая политика: общественная экспертиза» (г. Москва, 25 октября 2019 года) в пленарном докладе было отмечено, что именно до пяти лет ребенок может усвоить несколько языков, поэтому нужны воспитатели, которые вовлекают ребенка в языковое пространство, заинтересовывают его.

В дошкольных образовательных организациях Республики Хакасия созданы учебно-методические условия для организации обучения хакасскому языку (учёт этнокультурной ситуации развития детей):

- приказом Минобрнауки РФ от 04.03.2019 № 100-164 утверждена примерная программа по хакасскому языку для дошкольных образовательных организаций Республики Хакасия (программа одобрена Региональным учебно-методическим объединением в системе общего и дополнительного образования Республики Хакасия (далее – РУМО РФ));
- изданы новые учебные пособия по хакасскому языку для детей в возрасте 3–4, 4–5, 5–6, 6–7 лет и другие.

В 2020 году обучение хакасскому языку организовано в 80 дошкольных организациях, охват детей составляет более 3780 чел., из них коренной национальности – более 1495 чел. (табл. 1). Хакасскому языку, как государственному языку Республики Хакасия, обучаются более 2285 детей некоренной национальности (60,45 процента), из них 61,93 процента – в городе Абакане.

Таблица 1

Обучение хакасскому языку в муниципальных дошкольных образовательных организациях Республики Хакасия на начало 2019/2020 учебного года (учет этнокультурной ситуации развития детей)

Дошкольная образовательная организация, структурное подразделение школы, филиал	Численность детей коренной национальности, чел.	Обучаются хакасскому языку, чел.	
		всего	из них дети коренной национальности
Абакан	1 491	1 843	428
Абаза	0	0	0
Саяногорск	19	0	0
Сорск	22	151	11
Черногорск	33	51	12
Алтайский район	89	97	63
Аскизский район	848	832	687
Бейский район	111	90	73
Боградский район	0	0	0
Орджоникидзевский район	31	10	2
Таштыпский район	274	259	187
Усть-Абаканский район	50	415	19
Ширинский район	61	35	14

К сожалению, охват детей коренной национальности обучением родному хакасскому языку составляет менее 50 процентов (49,39 процента), в данном направлении необходимо повышать эффективность работы.

С учетом преемственности обучение хакасскому языку продолжается в общеобразовательных организациях Республики Хакасия. Обязательность преподавания и изучения хакасского языка в общеобразовательных организациях Республики Хакасия обеспечена соответствующими условиями (кадровыми, учебно-методическими, организационно-педагогическими и др.).

Утверждены приказом Минобрнауки РФ от 15.09.2014 № 100-976, одобрены Федеральным учебно-методическим объединением по общему образованию и размещены в федеральном реестре примерных основных образовательных программ примерные программы по хакасскому языку и хакасской литературе для следующих уровней:

- начального общего образования по хакасскому языку и литературному чтению на хакасском языке;
- основного общего образования по хакасскому языку и хакасской литературе;
- среднего общего образования по хакасскому языку и хакасской литературе на базовом и углубленном уровнях.

Программы обеспечены учебными пособиями для 1–4 классов и учебниками для 5–11 классов.

Учебники по хакасскому языку и хакасской литературе для 5–11 классов (18 наименований) включены в новый федеральный перечень учебников (приказ Минпросвещения России от 28.12.2018 № 345 «Об утверждении федерального перечня учебников»). Современные учебники для 10–11 классов разработаны на базовом и углубленном уровнях. Результаты базового уровня ориентированы на общую функциональную грамотность, получение компетентностей для общего развития. Результаты углубленного уровня ориентированы на получение компетентностей для последующей профессиональной деятельности, как в рамках данной предметной области, так и в смежных с ней областях. Несомненно, внедрение учебников для старшеклассников в общеобразовательных школах республики – это серьезный шаг вперед.

Республика Хакасия – одна из трех субъектов Российской Федерации, чьи учебники по родному языку для 10–11 классов включены в федеральный перечень учебников.

С учётом современной языковой ситуации разработана и утверждена приказом Минобрнауки РФ от 14.11.2018 № 100-164 примерная программа по хакасскому языку и хакасской литературе (1–9 классы) для общеобразовательных организаций Республики Хакасия с русским языком

обучения, одобренная РУМО РХ. Программа обеспечивается учебными пособиями.

Разработаны и изданы учебные пособия: «Букварь», «Хакасский язык», «Литературное чтение на хакасском языке» для 1–2 классов. С 01 сентября 2019 г. они внедрены в образовательную деятельность общеобразовательных организаций Республики Хакасия.

К 2020/2021 учебному году планируется издать и внедрить в школах республики учебные пособия на хакасском языке для 3–6 классов.

ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова» входит в Перечень организаций, осуществляющих выпуск учебных пособий, которые допускаются к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования (приказ Минобрнауки России от 09.06.2016 № 699).

Утверждена дорожная карта по разработке, изданию учебников и учебных пособий на хакасском языке на 2020–2022 годы.

Минобрнауки РХ уделяет особое внимание методике преподавания и изучения хакасского языка и литературы.

Разработано и издано пособие для учителя «Методика обучения хакасской литературе» (автор – Боргоякова М. П., кандидат педагогических наук).

В соответствии с требованиями ФГОС начального общего и основного общего образования учебные планы обеспечивают возможность преподавания и изучения родного языка, а также устанавливают количество занятий, отводимых на их изучение, по классам (годам) обучения.

По состоянию на начало 2019/2020 учебного года преподавание и изучение хакасского языка в различных формах (предметная область, внеурочная деятельность, кружок, элективный курс, факультатив и др.) организовано в 158 общеобразовательных организациях Республики Хакасия, охват школьников составляет более 11 630 чел. (19,298 %). В сравнении с аналогичным периодом прошедшего года данный показатель увеличился на 1,99 %.

Таблица 2

**Преподавание и изучение хакасского языка
в различных формах в системе образования Республики Хакасия
на начало 2019/2020 учебного года**

Муниципальное образование Республики Хакасия / подведомственные Минобрнауки РХ организации	Численность обучающихся, изучающих хакасский язык в различных формах, чел.	Численность обучающихся коренной национальности в общеобразовательных организациях, чел.	Численность обучающихся коренной национальности, изучающих хакасский язык в различных формах, чел.
Абакан	3374	3143	2121
Абаза	12	18	10
Саяногорск	0	17	0

Сорск	60	72	24
Черногорск	658	102	41
Алтайский район	277	211	211
Аскизский район	3356	3544	3195
Бейский район	513	453	396
Боградский район	315	13	11
Орджоникидзевский район	361	88	57
Таштыпский район	1100	1099	957
Усть-Абаканский район	538	204	174
Ширинский район	283	256	147
Подведомственные Минобрнауки РХ организации	786	625	597

Доля школьников коренной национальности, охваченных изучением родного хакасского языка в различных формах, составляет 80,66 % (более 7 940 чел.). Хакасский язык как государственный язык Республики Хакасия изучают 1 904 школьника некоренной национальности (16,37 %). Родители (законные представители) обучающихся некоренной национальности осуществили выбор хакасского языка в целях нравственного и интеллектуального развития личности ребенка.

На современном этапе существенная роль отводится изучению хакасского языка в предметных областях «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература» (далее – предметные области). Доля школьников коренной национальности, охваченных изучением родного хакасского языка в предметных областях, составляет 62,8 %.

В сравнении с аналогичным периодом прошедшего года данный показатель увеличился на 10,5 % (было 52,3 %).

Таблица 3

Изучение хакасского языка и литературы (литературного чтения) в предметных областях «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература» на начало 2019/2020 учебного года в системе образования Республики Хакасия

Муниципальное образование Республики Хакасия/подведомственные Минобрнауки РХ организации	Численность обучающихся, изучающих хакасский язык в предметных областях, чел.	Численность обучающихся коренной национальности, изучающих хакасский язык в предметных областях, чел.
Абакан	1 019	786
Абаза	0	0
Саяногорск	0	0
Сорск	0	0
Черногорск	29	0
Алтайский район	229	181
Аскизский район	3 297	3 136

Бейский район	371	320
Боградский район	0	0
Орджоникидзевский район	151	34
Таштыпский район	997	857
Усть-Абаканский район	117	73
Ширинский район	208	125
Подведомственные Минобрнауки РХ организации	766	587

Доля школьников коренной национальности, изучающих родной хакасский язык и литературу в предметных областях, в муниципальных образованиях Республики Хакасия представлены следующим образом: Аскизский район – 88,49 %, Алтайский район – 85,78 %, Таштыпский район – 77,90 %, Бейский район – 70,60 %, Орджоникидзевский район – 64,77 %, Ширинский район – 44,17 %, город Абакан – 25,00 % и др.

Таким образом, законодательство Российской Федерации и Республики Хакасия обеспечивает реализацию прав граждан на изучение хакасского языка в образовательных организациях Республики Хакасия. Мониторинг преподавания и изучения хакасского языка показывает, что к завершению основного общего образования доля обучающихся 9-х классов коренной национальности, владеющих родным хакасским языком, в сравнении первыми классами, увеличивается в среднем на 24,3 %.

Система образования Республики Хакасия вносит весомый вклад в сохранение и развитие хакасского языка как неотъемлемой части культурного и духовного наследия хакасского народа, содействует повышению его роли как государственного языка Республики Хакасия. Вместе с тем, необходимо улучшать языковую ситуацию, особенно в семьях с детьми дошкольного и младшего школьного возраста.

Ежегодно организуются и проводятся мероприятия, нацеленные на сохранение и развитие хакасского языка в семьях (межведомственный республиканский семейный фестиваль «Родной язык – душа народа», проект «Пала тілі» и др.).

По данным текущего мониторинга, более 57,70 % учащихся первых классов не владеют родным хакасским языком.

В соответствии с частью 6 статьи 14 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон) свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образо-

вания, имеющим государственную аккредитацию образовательным программам начального общего и основного общего образования.

Свободный выбор изучения родного языка предусмотрен при приеме обучающихся в образовательную организацию (в том числе поступающих в первый или пятый класс) и при переводе из одной образовательной организации в другую. В 2019–2020 учебном году количество детей коренной национальности, зачисленных в 1-е классы, составило около 1 190 чел. По итогам свободного выбора родителей (законных представителей) коренной национальности в рамках предметной области «Родной язык и литературное чтение на родном языке» родной хакасский язык изучают более 740 первоклассников (62,68 %).

Опыт реализации вышеуказанной статьи Закона показывает, что часть родителей (законных представителей) коренной национальности воспользовались своим правом свободного выбора в пользу родного русского языка (более 37,12 % обучающихся первых классов изучают родной русский язык).

Опрос ряда экспертов, родителей (законных представителей) обучающихся показывает, что данная ситуация обусловлена, в том числе, предрассудками социального контекста: родители ограждают своих детей от «ненужных» предметов, к которым, по их мнению, относится родной язык.

Если родители (законные представители) обучающихся из числа коренного населения осуществляют свободный выбор родного русского языка, то в учебном плане общеобразовательных организаций учебные предметы «Хакасский язык» и «Хакасская литература» не предусматриваются. Органы, осуществляющие управление в сфере образования, общеобразовательные организации не вправе вмешиваться в принимаемые родителями (законными представителями) решения относительно свободного выбора родного языка.

В течение 2018 и 2019 годов Минобрнауки РХ совместно с Республиканским Советом старейшин хакасского народа принимались меры по преломлению вышеуказанной тенденции.

Практически во всех муниципальных образованиях Республики Хакасия проведены совещания, семинары, круглые столы с руководителями муниципальных дошкольных и общеобразовательных организаций с участием районных, городских Советов старейшин хакасского народа и представителей местного населения.

Сформировалось единое понимание того, что выбор, преподавание и изучение хакасского языка будут успешными в случае диалога, договора между заинтересованными органами, организациями, родителями (законными представителями) обучающихся, общественными организациями, местным сообществом.

В 2019 году в рамках Межрегиональной научно-практической конференции школьников им. Л. Р. Кызласова были организованы и проведены публичные лекции по истории Хакасии с участием доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института археологии РАН, заслуженного деятеля науки Республики Хакасия И. Л. Кызласова. По мнению И. Л. Кызласова, отличительной особенностью Республики Хакасия в России и мире являются её древняя история, хакасский язык.

Родители (законные представители) обучающихся, воспитанников осознают, что родной хакасский язык сохранен для потомков с глубокой древности, уметь говорить на родном языке означает стать частью предков, культуры и истории родного края.

«Хакасы являются наследниками тех лучших культурных традиций, которые развивались населением этих мест за всю их многотысячелетнюю историю» (Л. Р. Кызласов «К вопросу об этногенезе хакасов»).

Опыт реализации государственной языковой политики в Республике Хакасия показывает необходимость синергетического подхода к решению актуальных вопросов хакасского языка, совместных согласованных действий органов, осуществляющих управление в сфере образования, образовательных организаций, включая организации высшего образования, общественных организаций, участников образовательных отношений, включая родителей (законных представителей) обучающихся, воспитанников.

Библиографический список

1. Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Ключевые вопросы истории хакасов: сборник статей. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2016. 136 с.
2. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2020).
3. О языках народов Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2020).
4. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2020).
5. Конституция Республики Хакасия. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2020).
6. О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия: Закон Республики Хакасия от 20.10.1992 № 11 (с последующими изменениями). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2020).
7. Об образовании в Республике Хакасия: Закон Республики Хакасия от 05.07.2013 № 60-ЗРХ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2020).
8. Об установлении Дня хакасского языка: Закон Республики Хакасия от 13.06.2017 № 38-ЗРХ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2020).

9. Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования: Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2020).
10. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2020).
11. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования: Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2020).
12. Примерная основная образовательная программа среднего общего образования (одобрена решением Федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 28.06.2016 № 2/16-з).

© Гимазутина Л. Н., Доможакова О. В., Сагалаков Ю. Г., 2020

УДК 373.24

Л. В. Капчигашева, А. А. Топова

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРОЕКТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДОУ

В статье отмечается, что своеобразие сегодняшней ситуации состоит в том, что, с одной стороны, подрастающее поколение овладевает общемировой культурой, знакомится с обычаями и традициями разных народов, а с другой – происходит пробуждение национального самосознания, интереса к культуре своего народа, желания знать больше о своём происхождении. На наш взгляд, актуальной является проблема привлечения молодых семей наших воспитанников к изучению языка, традиций и обычаев коренного населения Хакасии. С этой целью совместно с родителями был реализован проект «Чыл пазы», направленный на приобщение детей дошкольного возраста к национальному наследию и популяризации хакасского языка.

Ключевые слова: хакасский язык, проектная деятельность, дошкольное образование.

Хакасский язык в современных условиях подвергается угрозе постепенного исчезновения. По классификации ЮНЕСКО он отнесен к категории неблагополучных языков мира [3, с. 4]. Представители хакасского этноса пытаются различными способами и механизмами сохранить родной язык и самобытность коренного народа. По мнению Л. В. Анжигановой, одной из важнейших основ воспитания у подрастающего поколения нравственности служат принципы народности. Иначе говоря, обучать, воспитывать и строить всю систему образования необходимо учитывая психологию, язык, культуру народа, опираясь на традиции и национальные особенности этноса [1]. Лучшие педагоги мира (Я. А. Коменский, И. Г. Песталоцци, К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко, Я. Корчак, В. А. Сухомлинский и др.) в основу своих трудов по педагогике положили в виде исходной, отправной точки именно народные педагогические заповеди. Мироззренческая основа народной педагогики строится на

вековых заветах предшествующих поколений, поддерживающих непрерывное эволюционное движение народа [1, с. 5]. Освоение знаний о культурном наследии своего народа необходимо молодежи, дабы возродить утраченное и продолжить преемственность культур между поколениями [2, с. 3].

На наш взгляд, актуальной является проблема привлечения молодых семей наших воспитанников к изучению языка, традиций и обычаев коренного населения Хакасии. С этой целью мы провели анкетирование среди родителей нашей группы на тему «Что я знаю о родной Хакасии» и выяснили, что мало кто знает о традициях и обычаях хакасского народа. По результатам анкетирования состоялся круглый стол, на котором обсуждались вопросы национального воспитания. Родители поделились своими мнениями о том, что можно сделать, чтобы лучше узнать и раскрыть для себя и детей малую Родину, узнать традиции и обычаи хакасов, их язык и культуру. Так и возникла идея совместно с родителями организовать проект «Чыл пазы» (в переводе на русский язык «Новый год»), направленный на приобщение детей и их родителей к национальному наследию и популяризации хакасского языка.

Реализация семейного проекта «Чыл пазы» стала делом нелегким, но интересным. В начале проекта мы посетили наш краеведческий музей. Экскурсия была познавательной и занимательной. Детей и родителей впечатлила история нашей родной республики, ее древнее происхождение и этнокультурное развитие. Дети познакомились с национальной одеждой коренных жителей, узнали о ее разнообразии, услышали новые хакасские слова. Родители с детьми рассматривали национальные хакасские узоры, интересовались их своеобразной символикой, затем в специальных пособиях раскрашивали их на платьях, обуви, посуде. Так через продуктивную деятельность дети познакомились с особенностями хакасских узоров.

Родители группы решили сшить хакасские платья для детей. Продумали фасон, цвет и фактуру ткани, чтоб все соответствовало канонам национального платья (воспитатели группы и бабушка одного из воспитанников были консультантами). Закупили материал и отдали шить мамам, которые согласились это сделать. Когда привезли готовые платья, детской радости не было предела! Мы решили не по плану проекта пригласить в гости детей из другой группы и показать дефиле «Хакасская мода». Это было очень интересно.

Увлекательно провели «Вечер хакасской культуры», где была возможность ближе узнать хакасскую литературу и музыку. Под звук чатхана (национального музыкального инструмента хакасов) прочитали хакасскую народную сказку «Легенда о волшебном чатхане», услышали легенды и мифы. Дети просмотрели презентации о Хакасии под национальные звуки хакасских инструментов. Совместно с детьми мы

выбрали детскую песню и стихотворение на хакасском языке для празднования «Чыл пазы». Нельзя не согласиться с мнением В. Я. Бутанаева о необходимости уметь вслушиваться в слова песен, понимать смысл обычаев, образов и верований народа, без которых трудно понять закономерности развития его истории и культуры [2].

Для знакомства с традиционной хакасской кухней мы решили провести мастер-класс для родителей, на котором рассказали об особенностях и о традициях приготовления национальных блюд. Раскрыли секреты приготовления самого любимого блюда хакасов – талгана (мука крупного помола из жареного ячменя или пшеницы). Мы провели творческую мастерскую, где родители и дети совместно с педагогами делали традиционное хакасское украшение пого. Во время работы мы рассказали о символе, силе и цели изготовления и ношения этого украшения. Также педагоги знакомили родителей с хакасскими словами, учили правильно их произносить.

Совместно с детьми провели вечер хакасских игр. В начале развлечения мы рассказали детям, что издревле хакасы были кочевым народом, они держали много овец и пасли их на бескрайних степях нашей земли. Они также были отличными охотниками и добывали себе пищу в тайге, были ловкими и сильными. Хакасский народ много работал, но и умел отдыхать, придумывал разные интересные игры. Мы познакомили детей с хакасскими народными играми: «Спрячь рукавицу», «Перетягивание палки», «Кто быстрее возьмет платок».

Праздник прошел на улице, на территории детского сада, в первой половине дня. С утра родители украсили площадку флажками и шарами. Дети и воспитатели надели национальные платья. Родители по желанию повязали платки. Звучала легкая национальная музыка. Праздник начался с красивых хакасских слов приветствия Нового года и пожелания всем мира и добра. Во время праздника дети играли в национальные игры, читали стихи и пели песни на хакасском языке, провели символический традиционный обряд почитания священной березы – *хазын*. Родители вместе с детьми завязали цветные ленточки чалама на березу и загадали желания. Праздник закончился хакасским угощением из *талгана*. И взрослым, и детям понравился наш праздник.

С самого начала нашего проекта дети и взрослые готовились, переживали и ждали итога проекта – праздника «Чыл пазы». Мы приложили немало усилий, чтобы этот праздник состоялся таким, как мы его задумали. За время проекта дети проявляли активный познавательный интерес, желание участвовать в работе, самостоятельно планировали, ставили перед собой цели, оценивали результаты своей деятельности, проявляли инициативу и выражали свои чувства и мысли. Все участники проекта получили представление о традициях и обычаях хакасского народа, со-

прикоснулись с национальной культурой, познакомились с новыми хакасскими словами, играми, сказками.

Родители были вовлечены в реализацию проекта на 90%. Они проявили активное участие в приобщении детей к культуре хакасского народа и его языку, что положительно повлияло на отношение детей к творчеству коренного населения. Следует отметить также позитивную динамику сотрудничества между семьей и детским садом, улучшение отношений между воспитанниками и даже сближение родителей между собой.

Очень важно, чтобы каждый народ не просто хранил исторически сложившиеся традиции и особенности, но и стремился перенести их в будущее, чтобы не утратить исторической и национальной самобытности. Духовный, творческий патриотизм надо прививать с раннего детства. Но, подобно любому другому чувству, патриотизм обретается самостоятельно и переживается индивидуально. Он прямо связан с личной духовностью человека, ее глубиной. Поэтому, не будучи патриотом сам, педагог не сможет и в ребенке пробудить чувство любви к Родине. Именно пробудить, а не навязать, так как в основе патриотизма лежит духовное самоопределение.

Библиографический список

1. Анжиганова Л. В. Традиционное мировоззрение хакасов: учеб. пособие. Абакан: НМЦ народного творчества. 1995. 58 с.
2. Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов: пособие для учителей. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. 224 с.
3. Боргоякова Т. Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития. Абакан, 2001.

© Капчигашева Л. В., Топоева А. А., 2020

УДК 371

Т. С. Кызласова

ЧЕРЕЗ РОДНОЙ ЯЗЫК – В ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ НАРОДА

В статье отмечено значение родного языка в интеллектуальном и духовном развитии личности, раскрыто богатство языка как источника народной мудрости. Родной язык является связующим звеном в цепи поколений, помогает ребенку развить свои способности, усвоить основы духовности и мудрости. В статье представлены результаты изучения школьных учебников для литературного чтения в 1–2 классах начальной школы, содержащих произведения детского фольклора.

Ключевые слова: *родной язык, духовность, детский фольклор, литературное чтение.*

С середины 60-х годов XX века родной хакасский язык нуждается в защите, бережном использовании и сохранении. Как писал И. Л. Кызла-

сов, «сохранить – значит узнать былое и запомнить, найти уцелевшее и сберечь. Возродить – значит придать новую жизнь» [1, с. 4].

Родной язык является основой интеллектуального и нравственного развития личности, связующим звеном в цепи поколений, помогает ребенку развить свои способности, усвоить основы народной духовности и мудрости. Он раскрывает особенности характера человека, говорит о его наследственности. Наследственная основа характера человека служит той базой, на которой и с помощью которой формируется характер человека. Для того, чтобы ребенок получил все необходимое для своего гармоничного развития, очень важно, чтобы язык, на котором говорит ребенок, не противоречил национальному характеру. К. Д. Ушинский писал: «Язык, созданный народом, развивает в духе ребенка способность, которая создает в человеке слово и которая отличает человека от животного: развивает дух» [2, с. 111]. Согласимся с великим педагогом в признании основополагающей функции родного языка.

Произведения хакасских писателей, поэтов, сказителей, тахпахчи имеют глубокие исторические корни. Это своего рода летопись многовековой духовной жизни народа. Ребенок в процессе овладения родным словом познает множество понятий, мыслей, чувств, художественных образов.

Сказки, пословицы, песни, загадки вызывают наибольший интерес у младших школьников. Детский фольклор собирали известные ученые Хакасии: А. А. Кенель, В. Е. Майногашева, А. К. Стоянов, П. А. Трояков, М. А. Унгвицкая.

Ребенок, слушавший с рождения колыбельные песни матери, воспитывался в любви и уважении к своей семье. Для развития детского ума детей учили скороговоркам, потешкам, честушкам, для развития внимания и наблюдательности родители учили детей играть со своими пальцами, в целях развлечения давали названия каждому пальцу. Большое место в песенном творчестве хакасского народа занимают песенки зверей и птиц. «Эта поэзия изумительна, чудесна и по-особому мудра, – пишет В. Е. Майногашева, – она представляет собою изначальную духовность предков хакасского народа и его нынешнего поколения» [3, с. 15].

Считаем, что эти добрые народные творения тщательно отбирались авторами для учебников литературного чтения для 1–2 классов начальной школы. Авторами пособий для учащихся общеобразовательных организаций с русским языком обучения являются А. Н. Балгазина, М. Н. Саражакова и др. В них включены и детские песенки, и скороговорки, пословицы, игры, песенки зверей и птиц, сказки, рассказы хакасских и русских писателей в переводе.

В учебник «Литературное чтение. 1 класс (на хакасском языке)» включены отрывки из «Моей азбуки» Н. Г. Доможакова, «Азбуки» Г. Г. Казакиной. Эти материалы – отражение человеческой мудрости,

опыта поколений и жизни хакасского народа. Содержание текстов в учебнике построено в определенной логической последовательности, от простого – к сложному, что позволяет ученику легче приобретать навыки чтения. В лучших стихотворениях поэтическое слово раскрывает тончайшие оттенки родного языка.

Изучив учебную литературу для начальной школы, приходим к выводу, что авторы включили очень ценные тексты, которые воспитывают и действуют на ребенка, формируют у него бережное отношение к природе, животным, отражают духовность предков хакасского народа и его нынешнего поколения. Духовность позволяет жить в полной гармонии с окружающей природой, и ее нужно развивать.

Библиографический список

1. Кызласов И. Л. Хакасоведение в школе // Труды Хакасской археологической экспедиции. 4. Москва-Абакан, 1996. 16 с.
2. Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. В 2 т. М.: 1974. Т. 2. 411 с.
3. Хакас чонның палалар поэзиязы: Чыынды / тексттi чыып, чарыхха сыгарарга тимнеен, таныглар идip, сbс алнын пасхан В. Е. Майногашева. Агбан: ООО «ДиалогСибирь – Агбан», 2009. 100 с.

© Кызласова Т. С., 2020

УДК. 373.24

С. В. Мамышева, Е. В. Тодинова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТРИЗ В ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ В ДООУ

Цель настоящего исследования – дать читателю представление о многообразии игровых приемов ТРИЗ-технологии в обучении детей хакасскому языку в ДООУ. В статье рассматривается теория решения изобретательских задач Г. С. Альтшуллера. Основное внимание уделяется использованию элементов ТРИЗ в совместной образовательной деятельности, в свободной деятельности детей и в режимных моментах. Авторы приходят к выводу о том, что при использовании элементов ТРИЗ заметно активизируется творческая и мыслительная активность у детей в различных видах их деятельности – игровой, речевой, художественном творчестве и др.

Ключевые слова: ТРИЗ, дошкольный возраст, обучение, игра, технология, хакасский язык, творческое воображение, Г. С. Альтшуллер.

Родной язык – это богатство каждого народа. Это духовное наследие, отражение характера людей, это опыт и мудрость, которую мы передаем своим детям. Множество языков, почти половина ныне существующих в мире, находятся под угрозой исчезновения. А ведь для кого-то они являются родными. Поэтому так важно с детства создавать представление о том, что язык – это главное сокровище народа; воспитывать любовь и бережное отношение к родному языку [6].

В нашем детском саду национально-региональный компонент пронизывает все формы и направления образовательного процесса. Большое внимание уделяется использованию устного народного творчества, народных игр, музыки, танцев, декоративно-прикладного искусства, ознакомлению детей с природой родного края, с прошлым и настоящим Хакасии, с обычаями, традициями, культурой хакасского народа. Также знакомим детей с творчеством писателей, поэтов, мастеров Хакасии. Дети слышат, видят как создаются красивые и нужные вещи, украшенные хакасским орнаментом.

В физическое развитие и музыкально-спортивные развлечения включаем традиционные хакасские подвижные, хороводные игры, игры-инсценировки. Ежегодно проводим в детском саду праздники: «Чир Ине», «Чыл пазы», «День родного языка», что способствует формированию у детей интереса к культуре хакасского народа, приобщает к ее духовным ценностям, знакомит с обычаями и традициями. Народные праздники в детском саду являются эффективной формой активного отдыха детей.

Интересной находкой в обучении детей хакасскому языку стало использование элементов технологии ТРИЗ. ТРИЗ-технология – универсальный инструментарий, который можно использовать практически во всех видах деятельности (как в образовательной, так и в играх, в режимных моментах и в изучении с детьми хакасского языка). Целью использования ТРИЗ-технологии в детском саду является развитие с одной стороны таких качеств мышления, как гибкость, подвижность, системность, диалектичность, а с другой стороны – поисковой активности, стремления к новизне, развитию речи и творческого воображения.

ТРИЗ для дошкольников:

- это система коллективных игр, занятий, призванных не изменять основную программу, а максимально увеличить её эффективность;
- «управляемый процесс создания нового, соединяющий в себе точный расчёт, логику, интуицию», – так считал основатель теории Г. С. Альтшуллер [1].

С созданием Г. С. Альтшуллером теории решения изобретательских задач появилась база обучения, повышающая творческий потенциал человека. И чем раньше начнется обучение, тем более высокий результат достигается. Причина столь яркого проявления творческих способностей объясняется высоким уровнем развития воображения в детстве, а также тем, что такое творческое обучение не приводит ребенка к привычным стереотипам, неумению самостоятельно принимать решения, а помогает раскрыть и целенаправленно развивать его способности.

Типичные качества творческой личности исследовались Г. С. Альтшуллером и И. М. Верткиным. Было выделено шесть характерных «инст-

рументальных» качеств, то есть такие, которые возможно формировать в человеке целенаправленно, развивая творческую личность:

1. Наличие Достойной Цели.
2. Наличие планов достижения цели, текущего планирования и контроля (самоконтроля) выполненной работы.
3. Высокая работоспособность.
4. Умение решать творческие задачи.
5. Умение «держат удар» (продолжать работу, несмотря на неудачи).
6. Промежуточная результативность.

Последнее качество – результат наличия предыдущих пяти. Г. С. Альтшуллер показал, что во многих случаях увлечение человека большой целью происходит через «чудо» – сильное, неожиданное переживание (как правило, случайное). Но в дальнейшем срабатывает механизм вовлечения, втягивания, основанный на чередовании положительных и отрицательных стимулов: начало занятий – первые успехи – рост задачи – трудности – неудачи – преодоление их, успехи – новые задачи и т. д. – получение удовольствия от работы – увеличение необходимой для получения удовольствия «дозы» – появление зависимости. Возникает обратная положительная связь на рост творчества [8, с. 12–13].

Задачи ТРИЗ в дошкольном воспитании – это:

- научить видеть объекты окружающего мира как многофункциональные, разносторонние;
- научить ребенка выделять противоречия между объектами окружающего мира;
- научить ребенка фантазировать и изобретать новое;
- научить решать фантастические, сказочные, игровые задачи с помощью приемов ТРИЗ;
- научить находить выход и эффективно решать реальные ситуации.

Эти задачи последовательно реализуются в ходе взаимодействия педагога и ребенка, постепенно приучают последнего к системному мышлению и нестандартному подходу в поиске решений любой ситуации [2].

Самые часто используемые в ТРИЗ-системах методы – это:

- **метод маленьких человечков.** Для простоты понимания сложных, составных процессов они изображаются в виде маленьких человечков, находящихся друг с другом в разных взаимоотношениях;
- **метод фокальных объектов** – исходному объекту приписываются свойства, изначально ему не присущие, нередко фантастические;
- **системный оператор** – для любой системы прорабатываются также подсистемы (составляющие части) и надсистемы (более крупные);
- **ресурсы** – вся система рассматривается с точки зрения ресурсов или их производных. Это дает возможность функционально подойти к решению задач;

- **противоречия.** Любая система обладает противоречивыми свойствами относительно одной и той же функции;
- **фантазирование** – через объединение частей целого (например, конь и человек – это кентавр), уменьшение или увеличение, ускорение или замедление, дробление или объединение, статистику или динамику и т. д. [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что при использовании элементов ТРИЗ заметно активизируется творческая и мыслительная активность у детей, так как ТРИЗ учит мыслить широко, с пониманием происходящих процессов и находить своё решение проблемы. Изобретательство выражается в творческой фантазии, придумывании чего-то, что потом выразится в различных видах детской деятельности – игровой, речевой, художественном творчестве и др. [7].

Изучение хакасского языка помогает развитию родной речи. Этому способствует последовательная и тщательная работа с отдельными словами и конкретными выражениями. В то же время происходит развитие фонематического слуха и артикуляционного аппарата.

В своей работе мы используем элементы ТРИЗ не только в совместной образовательной деятельности, но и в свободной деятельности детей, в режимных моментах:

1. «Хайхастыҕ очки» (Волшебные очки). Дети надевают очки разного цвета, формы (геометрические) и находят предметы такого цвета или такой формы и называют их. Например: красные очки видят только красные предметы (красный карандаш, мячик, машинка) и т. д. Данная игра дает возможность запомнить цвета, геометрические фигуры.
2. «Сөстү читире чохта» (Доскажи словечко). Педагог начинает произносить лишь первый слог, а дети должны продолжить. Например: ха... (харах, хас), хы... (хызыл, хызычых) и т. д. С помощью этой игры закрепляем пройденный материал.
3. «Читире чоохта» (Продолжи предложение). Данная игра схожа с предыдущей, только в этой игре используются предложения. Воспитатель начинает произносить предложения, а ребенок заканчивает. Например: Миниң пар... (хол, азах, ойначах) и т. д. Также с помощью этой игры идет закрепление пройденного материала.
4. «Төртүнчези артых» (Четвертый лишний). Цель этой игры – видеть лишний предмет и правильно его произнести на хакасском языке. Раскладываются четыре карточки, детям нужно определить, что лишнее. Например: изображены домашние животные, а одна карточка – с диким животным. Эта игра на запоминание и закрепление пройденного материала [4].

И в заключение следует отметить, что самое главное в обучении детей хакасскому языку – это создание ситуации успеха, что во многом зависит от педагога и от тех методов, которые он применяет.

Библиографический список

1. Альтшуллер Г. С. Найти идею. Введение в теорию решения изобретательских задач. – Новосибирск, 1986.
2. «Жизнь с детьми» // Вместе веселей. URL: <http://www.withkids.ru/home-school/obuchenie-s-uvlecheniem-mysli-metody-i-podhody/chto-takoe-triz.html> (дата обращения: 17.04.2020).
3. Использование методов технологии ТРИЗ в ДОУ // МААМ.ру. URL: <https://www.maam.ru/detskijasad/ispolzovanie-metodov-tehnologi-triz-v-dou.html> (дата обращения: 17.04.2020).
4. Ляшко Т. В., Сеницына Е. И. Через игру – к творчеству (методическое пособие, выпуск второй). Обнинск: «Интерколледж», Центр НГТУ «Эврика», 1994. 78 с.
5. Мастер-класс для педагогов «Развитие творческого потенциала детей. Применение методов ТРИЗ в детском саду» // МААМ.ру. URL: <https://www.maam.ru/detskijasad/konspekt-konsultacija-master-klas-dlja-pedagogov-po-teme-razvitiie-tvorcheskogo-potencijala-detei-primenenie-metodov-triz-v.html> (дата обращения: 17.04.2020).
6. Проект «Язык родной» // Инфоурок. URL: <https://infourok.ru/proekt-yazik-rodnoyproekt-yazik-rodnoy-rodnoy-yazik-eto-bogatstvo-kazhdogo-naroda-eto-duhovnoe-nasledie-otrazhenie-haraktera-lyu-1635037.html> (дата обращения: 17.04.2020).
7. Страуниг А. М. Развитие творческого воображения дошкольников на занятиях по изобразительной деятельности. Обнинск, 1996.
8. Страуниг А. М. Ростов: Программа по ТРИЗ-РТВ для детей дошкольного возраста. В 2-х т. Том 1. Обнинск, 1996.

© Мамышева С. В., Тодинова Е. В., 2020

УДК 373.24

Л. В. Миягашева, В. А. Тюкникова, О. С. Тюкникова

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДОУ И ШКОЛЫ В ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

С целью приобщения детей к родной культуре и родному языку, возрождения и развития культурных традиций в ДОУ, как и в школе, используется проектный метод – современная инновационная педагогическая технология. В статье говорится о том, что данная технология помогает обеспечить сотрудничество, сотворчество детей и взрослых, реализовать лично-ориентированный подход к образованию дошкольников, тем самым подготовить детей к школьному обучению.

Ключевые слова: *проектный метод, недельные проекты, преемственность школы и детского сада, сохранение родного языка.*

Интересовались ли вы когда-нибудь вопросом значения родного языка в жизни человека? Если сохранен язык, то и народ, который на нем говорит, существует. Нет языка – и народа нет. Приобщение детей к родной культуре, к изучению родного языка, возрождение и развитие культурных традиций – важное дело для всех народов. Проблема сохранения родного хакасского языка также весьма актуальна: согласно исследованиям учёных, в Республике Хакасия продолжается снижение доли хакасов, свободно владеющих родным языком, на фоне существенного раз-

рыва в языковой компетенции хакасов старшего и младшего возраста [1, с. 343].

С целью сохранения родного языка в детском саду «Дашенька» г. Абакана ведется большая и планомерная работа. Но дети от нас уходят в школу, и очень важно на этапе дошкольного образования сохранить, а потом и улучшить знание родного языка. Наша задача – организовать данную деятельность так, чтобы она соответствовала потребностям каждого ребёнка, а также требованиям Федерального государственного стандарта дошкольного образования.

С целью организации деятельности по данному направлению нами, как и школой, используется проектный метод – современная инновационная педагогическая технология. Мы считаем, что данная технология помогает нам обеспечить сотрудничество, сотворчество детей и взрослых, реализовать личностно-ориентированный подход к образованию дошкольников, тем самым подготовить детей к школьному обучению. Внедрение в педагогический процесс проектов позволяет:

- организовать детей на поэтапную и заранее спланированную практическую деятельность;
- активизировать детей на самостоятельную и коллективную творческую работу;
- развивать представления детей о родном крае;
- расширить знания хакасского языка;
- развивать познавательную активность и творческие способности детей [2].

В нашем дошкольном учреждении мы используем краткосрочные недельные творческие проекты. Каждый проект предусматривает обязательное оформление продуктов детской творческой деятельности: макеты, коллекции, книжки-самodelки, стенгазеты, выставки творческих работ.

Например, на проекте «Народные умельцы» мы познакомили детей с традиционными хакасскими росписями, изделиями отдельных народных художественных промыслов. Ребята узнали, как делали посуду, музыкальные инструменты, предметы быта. Все это зарисовывали, лепили, мастерили. В ходе проекта дети не только занимались творчеством, но и познакомились с новыми хакасскими словами. Итогом проекта стал выпуск альбома «Предметы, сделанные народными умельцами». Каждый предмет был подписан на хакасском языке.

Творческий проект «Традиционная одежда хакасов» показал детям разнообразие народного костюма. Ребята сравнили одежду хакасов с одеждой других народов; сформировали представление о творчестве хакасского народа; познакомились с образной стилизацией растительного и геометрического орнамента. Изучая особенности хакасского костюма,

дети узнали, как звучат они на хакасском языке. Итог проекта – конкурс поделок и рисунков «Народная одежда хакасов», где ребята, делая презентацию, представляли одежду на хакасском языке.

В настоящей статье описывается недельный проект «Родной язык» для детей подготовительной к школе группы.

Задача проекта – создать условия:

- для поисково-исследовательской и творческой деятельности;
- положительного взаимодействия в группе между детьми и взрослыми;
- развития представлений детей о русской и хакасской азбуке;
- развития представлений детей о значении родного языка в жизни каждого человека;
- формирования культуры межличностных и межнациональных отношений;
- развития в детях патриотических чувств.

Проект был реализован в несколько этапов.

На подготовительном этапе выяснили интересы и представления детей по данной теме, выбрали источники информации, которыми дети будут пользоваться. Дети вместе с педагогами планировали деятельность и определяли конечный продукт проекта – это презентация плакатов «Хакасский алфавит», «Русский алфавит» и книжек «Русская азбука», «Хакасская азбука».

Практический этап проекта осуществляется в течение недели в разных видах детской деятельности (игровой, коммуникативной, трудовой, познавательно-исследовательской, продуктивной, музыкально-художественной, чтения), в ходе которых у детей развивались представления о русской и хакасской азбуке.

Презентационный этап. В пятницу прошла презентация плакатов «Хакасский алфавит», «Русский алфавит» и книжек «Русская азбука», «Хакасская азбука».

В понедельник ребята, благодаря альбомам, картинкам, фотографиям и книгам, нашли информацию о хакасской и русской азбуках. Дети сравнили две азбуки, определили сходства и различия.

Во вторник ребята проводили поисково-исследовательскую деятельность. Из разных источников, а именно из книг и Интернета, узнали, когда у русского и хакасского народов появились письменность и первая азбука.

В среду и четверг дети приступили к изготовлению азбук и плакатов. За основу ребята решили взять названия животных, птиц и растений в хакасском и русском языках. С этой целью в Центре творчества были созданы все условия для самостоятельной и творческой деятельности детей: подготовлены альбомы с изображениями растений, животных и

птиц, с названиями на хакасском языке; разные виды материалов: трафареты, альбомы, ватманы.

Для активизации игровой деятельности мы создали картотеку хакасских и русских народных игр, дополнили Центр национальными игрушками, масками, разными атрибутами и костюмами. Дети с удовольствием играли в народные игры, запоминали не только их правила, но и названия, слова сопровождения на хакасском и русском языках.

Созданные центры науки и книги помогли детям узнать историю возникновения русской и хакасской письменности. У ребят была возможность сравнить написание хакасских и русских букв. В книгах, картинках, фотографиях дети смогли найти необходимую информацию для изготовления плакатов. Все названия мы с детьми подписывали на русском и хакасском языках, что создало условия для развития предпосылок для чтения не только на русском, но и на хакасском языке.

В пятницу утром дети подготовили группу и пригласили гостей на презентацию азбук. Ребята самостоятельно решали, какую информацию они могут рассказать, выбирали, кто из детей будет проводить презентацию. Все у детей получилось. И плакаты с хакасской и русской азбукой до конца учебного года висели в группе.

Важным аспектом реализации проектов является взаимодействие с семьей, которое строится на понимании того, что родители – это полноправные участники образовательных отношений. Родители оказывают помощь в обеспечении образовательного процесса коллекционными материалами, оказывают помощь при организации экскурсий, приобщают детей к традициям своей семьи, знакомят с народными играми, участвуют в мероприятиях учреждения и т. д.

После внедренных проектов можно сделать вывод, что дети с большим удовольствием занимаются изучением хакасского языка. Проекты помогают ребятам обогащать свой личный опыт по планированию и оценке своей работы, взаимодействовать со сверстниками, проявлять инициативу и самостоятельность, реализовать свои творческие идеи. Все это формирует у детей предпосылки к школьному обучению.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. Динамика языкового поведения и языковых убеждений в контексте языковой политики Республики Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 11. Т. 12. С. 342–347.
2. Миягашева Л. В. Развитие познавательной активности детей дошкольного возраста посредством организации проектной деятельности в ДОУ. URL: <https://nsportal.ru/detskiy-sad/raznoe/2016/07/30/razvitiya-poznavatelnoy-aktivnosti-detey-doshkolnogo-vozrasta-1> (дата обращения: 20.04.2020).

© Миягашева Л. В., Тюкпиекова В. А., Тюкпиекова О. С., 2020

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Н. Ф. КАТАНОВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В ХАКАСИИ

В статье представлена авторская точка зрения на национальную идею Н. Ф. Катанова на основе аналитического изучения его научно-творческого наследия. Главное внимание акцентировано на состоянии хакасского языка, в свое время исследованного ученым и рассматриваемого как стержень национальной культуры, что обосновано в предлагаемой работе.

Ключевые слова: национальная идея, научно-творческое наследие, хакасский язык и культура.

Цель статьи: обосновать и представить национальную идею Н. Ф. Катанова о динамичном развитии народных языков в современных условиях взаимодействия множества культур и цивилизаций.

Предмет исследования: национальная идея, отраженная в научно-творческом наследии Н. Ф. Катанова, как предмет анализа в условиях современной этнокультурной образовательной ситуации в Хакасии.

Методология и методы. Ведущая идея о том, что в наследии выдающегося ученого-востоковеда Николая Фёдоровича Катанова (1862–1922) содержится ряд интересных высказываний о национальной идее, отражающих мировоззрение тюркских этносов, об их уникальных языках и культурах, основана на следующих методологических посылах. Во-первых, как ученый-полиглот, тюрколог-переводчик, в некотором роде единственный в России начала XX в., он признавал многообразие языков и их носителей как культурного феномена. Во-вторых, в его понимании каждый народ имеет право на полноценное развитие родного языка, в частности, фольклора, наряду с литературными формами. Именно фольклорные формы языка рассматривались как богатейший источник истории, народной памяти о прошлом, о себе и межнациональном взаимодействии народов.

В-третьих, системный и комплексный подход в изучении национальных языков и культур обеспечивает исследователя прочной методологической культурой. Сравнительно-сопоставительное изучение языков, их систем как ведущий метод позволило сделать ученому принципиально новые научные открытия в области тюркологии и общего языкознания.

Историко-хронологический анализ и синтез, сопоставление и контент-анализ разнородных сведений, обобщение и систематизация научно-творческого наследия ученого с опорой на современные философско-теоретические положения науки позволили выявить и сформулировать важнейшие положения национальной идеи Н. Ф. Катанова на теоретиче-

ском уровне. Совокупность системного, цивилизационного, культурологического и аксиологического подходов к предмету исследования послужила основанием для теоретического анализа и интерпретации ряда историографических, этнологических и историко-педагогических источников, включая творческое наследие Н. Ф. Катанова, получившего научную интерпретацию и критический анализ современников: Я. И. Ханбикова, С. Н. Иванова, Р. М. Валеева, Д. Г. Тумашевой, С. П. Ултургашева, В. Н. Тугужековой, В. Е. Майногашевой, А. К. Кужугет, О. Ф. Серткая, Р. Джераси.

Результаты исследования. В трактовке понятия «национальная идея» автор исходит из его философского и общенаучного осмысления в историческом контексте: идеи русского государства и православия, русской нации Н. Я. Данилевского, А. С. Хомякова, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Г. В. Флоровского, В. В. Зеньковского. В современном толковании национальной идеей называют «устойчивое представление об основополагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующие состояния общественного сознания» [4, с. 13]. Согласимся с утверждением философов о том, что национальная идея выступает ценностно-мотивационным представлением в рамках и масштабах всего общественного сознания, не только отдельного индивида, какой бы пассионарностью она ни обладала. Национальная идея в постоянном движении, она скрепляет людей в единое сообщество, вырабатывается каждым новым поколением и питает его, без нее жизнь общества и государства невозможна.

В последние годы в посланиях и обращениях Президента России В. В. Путина была официально провозглашена идея патриотизма как главная национальная идея современной России, суть которой не только в сохранении традиций любви к своей отчизне, но и в активной, деятельной защите и заботе о целостности, устойчивости государства и общества. На самом деле такая национальная идея не новая, ее во все времена существования нашего государства, так или иначе, провозглашали все правители и передовые мыслители. А у народа эта идея запечатлена в фольклорных произведениях: мифах, легендах, былинах, сказаниях, песнях и сказках. Исследователи народного языка и национально-этнических культур во всем их многообразии видят и ощущают общность идей, их отличия и формы материального проявления в языке и непосредственной коммуникации.

При изучении научно-творческого наследия выдающегося востоковеда, лингвиста-тюрколога Н. Ф. Катанова со всей очевидностью выявляется *национальная идея*, выраженная как патриотизм, патриотическое восприятие своего дела, оцениваемого как дело государственной важности и общественной ценности. Идея сохранения самобытных народных языков коренных тюркских этносов, их приобщения к передовым куль-

турно-цивилизационным достижениям русского и других народов через образование пронизывает его эпистолярное наследие, комментарии к статьям начинающих исследователей в «Ученых записках Казанского университета» или «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете». Так, в одном из писем от 28.10.1905 г. своему другу А. В. Васильеву (1853–1929, известный российский математик, педагог, один из организаторов математического образования в России), Николай Федорович сообщал: «...Вы говорите, что среди инородцев нет интеллигентных деятелей. Найдутся ли таковые, если хотя бы уничтожить даже самих инородцев?... Некоторые администраторы готовы стереть как национальность и башкир, и татар, и киргиз; кому же захочется при таком начальстве работать среди инородцев окраин? Немцы и французы стремятся изучать восток, а у нас к нему нет охоты ни у начальства, ни у студентов, ни у народа, хотя правительство и сознает пользу изучения востока» [5, п. 3].

Как показывают архивные материалы (Ф. 969 НА РТ; Ф. 977 ИФФ НА РТ), ученый вел активную борьбу со сторонниками мысли о том, что «скоро инородцы вымрут», поэтому нет смысла в печатании их наречий, тем более в серьезных солидных изданиях, таких как «Ученые записки...» или «Известия ОАИЭ». Стремление сохранить как можно больше сведений о народных языках, их богатом устном творчестве, содержащем бесценные сведения об истории, религии, культурных обычаях и традициях, межнациональных связях и межличностных отношениях в семье и обществе, заставляло ученого производить многочасовые записи во время путешествий и экспедиций.

Одним из последних напутствий ученого был ответ на запрос Саранского общества изучения родного края, в котором говорилось: «...По теории Советской власти надо сразу же выработать программу исследований всех народностей, сразу же составить карту и распределить функции между отдельными членами, – и дело сдвинуть с мертвой точки...» [6].

Ограничившись форматом статьи, резюмируем, что в понимании ученым национальной идеи внимания требуют несколько моментов, актуальных и сегодня: во-первых, признание ведущей роли русского народа, русского языка и православия как мощного фактора, объединяющего все многообразное инородческое население Российской империи XIX – начала XX вв. Во-вторых, спасительным путем для коренных сибирских народов могло стать образование, открытие начальных школ с народными учителями и приобщение тюркских народов к вершинам культурных достижений европейской образованных наций через овладение светской грамотой на русском языке. В-третьих, идея миссионерского лидера Н. И. Ильминского о начальном обучении нерусских детей на родном языке полностью поддерживалась Н. Ф. Катановым. Как доказала история образования, этот путь оказался единственно правильным, обеспечиваю-

щим культурно-цивилизационное развитие нерусской части населения многонациональной страны.

Обсуждение. Применительно к Республике Хакасия современная культурно-языковая ситуация коренного народа определена исследователями как неоднозначная, требующая принятия превентивных мер по сохранению и развитию хакасского языка. Так, по исследовательским данным Т. Г. Боргояковой и А. В. Гусейновой [2], 89 % хакасов (табл. 20, данные 2013 г.) посчитали, что будущее родного языка находится под угрозой, поскольку число свободно владеющих родным языком составило 54 % [2, с. 70]. Родной хакасский язык Николая Фёдоровича Катанова, позволивший ему стать ученым мирового уровня, сегодня нуждается в определенной защите под влиянием объективных и субъективных факторов. По отчетным сведениям Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2019 год [3], доля учащихся хакасов общеобразовательных организаций, изучающих родной язык, составила 80,5 %, что выше на 2,5 % по сравнению с предыдущим годом. Более чем в семь раз повысилось количество изданных учебных пособий на хакасском языке. Обозначена тенденция позитивного этнокультурного развития хакасского языка как результат целенаправленной национально-региональной политики местных властей. В общественном сознании постепенно формируется мысль о самоценности национальных языков и культур, об их непреходящей значимости для каждого человека.

Как уже отмечалось, в своем научно-творческом наследии Н. Ф. Катанов неоднократно доказывал и высказывал идею о значимости каждого народа, его языка, каким бы несовершенным он ни казался: «Достойная задача – и изучение языка нашего народа. ...Начинайте изучать свой край, свое село, которое вы невежливо именуете «дырой» [1, с. 130–131]. О взаимном влиянии народных языков и культур ученый неоднократно высказывался в печатном издании Общества археологии, истории и этнографии, в статьях, рецензиях, предисловиях к работам начинающих исследователей. Подробное описание можно найти в публикациях автора [7; 8].

Авторская точка зрения в отношении национальной идеи Н. Ф. Катанова видится и в том, как настойчиво он боролся за возрождение кафедры турецко-татарского наречия в Казанском университете: именно в ней он видел источник научного изучения тюркских языков, систему подготовки компетентных специалистов для нерусских народов России, призванных обучать грамоте детей своих народов в этнически ориентированных школах по типу Казанской крещено-татарской школы для инородцев Н. И. Ильминского, впоследствии – по модели И. Я. Яковлева для чувашей. Более того, научно-исследовательская деятельность студентов университета, носителей родных языков, одновременно усвоивших лучшие образцы литературной русской речи и грамотности, также вноси-

ла свою лепту в развитие науки, успешную межкультурную коммуникацию, во многом способствовала зарождению национальной интеллигенции, развитию родных языков и обогащению культур народов Поволжья, Сибири (н-р, алтайского языка) и Средней Азии. Важными являются педагогические взгляды ученого на национальное просвещение и образование как фактор и средство приобщения коренных отсталых во многом народов к передовым достижениям цивилизации.

Мировоззрение ученого сформировалось как результат наблюдений, размышлений и анализа жизненных ситуаций, а также под влиянием лучших представителей российской интеллигенции, в свое время встретившихся ему во время учебы в Красноярской мужской гимназии, С-Петербургском университете. Не менее значимым был опыт научной экспедиции на восток в течение 1889–1892 гг., принесшей мировую известность Н. Ф. Катанову как ученому. Оказавшись в среде научной интеллигентной элиты, Николай Федорович, благодаря своему уму, трудолюбию и природной интеллигентности, сумел достичь научных вершин и добиться всеобщего признания. Проявлению лучших духовно-нравственных качеств в кризисные периоды жизни способствовало осознание своей миссии как единственного научно подготовленного хакасского представителя, ответственного за свой народ. Для любимой родины он был «всегда готов услужить» своим трудом, поделиться знаниями и советом.

Заключение. Как показал анализ огромного научно-творческого наследия Н. Ф. Катанова, в нем содержательно преобладает лингвистический и фольклорный материал об исследованных народностях. Национальная идея ученого об исторической роли народа в мировой культуре нашла отражение в его научно-исследовательской, общественно-просветительской и педагогической деятельности. Идеи сближения народов, их межкультурной коммуникации, о взаимном уважении и уникальности каждого языка и культуры наиболее ярко отражены в эпистолярном наследии Н. Ф. Катанова в отдельных публикациях и деликатных комментариях к собранным материалам, требующих анализа в историко-культурном контексте. Современное прочтение трудов ученого показывает актуальность многих высказанных более ста лет назад идей о народном языке: об уникальности и взаимопроникновении языков и этнических культур в глобализирующемся мире, необходимости сохранения родных языков как культурно-исторического феномена, поскольку язык народа без преувеличения – живой источник народной души.

Библиографический список

1. Барашков – Эпчелей И. Катанов Н. Ф. // Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения / сост. Н. Г. Доможаков. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1958. С. 124–167.

2. Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2017. 136 с.
3. Информация о реализации государственной программы Республики Хакасия «Региональная политика Республики Хакасия» за 2019 год / Отчет министра. URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/251/99024.html> (дата обращения: 04.04.2020).
4. Национальная идея в России. В 6 т. Т. 1. / под общей ред. С. С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. 752 с.
5. Отдел рукописей и редких книг Казанского университета. Ф. 7. Д. 8817. «Письма А. В. Васильеву. 11 писем. Казань, 1905–1911 гг.».
6. Отдел рукописей и редких книг Казанского университета. Ф. 7. Д. 7834. «Письмо в Совет «Саранского общества изучения родного края». 11.02.1922 г.
7. Султанбаева К. И. Николай Федорович Катанов – выдающийся ученый-востоковед, тюрколог, просветитель: монография. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2009. 144 с.
8. Султанбаева К. И. Использование наследия Н. Ф. Катанова в образовательном процессе. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2013. 76 с.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00661.

© Султанбаева К. И., 2020

УДК 81.246.2

Л. И. Тинникова

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ ПО ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье автор представляет опыт работы по применению хакасского языка во внеурочной деятельности с использованием стратегии смыслового чтения. На занятиях у учащихся формируются умения структурировать текст и использовать опорные слова в монологическом высказывании. Такая практическая деятельность формирует коммуникативные компетенции учащихся на хакасском языке.

Ключевые слова: коммуникативные компетенции, стратегии смыслового чтения, структурирование текста.

Язык – это душа народа. Благодаря ему от каждого из нас протягиваются нити к тому великому и вечному, имя которому – народ. Зная язык предков, можно постичь мудрость предшествующих поколений. Только язык объединяет нас, историю и современность, жизнь предков и наши дни.

В МБОУ г. Абакана «Лицей» обучение хакасскому языку ведется через внеурочную деятельность по программе для учащихся, начинающих изучать этот язык. При выборе внеурочной деятельности, которая проходит во второй половине дня, необходимо помнить, что для того,

чтобы учащийся выбрал хакасский язык, занятия должны быть интересными и увлекательными.

Целью обучения учащихся хакасскому языку является овладение коммуникативными компетенциями, умениями и навыками общения, необходимыми в различных ситуациях.

«Коммуникативная компетенция – овладение всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, умениями и навыками использования языка в различных сферах и ситуациях общения, соответствующих опыту, интересам, психологическим особенностям учащихся» [4, с. 1].

Занятия внеурочной деятельностью проходят 3 раза в неделю. В семьях у учащихся нет соответствующей языковой среды. Поэтому одной из эффективных стратегий обучения хакасскому языку можно считать стратегию смыслового чтения. В «Примерной программе» сформулированы метапредметные результаты по смысловому чтению:

- находить в тексте требуемую информацию (в соответствии с целями своей деятельности);
- ориентироваться в содержании текста, понимать целостный смысл текста, структурировать текст [2, с. 25].

Умение структурировать текст – это основной признак осмысленного чтения. Рассмотрим на примере текста о семье.

Миниң адым Тарина. Мин үгрөнчѳин. Мин 2 класста үгрөнчѳем. Миниң сѳбиремде пабам, иѳем, аѳам паза туңмам пар. Пабамның ады Арсентий Петрович. Ол композитор. Иѳем – имѳи. Анын ады Раиса Семеновна. Туңмамның ады Ксения. Агаа тис час. Ол олган садына ѳѳрѳе. Аймир – аѳам. Ол үгрөнчѳи [1, с. 22].

Работа с текстом выполняется в таблице по следующим заданиям:

- заполнение пропусков в уже частично заполненной таблице по материалам текста;
- описание логики построения таблицы;
- построение таблицы по образцу, когда заполнены только первый столбец и первая строка.

Паба	Иѳе	Аѳа	Мин	Туңма
Арсентий Петрович	Раиса Семеновна	Аймир	Тарина	Ксения
Композитор	имѳи	үгрөнчѳи	үгрөнчѳи	олган сады
			2 класс	5 час

Любая таблица – результат некоторой классификации, оформленной в виде нескольких столбцов и строк. Данный метод структурирования текста полезен как на стадии осмысления, так и переработки материала [3].

Выписанные слова – это опора для монологического высказывания учащегося. Процесс говорения на хакасском языке представляет трудность для обучающегося, а монологическое высказывание – процесс

сложный, связанный с выбором того, что сказать и как сказать. Формирование этого умения осуществляется с помощью опор, ключевых слов, вопросов.

Считаю, что педагоги, работающие с учащимися, начинающими изучать хакасский язык, могут применять структурирование текста и использовать опоры, ключевые слова в формировании и развитии коммуникативных компетенций по хакасскому языку.

Библиографический список

1. Арчимаева М. С. [и др.] Хакасский язык: учебник для учащихся 2 класса общеобразовательной школы, начинающих изучать хакасский язык. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. 314 с.: ил.
2. Примерная основная образовательная программа основного общего образования. URL: [https://fgosreestr.ru/wp-content/uploads/2020/02/примерная-основная-образовательная-программа-ред.04.02.2020.свободный\(датаобращения:05.03.2020\)](https://fgosreestr.ru/wp-content/uploads/2020/02/примерная-основная-образовательная-программа-ред.04.02.2020.свободный(датаобращения:05.03.2020)).
3. Романичева Е. С. Обучение смысловому чтению на уроках разных предметов: методика и технология (как реализовать требования ФГОС). URL: [https://edu.1sept.ru/мои-курсы/2020/03/свободныйдляслушателейкурсовШЦВ\(датаобращения:05.03.2020\)](https://edu.1sept.ru/мои-курсы/2020/03/свободныйдляслушателейкурсовШЦВ(датаобращения:05.03.2020)).
4. Стандарт основного общего образования по русскому языку. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200400907>, свободный (дата обращения: 05.03.2020).

© Тинникова Л. И., 2020

УДК. 373.24

Г. В. Чаптыкова, О. В. Карамчакова

СИНКВЕЙН-ТЕХНОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС

В статье представлен опыт обучения дошкольников хакасскому языку в контексте требований ФГОС дошкольного образования. Использование синквейн-технологии как инновационного методического приема показало ее эффективность в развитии речевой активности детей, обогащении словаря и повышении интереса дошкольников к хакасскому языку по республиканской программе «Иркечек».

Ключевые слова: синквейн-технология, обучение хакасской речи, старший дошкольный возраст.

Обучение детей хакасскому языку в детском саду – одна из самых актуальных задач в Республике Хакасия. Оно направлено на успешное овладение хакасским языком как средством общения, необходимое для интеллектуального и нравственного становления дошкольников. Необходимость целенаправленного изучения того или иного языка с малых лет подчеркивается и в исследованиях Л. С. Выготского, А. М. Шахнарович, А. А. Леонтьева, А. Ш. Асадуллина, Ф. Ф. Харисова, Ч. М. Харисовой, которые отмечают, что именно дошкольный возраст является наиболее сенситивным периодом обучения языкам: этот период характеризуется эмоциональной готовностью к овладению языковой информацией и

прочностью ее запоминания [6]. Некоторые методы обучения хакасскому языку в дошкольном учреждении представим из собственного опыта работы.

Мы работаем по программе «Иркечек» (авторы Ю. Д. Чаптыкова, С. А. Ахпашева) по изучению хакасского языка. Изучение хакасского языка осуществляется непосредственно в ходе образовательной деятельности, которая проводится 1 раз в неделю в течение 30 минут. Главная цель этой деятельности – стимулирование речевой активности детей в разговорной речи, формирование умений правильно произносить хакасскую речь [2]. В программе даны тематические ситуации, где кукла Иркечек или кукла Томыйах приходят в гости к детям. Они с детьми «играют, рассказывают сказки, встречают гостей, разбирают речевые ситуации». Каждая образовательная деятельность с детьми предусматривает комплексное решение речевых задач, включая обязательную работу над фонетическими, лексическими аспектами языка и формированием навыков связной речи.

В условиях реализации нового Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) воспитателю приходится искать новые средства обучения детей хакасскому языку, которые соответствуют современным требованиям и целям обучения. В связи с этим перед педагогами стоит задача поиска новых нестандартных форм взаимодействия с воспитанниками.

Теоретический анализ литературы позволяет говорить о том, что проблема формирования этнокультурной осведомленности дошкольников недостаточно освещена в специальных педагогических работах. Однако в связи с возросшей потребностью практики воспитатели дошкольных учреждений ищут и используют разнообразные формы, средства и методы формирования и развития этнокультурной компетентности дошкольника [3].

Как заинтересовать ребенка в изучении хакасского языка? Всем известно, что лучше запоминается то, что нам интересно, что было эмоционально окрашено. Одним из способов достижения этой цели образования считаем технологию «синквейн».

Слово «синквейн» (англ. Cinquain) происходит от французского слова «пять», что означает «стихотворение из пяти строк», которые пишутся по определенным правилам. В методической литературе синквейн характеризуется как эффективный метод развития образной речи. Данный метод легко интегрируется с другими образовательными областями программы, а простота построения синквейна позволяет быстро получить результат [4]. Цель этого метода – краткое подведение итогов по любой теме или по изученному материалу. Синквейн был придуман в начале XX века Аделаидой Крэпси – американской поэтессой. Вдохновленная японскими хайку и танка, Крэпси придумала форму пятистрочного стихотво-

рения, также основанного на подсчете слогов в каждой строке. Придуманной ею традиционный синквейн имел слоговую структуру 2-4-6-8-2 (два слога в первой строке, четыре – во второй и так далее). Таким образом, всего в стихотворении должно было быть 22 слога. [4]. Впоследствии многие другие авторы развивали эту форму, и сегодня созданы такие варианты, как: обратный синквейн, зеркальный, традиционный, синквейн-бабочка и синквейн-загадки.

Правила составления синквейна. Форма синквейна напоминает ёлочку. **В первой строке** пишется одно слово, обозначающее явление или предмет, о котором идет речь. Обычно это местоимение или существительное и отвечает на вопросы: кто? что? **Во второй строке** находятся уже два слова, которые описывают свойства и признаки этого предмета или явления. Обычно это причастия и прилагательные, отвечающие на вопросы: какой? какая? какое? какие? **В третьей строке** содержатся уже три слова, которые описывают действия, обычные для этого явления или объекта. Это глаголы и деепричастия, отвечающие на вопрос: что делает? что делают? **В четвертой строке** ребёнок выражает уже непосредственно своё мнение о затронутой теме. Иногда это может быть просто известный афоризм, фраза или что-то подобное, иногда даже небольшой стих. Самый традиционный вариант – когда эта фраза состоит из четырёх слов. **Пятая строка** содержит в себе опять всего одно слово. Это слово – ассоциация, выражающая сущность темы. Обычно это существительное или местоимение и отвечает на вопрос: кто? что? [6].

Мы используем технологию синквейн в совместной образовательной деятельности, в режимных моментах как дидактическую игру для закрепления пройденного материала, которую ребенок совместно с взрослыми проделал в ходе изучения. Можно ли учить составлять синквейны детей, еще не имеющих читать? Наш опыт показывает, что можно. Составить синквейн получается у всех. Составление синквейна похоже на игру, ведь сочинять легко, весело, полезно! При помощи наводящих вопросов дети учатся выделять главную мысль, отвечать на вопросы по определенному алгоритму, создают свои нерифмованные стихотворения. При помощи этой технологии дети с интересом запоминают и обогащают активный словарный запас. Синквейн можно составлять в конце занятия для закрепления пройденного материала, а можно в начале – как введение в тему.

Синквейн-технологию можно использовать в соответствии с темой по программе «Иркечек», и каждый раз ребенок будет узнавать новые слова, закреплять изученные и открывать для себя еще не изученный материал. Использование синквейна побуждает детей активизироваться в произношении хакасских слов, обогащении словаря. Эта технология позволяет решать и дидактические задачи: развивать умение отвечать на вопросы: «Что это?» (Пу ниме?); «Кто это?» (Пу кем?); «Что делает?» (Ниме итче?); «Какой?» (Хайдаг?); или развивать диалогическую речь,

умение строить предложение. Однако нужно помнить, что знакомство с этим приёмом следует начинать в старшем дошкольном возрасте, когда дети уже овладели понятиями: «слово-предмет», «слово-действие», «слово-признак», «предложение». Чем богаче будет словарный запас ребёнка, тем легче ему будет построить синквейн.

Уже в старшем дошкольном возрасте у детей в словаре есть некоторое количество прилагательных и глаголов, необходимых для составления синквейна. С самого раннего этапа обучения вводится в пассивный словарь учащихся большое количество прилагательных. Синквейн, в свою очередь, помогает перевести их в активное использование [7].

Начинать работу лучше с коллективного составления синквейна, чтобы каждый ребенок понял структуру этого стихотворения. Уже в конце старшего дошкольного возраста дети с удовольствием составляют синквейны на такие темы, как «Домашние животные», «Дикие животные» и т. п. В этом возрасте дети с удовольствием работают в паре и составляют один синквейн на двоих.

Например:

1. Аба
2. Табырах, кустіг.
3. Чуупча, узупча, пасча.
4. Ол чистекке чоо хынча
5. Тайга ээзі.

1. Медведь
2. Быстрый, сильный.
3. Моет, спит, ходит.
4. Он сильно любит землянику.
5. Хозяин тайги.

1. Адай
2. Хыйга, туктіг.
3. Ойнапча, узупча, атыхча.
4. Ол минің чахсы арғызым.
5. Ибдегі мал.

1. Собака
2. Умная, маленькая.
3. Бегаёт, играет, прыгает.
4. Она мой хороший друг.
5. Домашнее животное.

В подготовительной группе обогащается словарный запас, дети знакомятся с моделями составления синквейна. При выполнении такого задания создается ситуация успеха – очень важный момент для каждого

ребенка. В подготовительном группе детям предлагаются темы: «Моя семья», «Моя любимая игрушка», «Одежда». Детям уже хочется проявить свою индивидуальность, и они больше любят выполнять задание самостоятельно, развивая креативное мышление. Еще один пример работы:

1. Пала
2. Хыйга, амыр.
3. Ойнапча, узупча, чүгүрче.
4. Пала ол улуг часка.
5. Часка.

В заключение отметим, что технологию синквейн можно использовать как непосредственно в образовательной деятельности по обучению хакасскому языку, так и для закрепления пройденной темы в режимных моментах. Применение данной технологии способствует повышению речевой активности детей, выработке правильности произношения хакасской речи. Этот метод позволяет детям быть активными участниками образовательного процесса. С помощью небольшого стихотворения в нескольких строках можно выразить основное содержание темы, поэтому этот прием становится популярным в обучении хакасскому языку. Синквейн-технология не только помогает педагогам проверить усвоенный материал, но и прекрасно развивает творческий потенциал детей.

Библиографический список

1. Акименко В. М. Развивающие технологии в логопедии. Ростов н/Д: Феникс, 2011.
2. Ахпашева С. А., Судочакова Н. В., Колмакова З. С. Иркчек: программа по хакасскому языку. Абакан, 2005.
3. Арчимаева М. С., Толмачёва Н. Я., Ахпашева С. А. [и др.]. Методические рекомендации по составлению рабочих программ с учётом этнокультурной ситуации развития детей в дошкольных образовательных организациях Республики Хакасия. Абакан, 2015.
4. Баннов А. М. Синквейн // Учимся думать вместе. М.: ИНТУИТ. РУ, 2007. 128 с.
5. Коноваленко В. В. Родственные слова. Лексико-грамматические упражнения и словарь для детей 6–8 лет. М.: Изд-во «ГНОМ и Д», 2009.
6. Татаринцева Е. А., Воробьёва Д. И. Использование технологии «синквейн» в речевом развитии детей старшего дошкольного возраста // Молодой ученый. 2020. № 3. С. 456–458. URL: <https://moluch.ru/archive/293/66554/> (дата обращения: 05.03.2020).
7. Ушакова О. С. «Развитие речи и творчества дошкольников». М.: ТЦ «Сфера», 2005.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (2013). URL: <http://mon-ru.livejournal.com> (дата обращения: 05.03.2020).

© Чаптыкова Г. В., Карамчакова О. В., 2020

1. **Абдина Раиса Петровна**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан) rabdina@mail.ru
2. **Абдуллаева Фатима Эйвазовна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) fatima2888@mail.ru
3. **Алтаева Алмагуль Карисбековна**, доктор филологических наук, профессор Университета «Туран» (г. Алма-Ата) ak.alma@mail.ru
4. **Албычакова Тарика Альбертовна**, воспитатель МБДОУ «Детский сад «Золотой ключик» (г. Абакан) albychakova2015@mail.ru
5. **Амзаракова Ольга Александровна**, магистрант Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)
6. **Амир Ракиш Сатович**, доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби (г. Алма-Ата)
7. **Акушакова Варвара Павловна**, воспитатель МБДОУ «Детский сад «Золотой ключик» (г. Абакан) wpa6252@gmail.com
8. **Араева Людмила Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) араева@list.ru
9. **Бавуу-Сюрюн Мира Викторовна**, доктор филологических наук, доцент, начальник отдела научно-прикладных исследований ГБУ «Центр развития традиционной тувинской культуры и ремесел» (г. Кызыл) mira.bavuu_surun@mail.ru
10. **Бадарч Баярсайхан**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник группы словарей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (г. Кызыл) bayiraa@mail.ru
11. **Бахтикиреева Улданай Максutowна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (г. Москва) uldanai@mail.ru
12. **Боргоякова Ирина Николаевна**, учитель МБОУ СОШ № 1 (г. Абакан) borgoyakova63@mail.ru
13. **Боргоякова Тамара Герасимовна**, доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики

- и теории языка Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан) tamarabee@mail.ru
14. **Булгакова Ольга Анатольевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) bulgakova.o.a@yandex.ru
 15. **Гимазутина Лариса Николаевна**, Министр образования и науки Республики Хакасия (г. Абакан) education_19@r-19.ru
 16. **Го Лихун**, преподаватель Цицикарского университета, аспирант Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) guolihong2477@126.com
 17. **Гусейнова Аурика Вагифовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан) aurika_guseynova@mail.ru
 18. **Даваа Екатерина Карбый-ооловна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель Тувинского государственного университета (г. Кызыл) super.kate17@yandex.ru
 19. **Денисова Эльвира Степановна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) elvdenisova@yandex.ru
 20. **Джаманкулова Кульжамал Тологоновна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры кыргызского языкознания Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына (г. Бишкек) djamankulova.guljamal@gmail.com
 21. **Добринина Альбина Альбертовна**, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск) ekinur@mail.ru
 22. **Доможакова Ольга Васильевна**, кандидат педагогических наук, начальник отдела национального образования Министерства образования и науки Республики Хакасия (г. Абакан) ovd@r-19.ru
 23. **Иванова Нина Иннокентьевна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языкознания Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск) haar-haar@mail.ru
 24. **Идимешев Владимир Валерьевич**, магистрант Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан) bob1976bob@mail.ru
 25. **Каксин Андрей Данилович**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан) adkaksin@yandex.ru
 26. **Капчигашева Лилия Владимировна**, воспитатель МБДОУ ЦРР «Детский сад «Мечта» (г. Абакан) liliya_kapchigasheva@mail.ru

27. **Карамчакова Ольга Викторовна**, воспитатель МБДОУ «Детский сад «Золотой ключик» (г. Абакан)
28. **Керексibesова Урсула Валерьевна**, магистрант Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) kereksibesova@gmail.com
29. **Киштеева Оксана Вячеславовна**, кандидат культурологии, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан) okishteeva@mail.ru
30. **Колмогорова Анастасия Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск) nastiakol@mail.ru
31. **Кудайбергенова Зейнеп Совхозбаевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и социально-экономического образования КНУ им. Журсупа Баласагына (г. Бишкек) zeiner-1975@mail.ru
32. **Куцаева Марина Васильевна**, кандидат филологических наук, научный сотрудник группы финно-угорских языков отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (г. Москва) marina.kutsaeva@iling-ran.ru
33. **Кызласов Артем Самуилович**, кандидат филологических наук, заведующий сектором языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан) kyzlasov60@mail.ru
34. **Кызласова Инга Людовиковна**, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой хакасской филологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан) ikyzlasova@yandex.ru
35. **Кызласова Тамара Степановна**, учитель хакасского языка и литературы МБОУ «Спиринская ОШ №11» t-kyzlasova@mail.ru
36. **Ли Станислав Игоревич**, аспирант, ассистент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) li.stanislav999@yandex.ru
37. **Лопсан Алимаа Партизановна**, аспирант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан), старший преподаватель Тувинского государственного университета (г. Кызыл) lopsan121286@mail.ru
38. **Мамышева Светлана Васильевна**, воспитатель МБДОУ ЦРП «Детский сад «Колокольчик» (г. Абакан) arilos@yandex.ru
39. **Медведева Марина Алексеевна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры хакасской филологии Хакасского государст-

- венного университета имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан) marina_medvedeva_71@mail.ru
40. **Мжельских Мария Константиновна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск) mary.sharowa@gmail.com
 41. **Мнягашева Лариса Владимировна**, воспитатель в группе с изучением хакасского языка МБДОУ «Детский сад «Дашенька» (г. Абакан) lmiyagasheva@bk.ru
 42. **Проскурина Анастасия Викторовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) proscurina@yandex.ru
 43. **Рассадин Игорь Валентинович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) rassadin.73@mail.ru
 44. **Саая Оюмаа Маадыр-ооловна**, кандидат филологических наук, научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (г. Кызыл) yu5bi@mail.ru
 45. **Сагалаков Юрий Гаврилович**, заместитель Министра образования и науки Республики Хакасия (г. Абакан) sagalakov@g-19.ru
 46. **Сагалакова Таисия Николаевна**, учитель начальных классов МБОУ СОШ №6 (г. Салехард) taisiya-sagal@mail.ru
 47. **Саналова Байару Борисовна**, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова (г. Горно-Алтайск) sbayaru@mail.ru
 48. **Селютина Ираида Яковлевна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) siya_irina@mail.ru
 49. **Серээдар Надежда Чылбаковна**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник группы языка Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (г. Кызыл) sereedar.62@mail.ru
 50. **Султанбаева Клавдия Ивановна**, доктор педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и специального образования Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан) ski57@ya.ru
 51. **Тимкин Тимофей Владимирович**, младший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) ttimkin@yandex.ru
 52. **Тинникова Лариса Ивановна**, учитель хакасского языка МБОУ «Лицей» (г. Абакан) lmabak@rambler.ru

53. **Тодинова Евгения Валерьевна**, воспитатель МБДОУ ЦРР «Детский сад «Колокольчик» (г. Абакан)
54. **Топоева Августина Анатольевна**, воспитатель МБДОУ ЦРР «Детский сад «Мечта» (г. Абакан) topoeva-2016@mail.ru
55. **Турдубаева Назгуль Шаршеналиевна**, кандидат филологических наук, доцент, профессор Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына (г. Бишкек) nazgult.72@mail.ru
56. **Тюкпиекова Вера Андреевна**, воспитатель в группе с изучением хакасского языка МБДОУ «Детский сад «Дашенька» (г. Абакан)
57. **Тюкпиекова Ольга Степановна**, воспитатель в группе с изучением хакасского языка МБДОУ «Детский сад «Дашенька» (г. Абакан)
58. **Тюндешев Геннадий Александрович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан) tundesev@mail.ru
59. **Уртегешев Николай Сергеевич**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск) urtegeshev@mail.ru
60. **Хилханова Эржен Владимировна**, доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН (г. Москва) erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru
61. **Цыренов Бабасан Доржиевич**, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) tsyrenovbabasan@mail.ru
62. **Чаптыкова Галина Викторовна**, воспитатель МБОУ «Детский сад «Золотой ключик» (г. Абакан) chapykovagalina85@mail.ru
63. **Чебодаева Маина Петровна**, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан) chebodaevamp@mail.ru
64. **Чертыкова Мария Дмитриевна**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан) chertikova@yandex.ru
65. **Чугунекова Алена Николаевна**, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан) chugunekowa@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Араева Л. А.</i> Суффиксоиды как детерминанта категоризации мира в языках коренных народов России	5
<i>Бавуу-Сюрюн М. В.</i> Экстралингвистические факторы, обусловившие формирование диалектов и говоров тувинского языка	9
<i>Бахтикиреева У. М.</i> Изучение и описание национальных образов коренных народов РФ посредством носителей языка, фольклора и литературы – осознанная необходимость	14
<i>Боргоякова Т. Г.</i> Языковая политика Республики Хакасия в дискурсе и реализации	22
<i>Хилханова Э. В.</i> Языки коренных народов РФ в сфере образования в сопоставлении с зарубежным опытом	28

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

<i>Амзаракова О. А.</i> Ассоциативная репрезентация антонимических пар <i>good/bad</i> и <i>чахсы/хомай</i> в английском и хакасском языках	31
<i>Гусейнова А. В., Лопсан А. П.</i> Хакасский и тувинский языки в православном дискурсе	36
<i>Иванова Н. И.</i> Якутский язык в сфере духовной культуры: динамика функционального развития	39
<i>Идимешев В. В.</i> Федеральное законодательство о языках коренных народов в США	44
<i>Каксин А. Д.</i> Койбальский говор хакасского языка: к вопросу происхождения	48
<i>Колмогорова А. В., Мжельских М. К.</i> Место культурно-значимых смыслов в языковом сознании тувинцев-билингвов	49
<i>Куцаева М. В.</i> Языковая лояльность представителей марийской диаспоры Московского региона	52
<i>Кызласов А. С.</i> О предварительных итогах языковой экспедиции ХакНИИЯЛИ в 2019 году	58
<i>Лопсан А. П.</i> Аксиологические составляющие ассоциативного поля «семья» в тувинском и американском языковом сознании	63
<i>Сагалакова Т. Н.</i> Функционирование миноритарных языков на территории Ямало-Ненецкого автономного округа	64

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

<i>Абдина Р. П.</i> Лексико-семантическое описание продуктов и блюд из зерна и муки в хакасском языке	68
<i>Абдуллаева Ф. Э., Лихун Го.</i> Фреймовый анализ семантики слов «муж» и «жена» как терминов некровного родства (на примере паремий русского, китайского и телеутского языков)	73
<i>Баярсайхан Бадарч.</i> О некоторых параллелях в лексике хакасского языка и цэнгэльского говора тувинского языка	75
<i>Булгакова О. А.</i> Языковая картина мира сквозь призму зоофразеологизмов в телеутском и русском языках	79
<i>Каксин А. Д.</i> Средства репрезентации человеческой лени в хантыйском языке	82
<i>Керексибесова У. В.</i> Особенности мировидения русских, китайцев и тюрков через паремии о лености человека	84
<i>Ли С. И.</i> Метафора как механизм пропозиционально-фреймового моделирования (на материале фрейма «грибы» в разноструктурных языках)	85
<i>Рассадин И. В.</i> Традиционные способы рыболовства у тюркского этноса саянского нагорья (на примере сойотов)	87
<i>Саналова Б. Б.</i> Многозначность и синонимия (на материале алтайских глаголов)	91
<i>Цыренов Б. Д.</i> Лексика отрицательной характеристики человека в бурятском языке	97
<i>Цыренов Б. Д.</i> Отражение регионального окружения в бытовой лексике сойотского языка (к постановке вопроса)	98
<i>Чертыкова М. Д.</i> Лени и нежелание действовать: характеристика, грани и вербализация в языке	99

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО И ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ

<i>Алтаева А. К., Амир Р. С.</i> Структурное, функциональное взаимодействие сложных предложений в коммуникативном аспекте (на материале казахского языка)	102
<i>Боргоякова И. Н.</i> Именная эмотивная лексика в хакасском поэтическом дискурсе	106
<i>Даваа Е. К.</i> Традиционная культура тувинцев-тоджинцев как системное образование	110
<i>Джаманкулова К. Т.</i> История письменностей енисейских кыргызов (хакасов)	115

<i>Кызласова И. Л.</i> Лимитативные способы действия в хакасском языке.....	120
<i>Медведева М. А.</i> Особенности склонения в диалектах хакасского языка.....	122
<i>Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Добринина А. А.</i> Фонетические преобразования в позиции сандхи как маркеры артикуляционного кода этноса.....	127
<i>Серээдар Н. Ч.</i> Семантика предложений о состоянии природы, построенных по структурной схеме $\{N_{\text{Nom}} V_{\text{I}}\}$	131
<i>Тимкин Т. В.</i> Огубленный гласный <i>й</i> в юганском говоре сургутского диалекта хантыйского языка по акустическим данным	137
<i>Чугунекова А. Н.</i> Образные глаголы движения хакасского языка как отражение национальной языковой картины мира (в сравнении с тувинским и ненецким языками)	139

ИССЛЕДОВАНИЕ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ КАК ОСНОВЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

<i>Денисова Э. С.</i> Функционирование народных примет в русской и телеутской языковой картине мира: сопоставительный аспект	146
<i>Киштеева О. В.</i> Символика головных уборов в традиционной культуре хакасов	150
<i>Кудайбергенова З. С.</i> История и сходство национальных традиций и обычаев хакасского и киргызского народов	155
<i>Проскурина А. В.</i> Языковая картина мира сквозь призму загадок (на материале телеутского языка)	159
<i>Саая О. М.</i> Лексико-семантическое поле с ядром «кара»: синтагматические отношения	162
<i>Турдубаева Н. Ш.</i> Сравнительно-сопоставительный анализ бытовых сказок (на примере сказок хакасов и киргизов, живущих в КНР).....	166
<i>Тюндешев Г. А.</i> Хакасы – создатели лунно-солнечно-юпитерного календаря двенадцатилетнего животного цикла	171
<i>Чебодаева М. П.</i> Традиционные подголовники – подушки «пас частых» у хакасов (XVIII–XX вв.).....	174

РОДНЫЕ ЯЗЫКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

<i>Акушакова В. П.</i> Использование квест-игры в обучении детей дошкольного возраста хакасскому языку	181
<i>Албычакова Т. А.</i> Методический прием «Фишбоун» в обучении детей дошкольного возраста хакасскому языку.....	184

Гимазутина Л. Н., Доможякова О. В., Сагалаков Ю. Г. Опыт реализации государственной языковой политики в системе образования Республики Хакасия: преподавание и изучение хакасского языка	187
Капчигашева Л. В., Топоева А. А. Популяризация хакасского языка через проектную деятельность в ДОУ	196
Кызласова Т. С. Через родной язык – в духовную жизнь народа	199
Мамышева С. В., Тодинова Е. В. Использование элементов ТРИЗ в обучении детей хакасскому языку в ДОУ	201
Миягашева Л. В., Тюкпиекова В. А., Тюкпиекова О. С. Преемственность ДОУ и школы в вопросах изучения хакасского языка.....	205
Султанбаева К. И. Национальная идея в научном наследии Н. Ф. Катанова в контексте современной этнокультурной образовательной ситуации в Хакасии	209
Тинникова Л. И. Формирование коммуникативной компетенции учащихся по хакасскому языку во внеурочной деятельности	214
Чаптыкова Г. В., Карамчакова О. В. Синквейн-технология как средство обучения детей хакасскому языку в условиях реализации ФГОС	216
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	221

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

Материалы

*IV Всероссийской научно-практической конференции
(Абакан, 1–2 октября 2020 г.)*

Ответственный редактор – **Т. Г. Боргоякова**

Корректор – Л. Н. Макарова.
Компьютерное обеспечение Ю. С. Танбаевой

Подписано к использованию 07.09.2020. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Физ.печ.л. 14,5. Уч.-изд.л. 13,5. Усл.печ. 14,2.
Заказ № 89.

Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90А, тел. 22-51-13; e-mail: izdat@khsu.ru